
РОДНАЯ
РЕЧЬ
1
КНИГА

Птица сильна крыльями, а человек дружбой

Крепкую дружбу

и водой не разольёшь

Земля освещается солнцем,

а человек знанием

Не одежда красит человека,
а его добрые
дела!
Где труд,
там и
радость

РОДНАЯ РЕЧЬ

УЧЕБНИК ПО ЧТЕНИЮ
ДЛЯ УЧАЩИХСЯ НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ

В ТРЁХ КНИГАХ

2-е издание

Рекомендовано
Министерством образования
Российской Федерации

МОСКВА «ПРОСВЕЩЕНИЕ» 1994

ББК 81.2Р-922
Р60

Составители:
М. В. Голованова, В. Г. Горецкий, Л. Ф. Климанова

Родная речь. Учеб. по чтению для учащихся нач. шк. В 3 кн.
Р60 Кн. 1/Сост. М. В. Голованова и др.— 2-е изд.— М.: Просвещение, 1994.—351 с.: ил.—ISBN 5-09-005035-Х.

Р $\frac{4306020200-114}{103(03)-94}$ инф. письмо — 94, № 25

ББК 81.2Р-922

ISBN 5-09-005035-Х

Устное творчество русского народа

РУССКИЕ НАРОДНЫЕ ПЕСНИ.

Берёза моя, берёзонька,
Берёза моя белая,
Берёза кудрявая!
Стоишь ты, берёзонька,
Посередь долинушки,
На тебе, берёзонька,
Листья зелёные;
Под тобой, берёзонька,
Травка шелко́вая...

Ты рябинушка
Раскудрявая,
Ты когда взошла,
Когда выросла?
Я весной взошла,
Летом выросла,
По зорям цвела,
Солнцем вызрела.

ПОТЕШКИ.

Петушок.

Петушок, петушок,
Золотой гребешок,
Маслена головушка,
Шёлкова бородушка!
Что ты рано встаёшь,
Голосисто поёшь?
Ване спать не даёшь?

Кошка и курочка.

Кошка на окошке
Рубашку шьёт,
Курочка в сапожках
Избёнку метёт.

Мыши.

Мыши водят хоровод,
На лежанке дремлет кот.
Тише, мыши, не шумите,
Кота Ваську не будите.
Вот проснётся Васька-кот,
Разобьёт весь хоровод.

СКОРОГОВОРКИ, ПРИГОВОРКИ, СЧИТАЛКИ И НЕБЫЛИЦЫ.

От топота копыт пыль по полю летит.

На дворе трава, на траве дрова.
Раз дрова, два дрова, три дрова.

Проворонила ворона воронёнка.

Начинается считалка:
На берёзу села галка,
Две вороны, воробей,
Три сороки, соловей.

Солнышко-вёдрышко,
Выгляни в окошечко!
Солнышко, нарядись!
Красное, покажись!

Ой ты, зоренька-заря,
Заря вечерняя.
А кто зореньку найдёт,
Тот и вон пойдёт.

Конь ретивый,
Долгогривый
Скачет полем,
Скачет нивой.
Кто коня
Того поймает,
С нами в салочки
Играет.

Ай, чу-чу, чу-чу, чу-чу,
Я горошек молочу,
Я горошек молочу
На Ивановом току.
Ко мне курочка бежит,
Конопаточка спешит.
Ой, бежит она, спешит,
Ничего не говорит.
А из курочки перо
Полетело далеко,
Ой, далёко, далеко,
На Иваново село.

У Иванова двора
Загорелася вода.
Всем селом пожар тушили,
А огонь не загасили.
Пришёл дедушка Фома,
Расседая борода.
Он народ прогнал в овин,
Затушил пожар один.
Как Фома тушил пожар,
Он об этом не сказал.
Только слышно стороной:
Затушил он бородой!

ЗАГАДКИ.

Книга, письмо.

Не куст, а с листочками,
не рубашка, а сшита,
не человек, а рассказывает.

Кто говорит молча?

Чёрный Ивашка,
деревянная рубашка,
где носом ведёт,
там заметку кладёт.

Инструменты.

Железный нос
в землю врос,
роет, копает,
землю разрыхляет.

Кланяется, кланяется,
придёт домой — растянется.

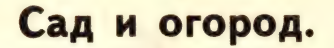
Животные.

Не портной, а всю жизнь с иголками ходит.

Пришла из лесу птичница в рыжей шубке кур посчитать.

Не ездок, а со шпорами, не сторож, а всех будит.

Среди двора стоит копна: спереди вилы, сзади метла.

Сад и огород.

Без счёту одёжек, и все без застёжек.

Не огонь, а жжётся.

Сидит дед во сто шуб одет;
кто его раздевает — слёзы проливает.

Золотое решето чёрных домиков полно.

Красная девица сидит в темнице,
а коса на улице.

Явления природы.

Крашеное коромысло через реку повисло

Без рук, без ног, а ворота отворяет.

Один льёт, другой пьёт,
третий зеленеет да растёт.

ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ.

О Родине.

Для Родины своей ни сил,
ни жизни не жалей.
Родина — мать, умей за неё
постоять.
Где смелость, там и победа.

О дружбе.

Нет друга — ищи,
а нашёл — береги.
Все за одного, один за всех.

Об умении и трудолюбии.

Делу — время, а потехе — час.
Учение — путь к умению.
Терпение и труд всё перетрут.
Семь раз примерь, а один отрежь.
Без труда не вытащишь и рыбку из пруда.
Землю солнце красит, а человека — труд.

О лени и нерадивости.

Поспешишь — людей насмешишь.

Под лежачий камень и вода не течёт.

Не спеши языком, торопись делом.

Делаешь наспех — сделаешь на смех.

О природе.

Лето — припасиха, зима — прибериха.

Декабрь год кончает, а зиму начинает.

Много снегу — много хлеба,
много воды — много травы.

Мороз невелик, да стоять не велит.

Весна красна цветами, а осень — снопами.

О СКАЗКАХ.

В вологодской деревне Рассказовке давно заприметил я два дома. И оба этих дома понравились мне. Высокие, светлые, с большими окнами. «Вот бы пожить в таком»,— подумал я. Один из них особенно приглянулся мне. И крыльцо, и стены, и наличники на его окнах были украшены резьбой. Хозяин вырезал и львов, и драконов, и петухов, и русалок.

— Откуда у вас такие чудеса? — спросил я.

— Какие чудеса?

— Да эти, на окнах, на стенах?

— А вы разве сказки не любите? — спросил хозяин.

— Конечно, люблю.

— Вот и я люблю.

Все люди на свете любят сказки. И любовь эта начинается в детстве. А художники проносят сказку через всю свою жизнь. Волшебные, весёлые и даже страшные — сказки всегда интересны. Читаешь, бывало, или слушаешь — дух захватывает.

Но не только интерес, не только развлечение есть в сказках. «Сказка — ложь, да в ней намёк,

добрым молодцам урок»,— писал Александр Сергеевич Пушкин. И действительно, в сказке всегда есть урок, но урок очень мягкий, добрый, чаще всего это дружеский совет. Сказка учит отличать добро от зла, хорошее от плохого. Написать сказку может только настоящий поэт и мастер.

Вечные сказки — сказки народные, в них спрятана волшебная сила.

(Юрий Коваль.)

Лиса и тетерев.

Те́терев сидел на дереве. Лисица подошла к нему и говорит:

— Здравствуй, тетерево́чек, мой дружочек! Как услышала твой голосочек, так и пришла тебя проведать.

— Спасибо на добром слове,— сказал тетерев.

Лисица притворилась, что не расслышала, и говорит:

— Что говоришь? Не слышу. Ты бы, тетеревочек, мой дружочек, сошёл на травушку погулять, поговорить со мной, а то я с дерева не расслышу.

Тетерев сказал:

— Боюсь я сходить на траву. Нам, птицам, опасно ходить по земле.

— Или ты меня боишься? — сказала лисица.

— Не тебя, так других зверей боюсь,— сказал тетерев.— Всякие звери бывают.

— Нет, тетеревочек, мой дружочек, нынче указ объявлен, чтобы по всей земле мир был. Нынче уж звери друг друга не трогают.

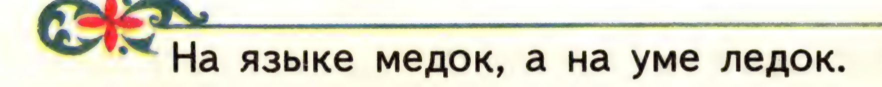
— Вот это хорошо,— сказал тетерев.— А то вот собаки бегут. Кабы по-старому, тебе бы уходить надо, а теперь тебе бояться нечего.

Лисица услыха́ла про собак, навостри́ла уши и хотела бежать.

— Куда ж ты? — сказал тетерев.— Ведь нынче указ, собаки не тронут.

— А кто их знает! — сказала лисица.— Может, они указ не слыхали.

И убежала.

На языке медок, а на уме ледок.

Лиса и журавль.

Лиса с журавлём подружились.

Вот вздумала лиса угостить журавля и пошла звать его к себе в гости:

— Приходи, куманёк, приходи, дорогой! Уж я тебя угощу!

Пошёл журавль на званый пир. А лиса наварила манной каши и размазала по тарелке. Подала и потчевает[1]:

— Покушай, голубчик-куманёк, сама стряпала.

Журавль стук-стук носом по тарелке. Стучал, стучал — ничего не попадает!

А лисица лижет себе да лижет кашку, так всё сама и съела.

Кашу съела и говорит:

[1] По́тчевать — угощать.

— Не обессудь, куманёк. Больше потчевать нечем.

Журавль ей отвечает:

— Спасибо, кума, и на этом! Приходи ко мне в гости.

На другой день приходит лиса к журавлю, а он приготовил окрошку, наклал в кувшин с узким горлышком, поставил на стол и говорит:

— Кушай, кумушка! Право, больше нечем потчевать.

Лиса начала вертеться вокруг кувшина. И так зайдёт, и этак, и лизнёт его, и понюхает-то — никак достать не может: не лезет голова в кувшин.

А журавль клюёт себе да клюёт, пока всё не съел.

— Ну, не обессудь, кума! Больше угощать нечем.

Взяла лису досада. Думала, что наестся на целую неделю, а домой пошла несолоно хлебавши[1]. Как аукнулось, так и откликнулось!

С тех пор и дружба у лисы с журавлём врозь.

За добро добром и платят.

---

[1] Несо́лоно хлеба́вши — ни с чем.

Петушок и бобовое зёрнышко.

Жили-были петушок и курочка. Петушок всё торопился, всё торопился, а курочка знай себе приговаривает:

— Петя, не торопись. Петя, не торопись.

Клевал как-то петушок бобовые зёрнышки да второпях и подавился. Подавился, не дышит, не слышит, словно мёртвый лежит.

Перепугалась курочка, бросилась к хозяйке, кричит:

— Ох, хозяюшка, дай скорей маслица, петушку горлышко смазать: подавился петушок бобовым зёрнышком.

— Беги скорей к коровушке, проси у неё молока, а я ужо собью маслица.

Бросилась курочка к корове:

— Коровушка, голубушка, дай скорей молока, хозяюшка собьёт маслица, маслицем я смажу петушку горлышко: подавился петушок бобовым зёрнышком.

— Ступай скорей к хозяину. Пусть он принесёт мне свежей травы.

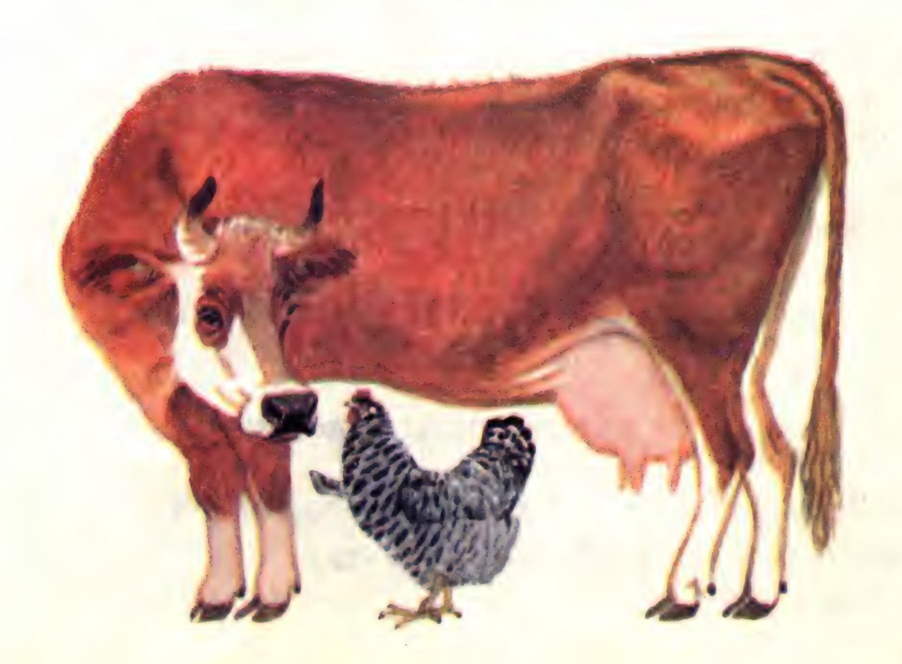
Бежит курочка к хозяину:

— Хозяин, хозяин! Дай скорей коровушке свежей травы, коровушка даст молочка, из молочка хозяюшка собьёт маслица, маслицем я смажу петушку горлышко: подавился петушок бобовым зёрнышком.

— Беги скорей к кузнецу за косой.

Со всех ног бросилась курочка к кузнецу.

— Кузнец, кузнец, дай скорей хозяину хорошую косу. Хозяин даст коровушке травы, коровушка даст молока, хозяюшка даст мне маслица, я смажу петушку горлышко: подавился петушок бобовым зёрнышком.

Кузнец дал хозяину новую косу, хозяин дал коровушке травы, коровушка дала молочка, хозяюшка сбила масло, дала маслица курочке.

Смазала курочка петушку горлышко. Бобовое зёрнышко проскочило. Петушок вскочил и во всё горло закричал:

— Ку-ка-ре-ку!

Друзья познаются в беде.

Доброе братство лучше богатства.

У страха глаза велики.

Жили-были бабушка-старушка, внучка-хохотушка, курочка-клохтушка и мышка-норушка.

Каждый день они ходили за водой. У бабушки были вёдра большие, у внучки — поменьше, у курочки — с огурчик, у мышки — с напёрсточек.

Бабушка брала воду из колодца, внучка из колоды, курочка из лужицы, а мышка из следа от поросячьего копытца.

Назад идут — у бабушки вода трё-ё-х, плё-ё-х! У внучки — трёх, плёх! У курочки — трёх-трёх! плёх-плёх! У мышки — трёх-трёх-трёх! плёх-плёх-плёх!

Вот раз наши водоносы пошли за водой. Воды набрали, идут домой через огород.

А в огороде яблонька росла, и на ней яблоки висели. А под яблонькой зайка сидел.

Налетел на яблоньку ветерок, яблоньку качнул, яблоко хлоп — и зайке в лоб!

Прыгнул зайка да прямо нашим водоносам под ноги.

Испугались они, вёдра побросали и домой побежали. Бабушка на лавку упала, внучка за бабку спряталась, курочка на печку взлетела, а мышка под печку схоронилась.

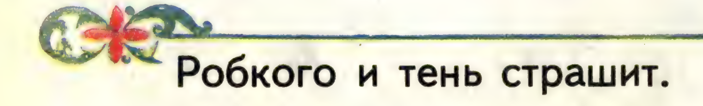
Бабка охает: «Ох! Медведище меня чуть не задавил!»

Внучка плачет: «Бабушка, волк-то какой страшный на меня наскочил!»

Курочка на печке кудахчет: «Ко-ко-ко! Лиса ведь ко мне подкралась, чуть не сцапала!»

А мышка из-под печи пищит: «Котище-то какой усатый! Вот страху я натерпелась!»

А зайка в лес прибежал, под кустик лёг и думает: «Вот страсти-то! Четыре охотника за мной гнались, и все с собаками; как только меня ноги унесли!» У страха глаза велики: чего нет — и то видят.

Робкого и тень страшит.

Каша из топора.

Шёл солдат на побывку. Притомился в пути, есть хочется. Дошёл до деревни, постучал в крайнюю избу:

— Пустите отдохнуть дорожного человека!

Дверь открыла старуха:

— Заходи, служивый.

— А нет ли у тебя, хозяюшка, перекусить чего?

У старухи всего вдоволь, а солдата поскупилась накормить, прикинулась сиротой.

— Ох, добрый человек, и сама сегодня ещё ничего не ела: не́чего.

— Ну, нет так нет,— солдат говорит.

Тут он приметил под лавкой топор без топорища:

— Коли нет ничего иного, можно и из топора кашу сварить.

Хозяйка руками всплеснула:

— Как так из топора кашу?

— А вот так. Дай-ка котёл.

Принесла старуха котёл.

Солдат топор вымыл, опустил в котёл, налил воды и поставил на огонь.

Старуха на солдата глядит, глаз не сводит.

Достал солдат ложку, помешивает варево. Попробовал.

— Ну как? — спрашивает старуха.

— Скоро будет готова,— отвечает.— Жаль, что вот соли нет.

— Соль-то у меня есть. Посоли.

Солдат посолил, снова попробовал:

— Коли сюда бы да горсточку крупы!

Старуха принесла из чулана мешочек крупы.

— На, заправь как надо.

Варил, варил солдат, помешивал, потом попробовал. Глядит старуха, оторваться не может.

— Ох, и каша хороша! — хвалит солдат.— Как бы сюда да чуточку масла — было бы и вовсе объедение.

Нашлось у старухи и масло. Сдобрили кашу.

— Бери ложку, хозяюшка.

Стал кашу есть да похваливать.

— Вот уж не думала, что из топора этакую кашу можно сварить,— дивится старуха.

А солдат ест да посмеивается.

Догадка не хуже разума.

Смётка дороже богатства.

Глупый киснет, а умный всё промыслит.

Гуси-лебеди.

Жили мужик да баба. У них была дочка да сынок маленький.

— Доченька,— говорила мать.— Мы пойдём на работу, береги брата. Не ходи со двора, будь умницей — мы купим тебе платочек.

Отец с матерью ушли, а дочка позабыла, что ей приказывали, посадила братца на травку под окошко, сама побежала на улицу, заигралась, загулялась.

Налетели гуси-лебеди, подхватили мальчика, унесли на крыльях.

Вернулась девочка, глядь — братца нету. Ахнула, кинулась туда-сюда — нету!

Она его кликала, слезами заливалась, причи́тывала, что худо будет от отца с матерью,— братец не откликнулся.

Выбежала она в чистое поле и только видала: метнулись вдали гуси-лебеди и пропали за тёмным лесом. Тут она догадалась, что они унес-

ли её братца: про гусей-лебедей давно шла дурная слава, что они пошаливали, маленьких детей уносили.

Бросилась девочка догонять их, бежала, бежала, увидела — стоит печь.

— Печка, печка, скажи, куда гуси-лебеди полетели?

Печка ей отвечает:

— Съешь моего ржаного пирожка — скажу.

— Стану я ржаной пирог есть! У моего батюшки и пшеничные не едятся...

Печка ей не сказала. Побежала девочка дальше — стоит яблоня.

— Яблоня, яблоня, скажи, куда гуси-лебеди полетели?

— Поешь моего лесного яблочка — скажу.

— У моего батюшки и садовые не едятся...

Яблоня ей не сказала. Побежала девочка дальше. Течёт молочная река в кисельных берегах.

— Молочная река — кисельные берега, куда гуси-лебеди полетели?

— Поешь моего простого киселька с молочком — скажу.

— У моего батюшки и сливочки не едятся...

Долго она бегала по полям, по лесам. День клонится к вечеру, делать нечего — надо идти домой.

Вдруг видит — стоит избушка на курьей ножке, об одном окошке, кругом себя поворачивается.

В избушке старая баба-яга прядёт кудель[1]. А на лавочке сидит братец, играет серебряными яблочками.

Девочка вошла в избушку:

— Здравствуй, бабушка!

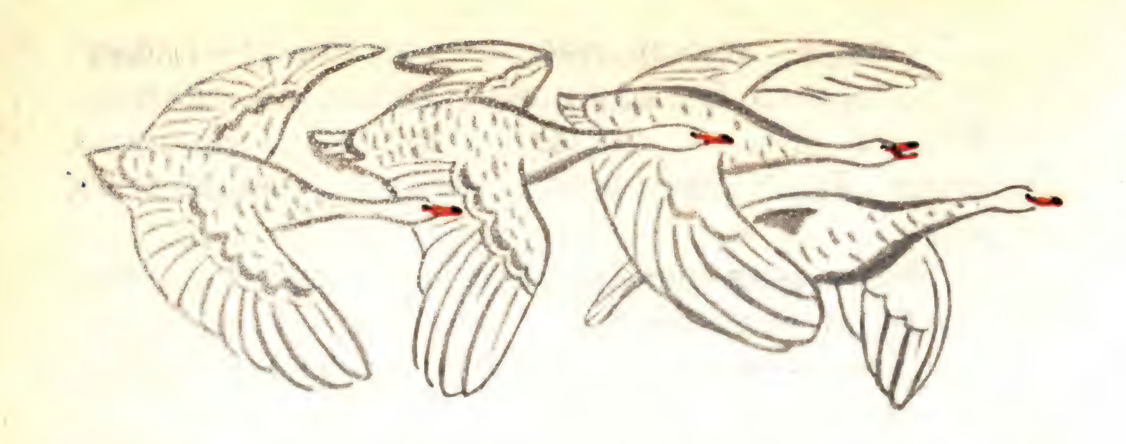
— Здравствуй, девица! Зачем на глаза явилась?

— Я по мхам, по болотам ходила, платье измочила, пришла погреться.

— Садись покуда кудель прясть.

---

[1] Куде́ль — пучок льна, приготовленный для пряжи.

Баба-яга дала ей веретено, а сама ушла. Девочка прядёт — вдруг из-под печки выбегает мышка и говорит ей:

— Девица, девица, дай мне кашки, я тебе добренькое скажу.

Девочка дала ей кашки, мышка ей сказала:

— Баба-яга пошла баню топить. Она тебя вымоет-выпарит, в печь посадит, зажарит и съест.

Девочка сидит ни жива ни мертва, плачет, а мышка ей опять:

— Не дожидайся, бери братца, а я за тебя кудель попряду.

Девочка взяла братца и побежала. А баба-яга подойдёт к окошку и спрашивает:

— Девица, прядёшь ли?

Мышка ей отвечает:

— Пряду, бабушка...

Баба-яга баню истопила и пошла за девоч-

кой. А в избушке нет никого. Баба-яга закричала:

— Гуси-лебеди, летите в погоню! Сестра братца унесла.

Сестра с братцем добежала до молочной реки. Видит — летят гуси-лебеди.

— Речка-матушка, спрячь меня!

— Поешь моего простого киселька.

Девочка поела и спасибо сказала. Река укрыла её под кисельным бережком.

Гуси-лебеди не увидали, пролетели мимо. Девочка с братцем опять побежала. А гуси-лебеди воротились, летят навстречу, вот-вот увидят. Что делать? Беда!

Стоит яблоня...

— Яблоня-матушка, спрячь меня!

— Поешь моего лесного яблочка!

Девочка поскорее съела и спасибо сказала.

Яблоня её заслонила ветвями, прикрыла листьями.

Гуси-лебеди не увидали, пролетели мимо. Девочка опять побежала.

Бежит, бежит, уже совсем недалеко осталось.

Тут гуси-лебеди увидели её, загоготали — налетают, крыльями бьют, того гляди, братца из рук вырвут.

Добежала девочка до печки:

— Печка-матушка, спрячь меня!

— Поешь моего ржаного пирожка.

Девочка скорее пирожок в рот, а сама с братцем — в печь, села в устьице.

Гуси-лебеди полетали-полетали, покричали-покричали и ни с чем улетели к бабе-яге.

Девочка сказала печи спасибо и вместе с братцем прибежала домой.

А тут и отец с матерью пришли.

Не дорого начало, а похвален конец.

Худо тому, кто добра не делает никому.

Два Мороза.

Гуляли по чистому полю, по густому лесу два Мороза, два родных брата.

Говорит один Мороз другому:

— Братец Мороз — Синий нос, как бы нам позабавиться, людей поморозить?

Отвечает другой:

— Отчего не позабавиться? Давай-ка, братец Мороз — Красный нос, на проезжую дорогу побежим, авось и встретим кого.

Побежали оба Мороза. Бегут, с ноги на ногу подпрыгивают, по ёлкам, по сосенкам пощёлкивают.

Слышат они: с одной стороны — колокольчики, а с другой — бубенчик. С колокольчиками богатый купец в город едет, а с бубенчиком бедный крестьянин — в лес по дрова. Младший Мороз — Красный нос за дровосеком побежал.

— Я,— говорит,— его живо заморожу. Полушубок на нём старый да рваный, шапка худая,

рукавицы дырявые. А ты за купцом беги. На нём шуба медвежья, шапка лисья, сапоги волчьи. Мне с ним не сладить.

— Будь по-твоему,— говорит старший брат, Мороз — Синий нос.

Свистнули, щёлкнули, побежали.

А к вечеру встретились опять в чистом поле. Старший брат, Мороз — Синий нос, посмеивается да рукавицей об рукавицу похлопывает, а младший брат, Мороз — Красный нос, кряхтит да ёжится.

— Ну что,— спрашивает он старшего брата,— заморозил купца?

— Заморозил,— отвечает старший брат,— еле живого отпустил.

Удивился Мороз — Красный нос.

— Как же это тебе удалось: ведь у купца шуба медвежья, шапка лисья, сапоги волчьи.

— А я,— говорит,— к нему и в шубу, и в шапку, и в сапоги забрался. Ему бы вылезти из саней, ногами потопать, руками похлопать, а он лежит себе да кутается. Вот я его и пробрал насквозь. Ну а ты как? Справился с дровосеком?

— Какое там,— отвечал Мороз — Красный нос.— Не я с ним, а он со мной справился. Хотел я его ещё по дороге заморозить, а он лошадь жалеет, бегом за санями бежит. Как его на бегу заморозить? Ну, думаю, доберёмся до места — тут я тебя и прихвачу! А как добрались до места,

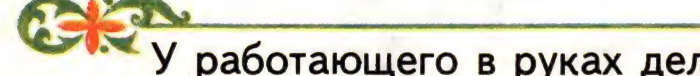
ещё хуже мне стало. Он дерево рубит, топором машет — только щепки в меня летят.

А ему всё жарче да жарче от работы становится, будто меня и на свете нет. Скинул он полушубок, снял шапку да рукавицы и на снег бросил. Ну, думаю, погоди у меня теперь! Забрался я к нему в полушубок, в шапку, в рукавицы и давай их морозить. Пусть как оденется да узнает, каков Мороз — Красный нос!

А он кончил дрова рубить и давай меня поленом из полушубка выколачивать. Бил-бил, колотил-колотил, еле я ноги унёс. До сих пор бока болят.

Покачал головой Мороз — Синий нос и говорит:

— Молод ты, брат, и глуп. Поживи с моё, так узнаешь, что топор лучше шубы греет.

У работающего в руках дело огнём горит.

Вопросы и задания.

1. Почему мы говорим: **устное** народное творчество? Посмотри внимательно, как оформлены первые страницы учебника. Попробуй нарисовать

сам красивый узор. Какие узоры (орна́менты) больше всего любят в твоём родном крае?

2. Попробуй самостоятельно определить среди произведений устного народного творчества загадку, пословицу, считалку, скороговорку, прибаутку, колыбельную песенку.

Учись доброму, худое на ум не пойдёт.

Раз, два, три, четыре, пять,
Будем в прятки мы играть.
Звёзды, месяц, луг, цветы...
Поводи пойди-ка ты!

Белая вата
Поплыла куда-то.

Чего себе не пожелаешь,
того и другому не твори.

Люли, люли, люленьки,
Летят сизы гуленьки,
Летят гули вон, вон,
Несут Маше сон, сон.
Стали гули ворковать,
Стала Маша засыпать.

Трах-трах, тарарах.
Едет мышка на ежах.
— Подожди, колючий ёж,

Больше ехать невтерпёж,
Очень колешься ты, ёж.

Сшила Саша Саньке шапку.

— Ты пирог съел?
— Нет, не я!
— А ещё хочешь?
— Хочу!

3. Как ты думаешь, могут ли быть к загадке «Без окон, без дверей, полна горница людей» разные отгадки (арбуз, огурец, тыква, подсолнух, кабачок, баклажан)? Объясни своё мнение.

4. Прочитай рассказы Льва Николаевича Толстого, которые он написал для своих учеников — крестьянских детей. Подумай, в чём смысл каждого из них и как он отражён в пословице.

СОБАКА НА СЕНЕ.

Собака лежала под сараем на сене. Корове захотелось сенца, она подошла под сарай, засунула голову и только ухватила клок сена — собака зарычала и бросилась на неё. Корова отошла и сказала:

— Хоть бы сама ела, а то сама не ест и мне не даёт.

ЗНАЕТ КОШКА, ЧЬЁ МЯСО СЪЕЛА.

Девочка без матери зашла в погребицу и выпила молоко. Когда мать пришла, девочка потупилась и не глядит на мать. И сказала:

— Матушка, что-то кошка лазила в погребицу, я её выгнала. Не поела б она молоко.

Мать сказала:

— Знает кошка, чьё мясо съела.

СТРЕКОЗА И МУРАВЬИ.

Осенью у муравьёв подмокла пшеница; они её сушили. Голодная стрекоза попросила у них корму. Муравьи сказали: «Что ж ты летом не собрала корму?» Она сказала: «Недосуг было: песни пела». Они засмеялись и говорят: «Если летом играла, зимой попляши».

Ещё раз перечитай последнюю фразу. Можно ли её считать пословицей? Придумай свой рассказ по пословице.

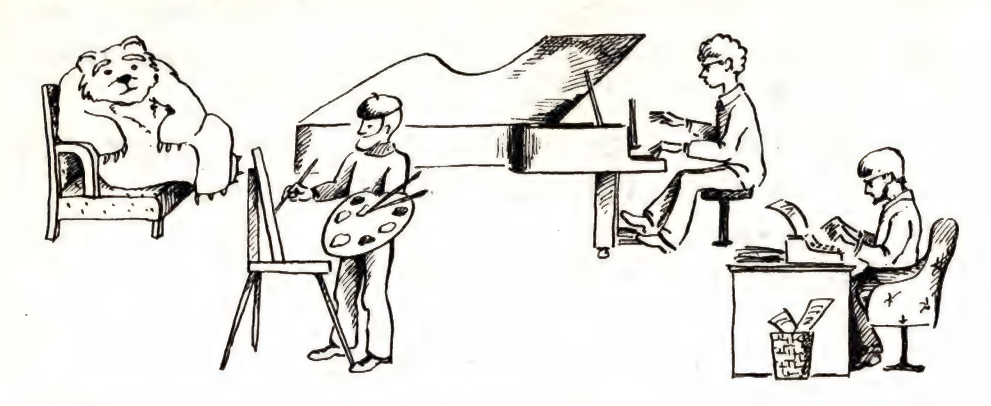
5. Обрати внимание на расположение загадок в учебнике. Они подобраны по темам.

Придумай какую-то свою тему и подбери к ней загадки.

На какие темы даны пословицы в учебнике?
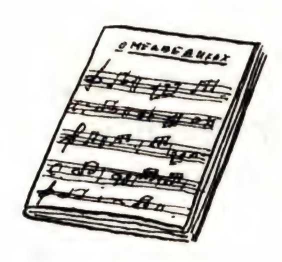
Однажды собрались несколько человек. Они решили изобразить маленького медвежонка.

Один из них — художник. Второй — музыкант, композитор. Третий — писатель.

Вот что у них получилось.

Каждый из них изобразил медвежонка по-своему. (Изобразил — создал образ, картину.) Первый — красками, второй — звуками, третий — словами.

6. Какая из прочитанных в учебнике сказок тебе больше всего понравилась и почему?

7. Ты, наверное, знаешь много других сказок. О чём твоя самая любимая сказка? Расскажи её.

8. Какими словами обычно начинаются народные сказки? Что такое *присказка?*

9. Какие персонажи чаще всего встречались тебе в сказках? Какой изображена лиса? Всегда ли она бывает хитрее других, удалось ли кому-нибудь хоть раз перехитрить её? Вспомни сказку «Лиса и тетерев». Кто из героев оказался умнее? Попробуй рассказать о тетереве. Какой он: *хитрый, умный, спокойный, находчивый, догадливый, сообразительный.*

10. Встретил ли ты в сказках пословицы и поговорки? В какой из них есть пословица «Как аукнется, так и откликнется»? Объясни её смысл. Как ты думаешь: мог бы у этой сказки быть другой конец?

11. Вспомни сказку «Два Мороза». Подумай, как название связано с основным содержанием. Можно ли заменить его другим: «Сказка о том, как топор лучше шубы греет»? Интересно ли в самом начале узнать, о чём сказка?

12. Попробуй вместе с друзьями сделать книжку-картинку. Для этого отбери наиболее понравившиеся произведения устного народного творчества. Перепиши самые интересные и важные предложения в свою книжку, сделай рисунки, придумай название.

13. Сказки бывают о **животных, волшебные, бытовые.**

В бытовых сказках рассказывается об обыкновенных людях, но ситуации, в которые они попадают, часто оказываются неожиданными и невероятными.

Какие из прочитанных в учебнике сказок поместил бы ты в книгах:

14. Вспомни сказку «Каша из топора». Что в ней сказочного и что могло случиться в жизни?

15. Есть ли у тебя дома животные? Придумай о ком-нибудь из них сказку, например о собаке или о кошке.

16. Заведи специальную тетрадь по чтению и запиши в неё свою сказку, сделай рисунок.

РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ

АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ ПУШКИН.

Какие стихи Пушкина ты запомнил самыми первыми?

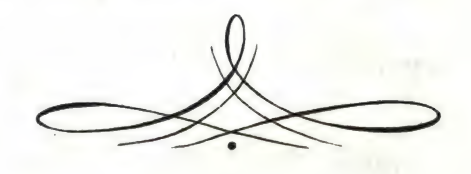
Про кораблик, что бежит себе в волнах на раздутых парусах? А может быть, про золотого петушка, который сидел на спице? Или про умную золотую рыбку из синего-синего моря? Всё волшебно в сказках Пушкина.

Стихи его прекрасны!.. Читаешь их, и будто поднимают они тебя над землёй, и ты чувствуешь, видишь всё, о чём написал поэт.

Как много в них тепла, сердечности, золотистого цвета!

Они звучат как музыка.

Солнце русской поэзии — так всегда называли Пушкина. Так называем его и мы.

* * *

...Зима!.. Крестьянин, торжествуя,
На дровнях обновляет путь;
Его лошадка, снег почуя,
Плетётся рысью как-нибудь;
Бразды пушистые взрывая,
Летит кибитка удалая;
Ямщик сидит на облучке
В тулупе, в красном кушаке.
Вот бегает дворовый мальчик,
В салазки Жучку посадив,
Себя в коня преобразив;
Шалун уж заморозил пальчик;
Ему и больно, и смешно,
А мать грозит ему в окно...

(Из романа «Евгений Онегин».)

* * *

...Вот север, тучи нагоняя,
Дохнул, завыл — и вот сама
Идёт волшебница зима.
Пришла, рассыпалась; клоками
Повисла на суках дубов;
Легла волнистыми коврами
Среди полей, вокруг холмов;
Брега[1] с недвижною рекою

[1] Брега́ — берега.

Сравняла пухлой пеленою;
Блеснул мороз. И рады мы
Проказам матушки-зимы...

(Из романа «Евгений Онегин».)

Сказка о рыбаке и рыбке.

Жил старик со своею старухой
У сáмого синего моря;
Они жили в ветхой землянке
Ровно тридцать лет и три года.
Старик ловил нéводом[1] рыбу,
Старуха пряла свою пряжу.
Раз он в море закинул невод,—
Пришёл невод с одною тиной.

[1] Нéвод — большая рыболовная сеть.

Он в другой раз закинул невод,—
Пришёл невод с травой морскою.
В третий раз закинул он невод,—
Пришёл невод с одною рыбкой,
С непростою рыбкой,— золотою.
Как взмолится золотая рыбка!
Голосом молвит человечьим:
«Отпусти ты, старче[1], меня в море,
Дорогой за себя дам откуп:
Откуплюсь чем только пожелаешь».
Удивился старик, испугался:
Он рыбачил тридцать лет и три года
И не слыхивал, чтоб рыба говорила.
Отпустил он рыбку золотую
И сказал ей ласковое слово:

---

[1] Ста́рче — старик.

«Бог с тобою, золотая рыбка!
Твоего мне откупа не надо;
Ступай себе в синее море,
Гуляй там себе на просторе».

Воротился старик ко старухе,
Рассказал ей великое чудо:
«Я сегодня поймал было рыбку,
Золотую рыбку, не простую;
По-нашему говорила рыбка,
Домой в море синее просилась,
Дорогою ценою откупалась:
Откупалась чем только пожелаю.
Не посмел я взять с неё выкуп;
Так пустил её в синее море».
Старика старуха забранила:
«Дурачина ты, простофиля!
Не умел ты взять выкупа с рыбки!
Хоть бы взял ты с неё корыто,
Наше-то совсем раскололось».

Вот пошёл он к синему морю;
Видит — море слегка разыгралось.
Стал он кликать золотую рыбку,
Приплыла к нему рыбка, спросила:
«Чего тебе надобно, старче?»
Ей с поклоном старик отвечает:
«Смилуйся, государыня рыбка,
Разбранила меня моя старуха,
Не даёт старику мне покою:

Надобно ей новое корыто;
Наше-то совсем раскололось».
Отвечает золотая рыбка:
«Не печалься, ступай себе с богом,
Будет вам новое корыто».

Воротился старик ко старухе,
У старухи новое корыто.
Ещё пуще старуха бранится:
«Дурачина ты, простофиля!
Выпросил, дурачина, корыто!
В корыте много ль кори́сти[1]?
Воротись, дурачина, ты к рыбке;
Поклонись ей, выпроси уж и́збу».

Вот пошёл он к синему морю
(Помутилося синее море),
Стал он кликать золотую рыбку,
Приплыла к нему рыбка, спросила:
«Чего тебе надобно, старче?»
Ей старик с поклоном отвечает:
«Смилуйся, государыня рыбка!
Ещё пуще старуха бранится,
Не даёт старику мне покою:
Избу просит сварливая баба».
Отвечает золотая рыбка:
«Не печалься, ступай себе с богом,
Так и быть: изба вам уж будет».

---

[1] Кори́сть — выгода.

Пошёл он ко своей землянке,
А землянки нет уж и сле́да;
Перед ним изба со светёлкой[1],
С кирпичною, белёною трубою,
С дубовыми, тесовыми воро́ты[2].
Старуха сидит под окошком,
На чём свет стоит мужа ругает:
«Дурачина ты, прямой простофиля!
Выпросил, простофиля, избу!
Воротись, поклонися рыбке:
Не хочу быть чёрной крестьянкой,
Хочу́ быть столбовою дворянкой[3]».

Пошёл старик к синему морю
(Не спокойно синее море);
Стал он кликать золотую рыбку.
Приплыла к нему рыбка, спросила:
«Чего тебе надобно, старче?»
Ей с поклоном старик отвечает:
«Смилуйся, государыня рыбка!
Пуще прежнего старуха вздурилась,
Не даёт старику мне покою:

---

[1] Светёлка — в старинных домах небольшая светлая комната.

[2] Воро́ты — так говорили в старину. Теперь говорят — воро́тами.

[3] Столбова́я дворя́нка — дворянка из старинного рода.

Уж не хочет быть она крестьянкой,
Хочет быть столбовою дворянкой».
Отвечает золотая рыбка:
«Не печалься, ступай себе с богом».

Воротился старик ко старухе.
Что ж он видит? Высокий терем.
На крыльце стоит его старуха
В дорогой собо́льей душегре́йке[1],
Парчовая на маковке ки́чка[2],
Жемчуги́ огрузи́ли шею,
На руках золотые перстни,
На ногах красные сапожки.
Перед нею усердные слуги;
Она бьёт их, за чупру́н[3] таскает.
Говорит старик своей старухе:
«Здравствуй, барыня суда́рыня, дворянка!
Чай, теперь твоя душенька довольна».
На него прикрикнула старуха,
На конюшне служить его послала.

Вот неделя, другая проходит,
Ещё пуще старуха вздурилась;

---

[1] Душегре́йка — тёплая короткая кофта без рукавов.

[2] Ки́чка — старинный женский головной убор.

[3] Чупру́н — чуб, хохол.

Опять к рыбке старика посылает.
«Воротись, поклонися рыбке:
Не хочу быть столбовою дворянкой,
А хочу быть вольною царицей».
Испугался старик, взмолился:
«Что ты, баба, белены́ объе́лась[1]?
Ни ступить, ни молвить не умеешь!
Насмешишь ты целое царство».
Осердилась пуще старуха,
По щеке ударила мужа.
«Как ты смеешь, мужик, спорить со мною,
Со мною, дворянкой столбовою? —
Ступай к морю, говорят тебе честью,
Не пойдёшь, поведут поневоле».

Старичок отправился к морю
(Почернело синее море).
Стал он кликать золотую рыбку.
Приплыла к нему рыбка, спросила:
«Чего тебе надобно, старче?»
Ей с поклоном старик отвечает:
«Смилуйся, государыня рыбка!
Опять моя старуха бунтует:
Уж не хочет быть она дворянкой,
Хочет быть вольною царицей».
Отвечает золотая рыбка:

---

[1] Белены́ объе́лась — сошла с ума, обезумела.

«Не печалься, ступай себе с богом!
Добро! будет старуха царицей!»

Старичок к старухе воротился.
Что ж? Пред ним царские палаты[1].
В палатах видит свою старуху,
За столом сидит она царицей,
Служат ей бояре[2] да дворяне,
Наливают ей заморские вины;
Заедает она пряником печатным[3];
Вкруг её стоит грозная стража,
На плечах топорики держат.
Как увидел старик,— испугался;
В ноги он старухе поклонился,
Молвил: «Здравствуй, грозная царица!
Ну теперь твоя душенька довольна».
На него старуха не взглянула,
Лишь с очей[4] прогнать его велела.
Подбежали бояре и дворяне,
Старика взашеи затолкали.
А в дверях-то стража подбежала,
Топорами чуть не изрубила;

---

[1] Ца́рские пала́ты — царский дворец.

[2] Боя́ре — богатые знатные люди, которые служили царю.

[3] Пря́ник печа́тный — пряник с отпечатанными рисунками или буквами.

[4] О́чи — глаза.

А народ-то над ним насмеялся:
«Поделом тебе, старый невежа!
Впредь тебе, невежа, наука:
Не садися не в свои сани!»
Вот неделя, другая проходит,
Ещё пуще старуха вздурилась:
Царедворцев за мужем посылает,
Отыскали старика, привели к ней.
Говорит старику старуха:
«Воротись, поклонися рыбке.
Не хочу быть вольною царицей,
Хочу быть владычицей морскою,
Чтобы жить мне в Окияне-море,
Чтоб служила мне рыбка золотая
И была б у меня на посылках[1]».

Старик не осмелился перéчить[2],
Не дерзнул поперёк слова молвить.
Вот идёт он к синему морю,
Видит, на море чёрная буря:
Так и вздулись сердитые волны,
Так и ходят, так воем и воют.
Стал он кликать золотую рыбку,
Приплыла к нему рыбка, спросила:
«Чего тебе надобно, старче?»

---

[1] Быть на посы́лках — находиться в полном подчинении у кого-нибудь.
[2] Перéчить — говорить наперекор.

Ей старик с поклоном отвечает:
«Смилуйся, государыня рыбка!
Что мне делать с проклятою бабой?
Уж не хочет быть она царицей,
Хочет быть владычицей морскою;
Чтобы жить ей в Окияне-море,
Чтобы ты сама ей служила
И была бы у ней на посылках».
Ничего не сказала рыбка,
Лишь хвостом по воде плеснула
И ушла в глубокое море.

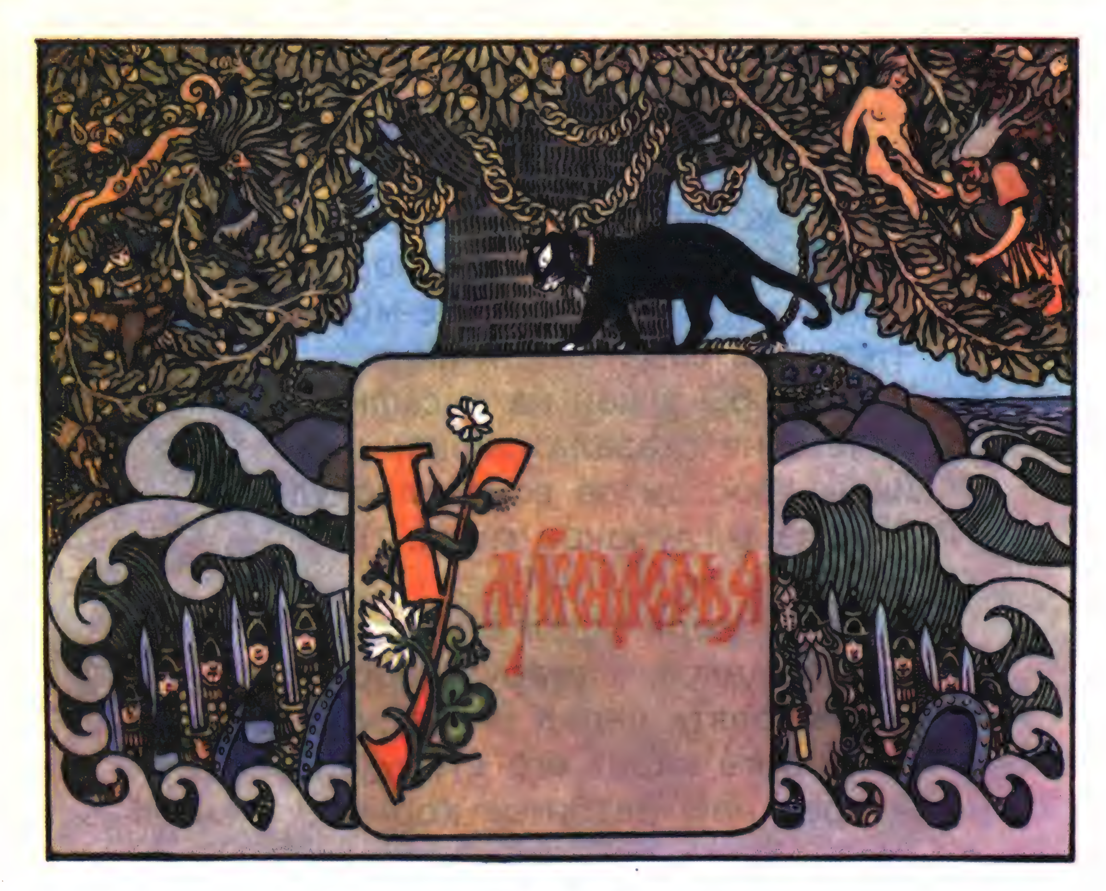
Долго у́ моря ждал он ответа,
Не дождался, к старухе воротился —
Глядь: опять перед ним землянка;
На пороге сидит его старуха,
А пред нею разбитое корыто.

Много захочешь — последнее потеряешь.

Много желать — добра не видать.

Жадность всякому горю начало.

Ненасытному всё мало.

* * *

У лукоморья дуб зелёный;
Златая цепь на дубе том:
И днём и ночью кот учёный
Всё ходит по цепи кругом;
Идёт направо — песнь заводит,
Налево — сказку говорит.

Там чудеса: там леший бродит,
Русалка на ветвях сидит;
Там на неведомых дорожках
Следы невиданных зверей;

Избушка там на курьих ножках
Стоит без окон, без дверей;
Там лес и дол видений полны;
Там о заре прихлынут волны
На брег песчаный и пустой,
И тридцать витязей прекрасных
Чредой из вод выходят ясных,
И с ними дядька их морской;
Там королевич мимоходом
Пленяет грозного царя;
Там в облаках перед народом
Через леса, через моря
Колдун несёт богатыря;
В темнице там царевна тужит,
А бурый волк ей верно служит;
Там ступа с Бабою-Ягой
Идёт, бредёт сама собой;
Там царь Кащей над златом чахнет;
Там русский дух... там Русью пахнет!
И там я был, и мёд я пил;
У моря видел дуб зелёный;
Под ним сидел, и кот учёный
Свои мне сказки говорил.
Одну я помню: сказку эту
Поведаю теперь я свету...

(Из поэмы «Руслан и Людмила».)

ВАСИЛИЙ АНДРЕЕВИЧ ЖУКОВСКИЙ.

А. С. Пушкин считал В. А. Жуковского своим учителем, другом. Двадцатилетнему Пушкину Жуковский написал: «Победителю-ученику от побеждённого учителя в тот высокоторжественный день, в который он окончил свою поэму «Руслан и Людмила», 1820, марта 26, великая пятница».

Жуковский был прекрасным поэтом, которым восхищались лучшие люди того времени. Он был очень добрым, мягким, милосердным. Он помогал нуждавшимся, в основном писателям, часто делал это тайно, чтобы не ставить человека в неудобное положение.

Мальчик с пальчик.

Жил маленький мальчик:
Был ростом он с пальчик,
Лицом был красавчик,
Как искры глазёнки,
Как пух волосёнки.
Он жил меж цветочков;
В тени их листочков
В жары́ отдыхал он,
И ночью там спал он;
С зарёй просыпался,
Живой умывался
Росой, наряжался
В листочек атласный[1]
Лилеи прекрасной...

* * *

Родного неба милый свет,
Знакомые потоки,
Златые игры первых лет
И первых лет уроки,
Что вашу прелесть заменит?
О родина святая,
Какое сердце не дрожит,
Тебя благословляя?

---

[1] Атла́сный — гладкий, блестящий.

Жаворонок.

На солнце тёмный лес зардел,
В долине пар белеет тонкий,
И песню раннюю запел
В лазури жаворонок звонкий.
Он голосисто с вышины
Поёт, на солнышке сверкая:
«Весна пришла к нам молодая,
Я здесь пою приход весны».

ИВАН АНДРЕЕВИЧ КРЫЛОВ.

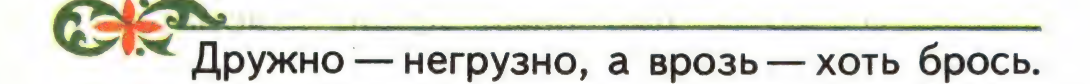
Басни дедушки Крылова. Кто же их не знает? Про Ворону и Лисицу, про Стрекозу и Муравья, про Волка на псарне. А что такое басни, знаешь? Басни — это маленькие стихотворные рассказы, где действуют звери, птицы, деревья, вещи, а подразумеваются под ними люди, говорится о жизни.

А знаешь ли ты, что для того, чтобы писать хорошие басни, надо быть очень трудолюбивым человеком? «Будет просто, как переделаешь раз со сто»,— говорил современник Крылова художник Федотов. Только к одной басне «Кукушка и Петух», в которой всего 21 строка, черновых набросков около 200 строк.

Всю жизнь Иван Андреевич Крылов и работал, и учился. Работать он начал в 11 лет, а греческий язык, например, начал изучать в 50 лет и за два года овладел им в совершенстве.

Лебедь, Щука и Рак.

Когда в товарищах согласья нет,
На лад их дело не пойдёт,
И выйдет из него не дело, только мука.
Однажды Лебедь, Рак и Щука
Везти с поклажей воз взялись
И вместе трое все в него впряглись;
Из кожи лезут вон, а возу всё нет ходу!
Поклажа бы для них казалась и легка:
   Да Лебедь рвётся в облака,
Рак пятится назад, а Щука тянет в воду.
Кто виноват из них, кто прав, — судить не нам;
   Да только воз и ныне там.

Дружно — негрузно, а врозь — хоть брось.

Чиж и Голубь.

Чижа захлопнула злодейка-западня;
Бедняжка в ней и рвался и метался,
А Голубь молодой над ним же издевался.
«Не стыдно ль,— говорит,— средь бела дня
Попался!
Не провели бы так меня:
За это я ручаюсь смело».
Ан смотришь, тут же сам запутался в силок.
И дело!
Вперёд чужой беде не смейся, Голубок.

Стрекоза и Муравей.

Попрыгунья Стрекоза
Лето красное пропела;
Оглянуться не успела,

Как зима катит в глаза.
Помертвело чисто поле;
Нет уж дней тех светлых боле,
Как под каждым ей листком
Был готов и стол и дом.
Всё прошло; с зимой холодной
Нужда, голод настаёт;
Стрекоза уж не поёт:
И кому же в ум пойдёт
На желудок петь голодный!
Злой тоской удручена,
К Муравью ползёт она:
«Не оставь меня, кум милый!

Дай ты мне собраться с силой
И до вешних только дней
Прокорми и обогрей!» —
«Кумушка, мне странно это:
Да работала ль ты в лето?» —
Говорит ей Муравей.
«До того ль, голубчик, было?
В мягких муравах у нас
Песни, резвость всякий час,
Так, что голову вскружило».—
«А, так ты...» — «Я без души
Лето целое всё пела».—
«Ты всё пела? это дело:
Так поди же, попляши!»

Делу время, а потехе — час.

Лето прохлопали, осень протопали,
а тут снег на голову.

ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ ДАЛЬ.

Каждый взрослый человек должен работать, правда? А после работы — отдыхать. Так делает большинство людей. Но не все. Есть и такие, которые и после работы занимаются любимым делом. Одним из таких людей был Владимир Иванович Даль. Он родился 200 лет назад и очень любил «живой русский язык» — тот, на котором мы с тобой говорим, считал именно его своим учителем. И 53 года своей жизни он собирал... слова. Да, да, слова, разнообразные их значения (ведь у одного слова часто бывает не одно, а много значений). И ещё он собирал пословицы, поговорки, сказки, загадки. И когда у него набралось очень много этих сокровищ, он составил словарь — «Толковый словарь русского языка», без которого и сегодня мы не можем прожить. А ещё он любил обрабатывать русские народные сказки. Есть целые сборники сказок, которые переложил, пересказал В. И. Даль.

Старик-годовик.

Вышел старик-годовик. Стал он махать рукавом и пускать птиц. Каждая птица со своим особым именем. Махнул старик-годовик первый раз — и полетели первые три птицы. Повеял холод, мороз.

Махнул старик-годовик второй раз — и полетела вторая тройка. Снег стал таять, на полях показались цветы.

Махнул старик-годовик третий раз — полетела третья тройка. Стало жарко, душно, знойно. Мужики стали жать рожь.

Махнул старик-годовик четвёртый раз — и полетели ещё три птицы. Подул холодный ветер, посыпался частый дождь, залегли туманы.

А птицы были не простые. У каждой птицы по четыре крыла. В каждом крыле по семи перьев. Каждое перо тоже со своим именем. Одна половина пера белая, другая — чёрная. Махнёт птица раз — станет светлым-светло, махнёт другой — станет темным-темно.

Что это за птицы вылетели из рукава старика-годовика?

Какие это четыре крыла у каждой птицы?

Какие семь перьев в каждом крыле?

Что это значит, что у каждого пера одна половина белая, а другая — чёрная?

Девочка Снегурочка.

Жили-были старик со старухой, у них не было ни детей, ни внучат. Вот вышли они за ворота в праздник, посмотреть на чужих ребят, как они из снегу комочки катают, в снежки играют. Старик поднял комочек да и говорит:

— А что, старуха, кабы у нас с тобой была дочка, да такая беленькая, да такая кругленькая!

Старуха на комочек посмотрела, головой покачала да и говорит:

— Что ж будешь делать — нет, так и взять негде.

Однако старик принёс комочек снегу в избу, положил в горшочек, накрыл ветошкой и поставил на окошко. Взошло солнышко, пригрело горшочек, и снег стал таять. Вот и слышат старики — пищит что-то в горшочке под ветошкой; они к окну — глядь, а в горшочке лежит девочка, беленькая, как снежок, и кругленькая, как комок, и говорит им:

— Я девочка Снегурочка, из вешнего снегу скатана, вешним солнышком пригрета и нарумянена.

Вот старики обрадовались, вынули её, да ну старуха скорее шить да кроить, а старик, завернув Снегурочку в полотенечко, стал её нянчить и пестовать:

Спи, наша Снегурочка,
Сдобная кокурочка,
Из вешнего снегу скатана,
Вешним солнышком пригретая!
Мы тебя станем поить,
Мы тебя станем кормить,
В цветно платье рядить,
Уму-разуму учить!

Вот и растёт Снегурочка на радость старикам, да такая-то умная, такая-то разумная, что такие только в сказках живут, а взаправду не бывают.

Всё шло у стариков как по маслу: и в избе хорошо, и на дворе неплохо, скотинка зиму перезимовала, птицу выпустили на двор. Вот как перевели птицу из избы в хлев, тут и случилась беда: пришла к стариковой Жучке лиса, прикинулась больной и ну Жучку умаливать, тоненьким голосом упрашивать:

— Жученька, Жучок, беленькие ножки, шёлковый хвостик, пусти в хлевушок погреться!

Жучка, весь день за стариком в лесу пробегавши, не знала, что старуха птицу в хлев загнала, сжалилась над больной лисой и пустила её туда. А лиска двух кур задушила да домой утащила.

Как узнал про это старик, так Жучку прибил и со двора согнал.

— Иди,— говорит,— куда хочешь, а мне ты в сторожа не годишься!

Вот и пошла Жучка, плача, со старикова двора, а пожалели о Жучке только старушка да девочка Снегурочка.

Пришло лето, стали ягоды поспевать, вот и зовут подружки Снегурочку в лес по ягодки. Старики и слышать не хотят, не пускают. Стали девочки обещать, что Снегурочку они из рук не выпустят, да и Снегурочка сама просится ягодок побрать да на лес посмотреть.

Отпустили её старики, дали кузовок да пирожка кусок.

Вот и побежали девчонки со Снегурочкой под ручки, а как в лес пришли да увидали ягоды, так все про всё позабыли, разбежались по сторонам, ягодки берут да аукаются, в лесу друг дружке голос подают.

Ягод понабрали, а Снегурочку в лесу потеряли.

Стала Снегурочка голос подавать — никто ей не откликается. Заплакала бедняжка, пошла дорогу искать, хуже того заплуталась; вот и влезла на дерево и кричит: «Ау! ау!»

Идёт медведь, хворост трещит, кусты гнутся:

— О чём, девица, о чём, красная?

— Ау-ау! Я девочка Снегурочка, из вешнего снегу скатана, вешним солнцем подрумянена, выпросили меня подружки у дедушки, у бабушки, в лес завели и покинули!

— Слезай, — сказал медведь, — я тебя домой доведу!

— Нет, медведь,— отвечала девочка Снегурочка,— я не пойду с тобой, я боюсь тебя — ты съешь меня!

Медведь ушёл.

Бежит серый волк:

— Что, девица, плачешь, что, красная, рыдаешь?

— Ау-ау! Я девочка Снегурочка, из вешнего снегу скатана, вешним солнышком подрумянена, выпросили меня подружки у дедушки, у бабушки в лес по ягоды, а в лес завели да и покинули!

— Слезай,— сказал волк,— я доведу тебя до дому!

— Нет, волк, я не пойду с тобой, я боюсь тебя — ты съешь меня!

Волк ушёл. Идёт Лиса Патрикеевна:

— Что, девица, плачешь, что, красная, рыдаешь?

— Ау-ау! Я девочка Снегурочка, из вешнего снегу скатана, вешним солнышком подрумянена, выпросили меня подружки у дедушки, у бабушки в лес по ягоды, а в лес завели да и покинули!

— Ах, красавица! Ах, умница! Ах, горемычная моя! Слезай скорёхонько, я тебя до дому доведу!

— Нет, лиса, льстивы слова, я боюся тебя —

ты меня к волку заведёшь, ты медведю отдашь... Не пойду я с тобой!

— Гам, гам, гам! — залаяла собака в лесу.

А девочка Снегурочка закричала:

— Ау-ау, Жученька! Ау-ау, милая! Я здесь — девочка Снегурочка, из вешнего снегу скатана, вешним солнышком подрумянена, выпросили меня подруженьки у дедушки, у бабушки в лес по ягодки, в лес завели да и покинули. Хотел меня медведь унести, я не пошла с ним; хотел волк увести, я отказала ему; хотела лиса сманить, я в обман не далась; а с тобой, Жучка, пойду!

Вот как услыхала лиса собачий лай, так махнула пушняком своим и была такова!

Снегурочка с дерева слезла, Жучка подбежала, её лобызала, всё личико облизала и повела домой.

Стоит медведь за пнём, волк на прогалине, лиса по кустам шныряет.

Жучка лает, заливается, все её боятся, никто не приступается.

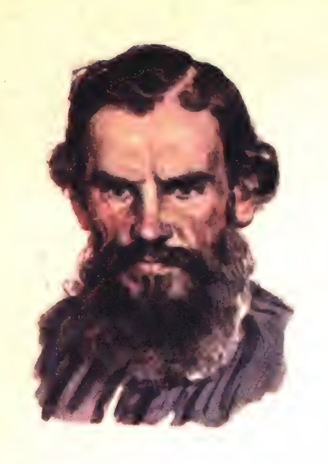
Пришли они домой; старики с радости заплакали. Снегурочку напоили, накормили, спать уложили, одеяльцем накрыли:

Спи, наша Снегурочка,
Сдобная кокурочка,
Из вешнего снегу скатана,
Вешним солнышком пригретая!
Мы тебя станем поить,

Мы тебя станем кормить,
В цветно платьице рядить,
Уму-разуму учить!

Жучку простили, молоком напоили, приняли в милость, на старое место приставили, стеречь двор заставили.

Нет худа без добра.

ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ ТОЛСТОЙ.

У каждого человека есть друзья детства, друзья юности, друзья старости. А есть друзья, которые идут с человеком по всей его жизни. Хорошо, если таким другом станет для тебя Лев Николаевич Толстой. Он любил детей, верил в них, не боялся отвечать на самые трудные вопросы. И ещё: он часто бывал недоволен собой и всегда, до глубокой старости, ставил перед собой сложные задачи. И не боялся ошибиться. Вообще он ничего не боялся, кроме собственной совести.

Хорошо, если жизнь и книги Л. Н. Толстого помогут и тебе в твоей судьбе.

Старый дед и внучек.

Стал дед очень стар. Ноги у него не ходили, глаза не видели, уши не слышали, зубов не было. И когда он ел, у него текло назад изо рта. Сын и невестка перестали его за стол сажать, а давали ему обедать за печкой.

Снесли ему раз обедать в чашке. Он хотел её подвинуть, да уронил и разбил. Невестка стала бранить старика за то, что он им в доме всё портит и чашки бьёт, и сказала, что теперь она ему будет давать обедать в лоханке. Старик только вздохнул и ничего не сказал.

Сидят раз муж с женой дома и смотрят — сынишка их на полу дощечками играет — что-то слаживает. Отец и спросил:

— Что ты это делаешь, Миша?

А Миша и говорит:

— Это я, батюшка, лоханку делаю. Когда вы с матушкой старые будете, чтобы вас из этой лоханки кормить.

Муж с женой поглядели друг на друга и заплакали. Им стало стыдно за то, что они так обижали старика; и стали с тех пор сажать его за стол и ухаживать за ним.

Кто родителей почитает,
тот вовек не погибает.

Отец и сыновья.

(Басня.)

Отец приказал сыновьям, чтобы жили в согласии; они не слушались. Вот он велел принести веник и говорит:

— Сломайте!

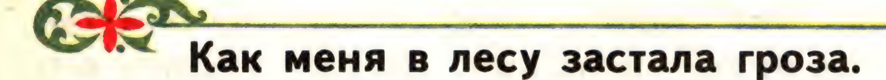
Сколько они ни бились, не могли сломать. Тогда отец развязал веник и велел ломать по одному пруту.

Они легко переломали прутья поодиночке. Отец и говорит:

— Так-то и вы: если в согласии жить будете, никто вас не одолеет; а если будете ссориться да все врозь — вас всякий легко погубит.

Веника не сломишь, а по прутику весь переломаешь.

Один за всех, а все за одного.

Как меня в лесу застала гроза.

Когда я был маленький, меня послали в лес за грибами. Я дошёл до лесу, набрал грибов и хотел идти домой. Вдруг стало темно, пошёл дождь и загремело. Я испугался и сел под большой дуб. Блеснула молния, такая светлая, что мне глазам больно стало, и я зажмурился. Над моей головой что-то затрещало и загремело; потом что-то ударило меня в голову. Я упал и лежал до тех пор, пока перестал дождь. Когда я очнулся, по всему лесу капало с деревьев, пели птицы, играло солнышко. Большой дуб сломался, и из пня шёл дым. Вокруг меня лежали оскретки[1] от дуба. Платье на мне было всё мокрое и липло к телу; на голове была шишка и было немножко больно. Я нашёл свою шапку, взял грибы и побежал домой.

---

[1] Оскре́тки — щепки, обломки.

Дома никого не было, я достал в столе хлеба и влез на печку. Когда я проснулся, я увидел с печки, что грибы мои изжарили, поставили на стол и уже хотят есть. Я закричал:

— Что вы без меня едите?

Они говорят:

— Что ж ты спишь? Иди скорей, ешь.

Волков бояться — в лес не ходить.

Всё хорошо, что хорошо кончается.

Муравей и голубка.

(Басня.)

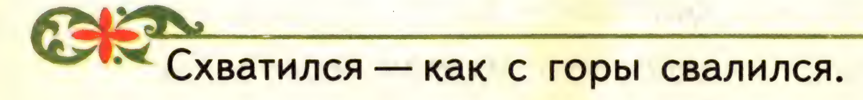
Муравей спустился к ручью: захотел напиться. Волна захлестнула его и чуть не потопила. Голубка несла ветку; она увидала — муравей тонет, и бросила ему ветку в ручей. Муравей сел на ветку и спасся. Потом охотник расставил сеть на голубку и хотел захлопнуть. Муравей подполз к охотнику и укусил его за ногу; охотник охнул и уронил сеть. Голубка вспорхнула и улетела.

Добра желаешь — добро и делай.

Осёл и лошадь.

(Басня.)

У одного человека были осёл и лошадь. Шли они по дороге; осёл сказал лошади: «Мне тяжело, не дотащу я всего; возьми с меня хоть немного». Лошадь не послушалась. Осёл упал от натуги и умер. Хозяин как наложил всё с осла на лошадь, да ещё и шкуру ослиную, лошадь и взвыла: «Ох, горе мне бедной, горюшко мне несчастной! Не хотела я немножко ему пособить, теперь вот всё тащу, да ещё и шкуру».

Схватился — как с горы свалился.

Лгун.

(Басня.)

Мальчик стерёг овец и, будто увидав волка, стал звать:

— Помогите, волк! Волк!

Мужики прибежали и видят: неправда. Как сделал он так и два и три раза, случилось — и вправду набежал волк. Мальчик стал кричать:

— Сюда, сюда скорей, волк!

Мужики подумали, что опять по-всегдашнему обманывает, — не послушали его.

Волк видит, бояться нечего: на просторе перерезал всё стадо.

Кто вчера солгал,
тому и завтра не поверят.

Лев и мышь.

(Басня.)

Лев спал. Мышь пробежала ему по телу. Он проснулся и поймал её. Мышь стала отмаливаться; она сказала: «Пустишь — и я тебя помилую». Лев засмеялся, что мышь обещает ему милость, и пустил её.

Потом охотники поймали льва и привязали верёвкой к дереву. Мышь услыхала львиный рёв,

прибежала, перегрызла верёвку и сказала: «Помнишь, ты смеялся, не думал, чтобы от меня пришла отплата, а теперь видишь,— живёт и от мыши милость».

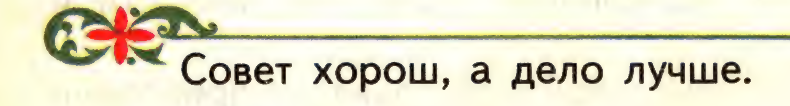
Лихо помнится,
а добро век не забудется.

* * *

Стало мышам плохо жить от кота. Что ни день, то двух, трёх заест. Сошлись мыши и стали судить, как бы им от кота спастись. Судили, судили, ничего не могли вздумать.

Вот одна мышка и сказала: «Я вам скажу, как нам от кота спастись. Ведь мы потому и гибнем, что не знаем, когда он к нам идёт. Надо коту на шею звонок надеть, чтобы он гремел. Тогда всякий раз, как он будет от нас близко, нам слышно станет и мы уйдём».

«Это бы хорошо,— сказала старая мышь,— да надо кому-нибудь звонок на кота надеть. Вздумала ты хорошо, а вот навяжи-ка звонок коту на шею, тогда мы тебе спасибо скажем».

Совет хорош, а дело лучше.

Как мужик убрал камень.

(Басня.)

На площади в одном городе лежал огромный камень. Камень занимал много места и мешал езде по городу. Призвали инженеров и спросили их, как убрать камень и сколько это будет стоить?

Один инженер сказал, что камень надо разбивать на куски порохом и потом по частям свезти его и что это будет стоить восемь тысяч рублей; другой сказал, что под камень надо подвезти

большой каток и на катке свезти камень и что это будет стоить шесть тысяч рублей.

А один мужик сказал: «А я уберу камень и возьму за это сто рублей!»

У него спросили, как он это сделает. И он сказал: «Я выкопаю подле самого камня большую яму; землю из ямы развалю по площади, свалю камень в яму и разровняю землю».

Мужик так и сделал, и ему дали сто рублей и ещё сто рублей за умную выдумку.

Без уменья и сила ни при чём.

Котёнок.

(Быль.)

Были брат и сестра — Вася и Катя; у них была кошка. Весной кошка пропала. Дети искали её везде, но не могли найти.

Один раз они играли возле амбара и услыхали — над головой кто-то мяучит тонкими голосами. Вася влез по лестнице под крышу амбара. А Катя стояла внизу и всё спрашивала: «Нашёл? Нашёл?» Но Вася не отвечал ей. Наконец Вася закричал ей: «Нашёл! Наша кошка... и у неё котята, такие чудесные; иди сюда скорее». Катя побежала домой, достала молока и принесла кошке.

Котят было пять. Когда они выросли немножко и стали вылезать из-под угла, где вывелись, дети выбрали себе одного котёнка, серого с белыми лапками, и принесли в дом. Мать раздала всех остальных котят, а этого оставила детям. Дети кормили его, играли с ним...

Один раз дети пошли играть на дорогу и взяли с собой котёнка.

Ветер шевелил солому на дороге, а котёнок играл с соломой, и дети радовались за него. Потом они нашли подле дороги щавель, пошли собирать его и забыли про котёнка.

Вдруг они услыхали, что кто-то громко кричит: «Назад, назад!» — и увидали, что скачет охотник, а впереди его две собаки увидали котёнка и хотят схватить его. А котёнок глупый,

вместо того чтобы бежать, присел на земле, сгорбил спину и смотрит на собак. Катя испугалась собак, закричала и побежала прочь от них. А Вася что было духу пустился к котёнку и в одно время с собаками подбежал к нему. Собаки хотели схватить котёнка, но Вася упал животом на котёнка и закрыл его от собак.

Охотник подскакал и отогнал собак; а Вася принёс котёнка и уж больше не брал его с собой в поле.

Филипок.

(Быль.)

Был мальчик, звали его Филипп. Пошли раз все ребята в школу, Филипп взял шапку и хотел тоже идти. Но мать сказала ему: — «Куда ты, Филипок, собрался?» — «В школу». — «Ты ещё мал, не ходи», — и мать оставила его дома. Ребята ушли в школу. Отец ещё с утра уехал в лес, а мать ушла на подённую работу. Остались в избе Филипок да бабушка на печке. Стало Филипку скучно одному, бабушка заснула, а он стал искать шапку. Своей не нашёл, взял старую отцовскую и пошёл в школу.

Школа была за селом у церкви. Когда Филипп шёл по своей слободе, собаки не трогали его, они его знали. Но когда он вышел к чужим дворам, выскочила Жучка, залаяла, а за Жучкой большая собака Волчок. Филипок бросился бе-

жать, собаки за ним. Филипок стал кричать, споткнулся и упал.

Вышел мужик, отогнал собак и сказал: «Куда ты, пострелёнок, один бежишь?» Филипок ничего не сказал, подобрал по́лы и пустился бежать во весь дух. Прибежал он к школе. На крыльце никого нет, а в школе слышно гудят голоса ребят. На Филипка нашёл страх. Что как учитель меня прогонит? И стал он думать, что ему делать. Назад идти — опять собака заест, а в школу идти — учителя боится. Шла мимо школы баба с ведром и говорит: «Все учатся, а ты что тут стоишь?» Филипок и пошёл в школу. В сенцах снял шапку и отворил дверь.

Школа вся была полна ребят. Все кричали своё, и учитель в красном шарфе ходил посередине.

— Ты что? — закричал он на Филипка. Филипок ухватился за шапку и ничего не говорил.— Да ты кто? — Филипок молчал.— Или ты немой? — Филипок так напугался, что говорить не мог.— Ну так иди домой, коли говорить не хочешь.— А Филипок и рад бы что сказать, да в горле у него от страха пересохло. Он посмотрел на учителя и заплакал. Тогда учителю жалко его стало. Он погладил его по голове и спросил у ребят, кто этот мальчик.

— Это Филипок, Костюшкин брат, он давно просится в школу, да мать не пускает его, и он украдкой пришёл в школу.

— Ну садись на лавку возле брата, а я твою мать попрошу, чтоб пускала тебя в школу.

Учитель стал показывать Филипку буквы, а Филипок их уже знал и немного читать умел.

— Ну-ка, сложи своё имя.

Филипок сказал:

— Хве-и-хви, ле-и-ли, пе-ок-пок.

Все засмеялись.

— Молодец,— сказал учитель.— Кто же тебя учил читать?

Филипок осмелился и сказал:

— Костюшка. Я бедовый, я сразу всё понял. Я страсть какой ловкий!..

Учитель остановил его и сказал: «Ты погоди хвалиться, а поучись».

С тех пор Филипок стал ходить с ребятами в школу.

Кто грамоте горазд, тому не пропасть.

Корень ученья горек, да плод его сладок.

Ученье в детстве, как резьба на камне.

Счастье тот добывает, кто уменьем ума набирает.

ФЁДОР ИВАНОВИЧ ТЮТЧЕВ.

* * *

Зима недаром злится,
Прошла её пора —
Весна в окно стучится
И гонит со двора.

И всё засуетилось,
Всё нудит Зиму вон —
И жаворонки в небе
Уж подняли трезвон.

Зима ещё хлопочет
И на Весну ворчит.
Та ей в глаза хохочет
И пуще лишь шумит...

Взбесилась ведьма злая
И, снегу захватя,
Пустила, убегая,
В прекрасное дитя...

Весне и горя мало:
Умылася в снегу
И лишь румяней стала
Наперекор врагу.

Весенние воды.

Ещё в полях белеет снег,
А воды уж весной шумят —
Бегут и будят сонный брег,
Бегут, и блещут и гласят...
Они гласят во все концы:
«Весна идёт, весна идёт!
Мы молодой весны гонцы,
Она нас выслала вперёд!»
Весна идёт, весна идёт!
И тихих тёплых майских дней
Румяный светлый хоровод
Толпится весело за ней.

* * *

Есть в осени первоначальной
Короткая, но дивная пора —
Весь день стоит как бы хрустальный,
И лучезарны вечера...

Где бодрый серп гулял и падал колос,
Теперь уж пусто всё — простор везде,—

Лишь паутины тонкий волос
Блестит на праздной борозде.

Пустеет воздух, птиц не слышно боле,
Но далеко ещё до первых зимних бурь —
И льётся чистая и тёплая лазурь
На отдыхающее поле...

* * *

Чародейкою Зимою
Околдован, лес стоит, —
И под снежной бахромою,
Неподвижною, немою,
Чудной жизнью он блестит.

И стоит он, околдован, —
Не мертвец и не живой —
Сном волшебным очарован,
Весь опутан, весь окован
Лёгкой цепью пуховой...

Солнце зимнее ли мещет
На него свой луч косой —
В нём ничто не затрепещет,
Он весь вспыхнет и заблещет
Ослепительной красой.

АФАНАСИЙ АФАНАСЬЕВИЧ ФЕТ.

* * *

Ласточки пропали,
А вчера зарёй
Всё грачи летали
Да как сеть мелькали
Вон над той горой.

С вечера всё спится,
На дворе темно.
Лист сухой валится,
Ночью ветер злится
Да стучит в окно.

Лучше б снег да вьюгу
Встретить грудью рад!
Словно как с испугу
Раскричавшись, к югу
Журавли летят.

Выйдешь — поневоле
Тяжело — хоть плачь!
Смотришь — через поле
Перекати-поле
Прыгает, как мяч.

* * *

Чудная картина,
Как ты мне родна:
Белая равнина,
Полная луна,

Свет небес высоких,
И блестящий снег,
И саней далёких
Одинокий бег.

АЛЕКСЕЙ КОНСТАНТИНОВИЧ ТОЛСТОЙ.

* * *

Осень. Обсыпается весь наш бедный сад.
Листья пожелтелые по ветру летят;
Лишь вдали красуются, там на дне долин,
Кисти ярко-красные вянущих рябин.

* * *

Колокольчики мои,
Цветики степные!
Что глядите на меня,
Тёмно-голубые?
И о чём звените вы
В день весёлый мая
Средь некошеной травы,
Головой качая?

Конь несёт меня стрелой
На поле открытом;
Он вас топчет под собой,
Бьёт своим копытом.

Колокольчики мои,
Цветики степные!
Не кляните вы меня,
Тёмно-голубые!

Я бы рад вас не топтать,
Рад промчаться мимо,
Но уздой не удержать
Бег неукротимый!
Я лечу, лечу стрелой,
Только пыль взметаю;
Конь несёт меня лихой,—
А куда,— не знаю!..

Вопросы и задания.

1. Что сказочно и что реально в сказке А. С. Пушкина? В чём её смысл? Знаешь ли ты поговорку: «Остаться у разбитого корыта»? Как ты думаешь, откуда она появилась?

2. Проследи, как постепенно менялось море: *море слегка разыгралось, помутилось синее море, не спокойно синее море, почернело синее море, на море чёрная буря.* Почему так происходило?

3. Расскажи, почему можно назвать рыбку *доброй, благодарной, справедливой.*

4. Есть ли сходство между баснями и сказками о животных? В чём оно? А в чём различие?

5. Вспомни басню «Лебедь, Щука и Рак». В чём её смысл? Найди в последней строчке басни поговорку. В каких случаях можно её употребить?

6. Перечитай басню «Чиж и Голубь». Как Голубь отнёсся к несчастью Чижа? А если бы человек поступил подобным образом, что о нём можно было бы сказать?

7. Басню «Стрекоза и Муравей» тебе, наверное, до школы читали взрослые. Было ли тебе когда-нибудь жалко Стрекозу? Как ты думаешь, стал ли отказ Муравья для Стрекозы уроком? Представь, что Муравей оставил у себя Стрекозу. Что могло бы случиться? Придумай своё окончание басни.

8. Выпиши в свою тетрадь слова из басни И. А. Крылова, которые употребляются как пословицы (стали «крылатыми»). Приведи примеры из жизни, когда можно употребить эти пословицы.

9. Ты, наверное, читал русскую народную сказку «Снегурочка». Сравни её с той, которую написал В. И. Даль. Рассмотри иллюстрацию. К какой сказке она сделана?

10. Какой из рассказов Л. Н. Толстого тебе больше всего понравился? Похожи ли некоторые из них на басни?

11. Прочитай про себя несколько раз стихи В. А. Жуковского, А. С. Пушкина, Ф. И. Тютчева, А. А. Фета, А. К. Толстого. Часто говорят: *музыка стиха.* Слышишь ли ты её? Какие картины рождаются в твоём воображении? Сделай сам иллюстрации к полюбившемуся стихотворению.

Присмотрись внимательно, какие слова подбирают поэты, чтобы как можно ярче, красочнее передать, описать что-то. «Брега с недвижною рекою» — так написал А. С. Пушкин. Попробуй заменить: *река, покрытая льдом, застывшая, замёрзшая, уснувшая.* Сравни с тем, как написал поэт.

Часто поэты говорят о природе как о чём-то живом, сравнивают предметы. Найди такие строки, слова в прочитанных произведениях.

ПИСАТЕЛИ ДЕТЯМ

КОРНЕЙ ИВАНОВИЧ ЧУКОВСКИЙ.

Путаница.

Замяукали котята:
«Надоело нам мяукать!
Мы хотим, как поросята,
Хрюкать!»

А за ними и утята:
«Не желаем больше крякать!
Мы хотим, как лягушата,
Квакать!»

Свинки замяукали:
«Мяу, мяу!»
Кошечки захрюкали:
«Хрю, хрю, хрю!»

Уточки заквакали:
«Ква, ква, ква!»
Курочки закрякали:
«Кря, кря, кря!»

Воробышек прискакал
И коровой замычал:
«М-у-у-у!»

Прибежал медведь
И давай реветь:
«Ку-ка-ре-ку!»

Только заинька
Был паинька,
Не мяукал
И не хрюкал —
Под капустою лежал,
По-заячьи лопотал
И зверюшек неразумных уговаривал:
«Кому велено чирикать,
Не мурлыкайте!
Кому велено мурлыкать,
Не чирикайте!
Не бывать вороне коровою,
Не летать лягушатам под облаком!»

Но весёлые зверята,
Поросята, медвежата,
Пуще прежнего шалят,
Зайца слушать не хотят.

Рыбы по полю гуляют,
Жабы по небу летают,
Мыши кошку изловили,
В мышеловку посадили.

А лисички
Взяли спички,
К морю синему пошли,
Море синее зажгли.

Море пламенем горит.
Выбежал из моря кит:
«Эй, пожарные, бегите,
Помогите, помогите!»

Долго, долго крокодил
Море синее тушил
Пирогами и блинами
И сушёными грибами.

Прибегали два курчонка,
Поливали из бочонка.

Приплывали два ерша,
Поливали из ковша.

Прибегали лягушата,
Поливали из ушата.

Тушат, тушат — не потушат,
Заливают — не зальют.

Тут бабочка прилетала,
Крылышками помахала,
Стало море потухать —
И потухло.

Вот обрадовались звери,
Засмеялись и запели,
Ушками захлопали,
Ножками затопали.

Гуси начали опять
По-гусиному кричать:
«Га-га-га!»

Кошки замурлыкали:
«Мур-мур-мур!»

Птицы зачирикали:
«Чик-чирик!»

Лошади заржали:
«И-и-и!»

Мухи зажужжали:
«Ж-ж-ж!»

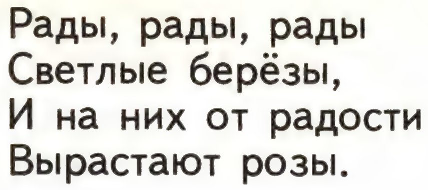
Лягушата квакают:
«Ква, ква, ква!»

А утята крякают:
«Кря, кря, кря!»

Поросята хрюкают:
«Хрю, хрю, хрю!»

Мурочку баюкают
Милую мою:
«Баюшки-баю!
Баюшки-баю!»

Радость.

Рады, рады, рады
Светлые берёзы,
И на них от радости
Вырастают розы.

Рады, рады, рады
Тёмные осины,
И на них от радости
Растут апельсины.

То не дождь пошёл из
облака
И не град,
То посыпался из облака
Виноград.

И вороны над полями
Вдруг запели соловьями.

И ручьи из-под земли
Сладким мёдом потекли.

Куры стали павами,
Лысые — кудрявыми.

Даже мельница — и та
Заплясала у моста.

Так бегите же за мною
На зелёные луга,

Где над синею рекою
Встала радуга-дуга.

Мы на радугу
Вска-раб-каемся,
Поиграем в облаках
И оттуда вниз по радуге
На салазках, на коньках!

Федорино горе.

Скачет сито по полям,
А корыто по лугам.

За лопатою метла
Вдоль по улице пошла.

Топоры-то, топоры
Так и сыплются с горы.

Испугалася коза,
Растопырила глаза:

«Что такое? Почему?
Ничего я не пойму».

Но, как чёрная железная нога,
Побежала, поскакала кочерга.

И помчалися по улице ножи:
«Эй, держи, держи, держи, держи, держи!»

И кастрюля на бегу
Закричала утюгу:
«Я бегу, бегу, бегу,
Удержаться не могу!»

Вот и чайник за кофейником бежит,
Тараторит, тараторит, дребезжит...

Утюги бегут, покрякивают,
Через лужи, через лужи перескакивают.

А за ними блюдца, блюдца —
Дзынь-ля-ля! Дзынь-ля-ля!
Вдоль по улице несутся —
Дзынь-ля-ля! Дзынь-ля-ля!

На стаканы — дзынь! — натыкаются,
И стаканы — дзынь! — разбиваются,

И бежит, бренчит, стучит сковорода:
«Вы куда? Куда? Куда? Куда? Куда?»

А за нею вилки,
Рюмки да бутылки,
Чашки да ложки
Скачут по дорожке.

Из окошка вывалился стол
И пошёл, пошёл, пошёл, пошёл, пошёл...

А на нём, а на нём,
Как на лошади верхом,
Самоварище сидит

И товарищам кричит:
«Уходите, бегите, спасайтеся!»

И в железную трубу:
«Бу-бу-бу! Бу-бу-бу!»

А за ними вдоль забора
Скачет бабушка Федора:
«Ой-ой-ой! Ой-ой-ой!
Воротитеся домой!»

Но ответило корыто:
«На Федору я сердито!»

И сказала кочерга:
«Я Федоре не слуга!»

А фарфоровые блюдца
Над Федорою смеются:
«Никогда мы, никогда
Не воротимся сюда!»

Тут Федорины коты
Расфуфырили хвосты,
Побежали во всю прыть,
Чтоб посуду воротить:

«Эй вы, глупые тарелки,
Что вы скачете, как белки?
Вам ли бегать за воротами
С воробьями желторотыми?

Вы в канаву упадёте,
Вы утонете в болоте.
Не ходите, погодите,
Воротитеся домой!»

Но тарелки вьются-вьются,
А Федоре не даются:
«Лучше в поле пропадём,
А к Федоре не пойдём!»

Мимо курица бежала
И посуду увидала:
«Куд-куда! Куд-куда!
Вы откуда и куда?»

И ответила посуда:
«Было нам у бабы худо,
Не любила нас она,
Била, била нас она,
Запылила, закоптила,
Загубила нас она!»

«Ко-ко-ко! Ко-ко-ко!
Жить вам было
нелегко!» —

«Да,— промолвил медный
таз,—
Погляди-ка ты на нас:
Мы поломаны, побиты,
Мы помоями облиты,

Загляни-ка ты в кадушку —
И увидишь там лягушку,

Загляни-ка ты в ушат —
Тараканы там кишат.

Оттого-то мы от бабы
Убежали, как от жабы,
И гуляем по полям,
По болотам, по лугам,
И к неряхе-замарахе
Не воротимся!»

И они побежали лесочком,
Поскакали по пням и по кочкам.

А бедная баба одна,
И плачет, и плачет она.

Села бы баба за стол,
Да стол за ворота ушёл.

Сварила бы баба щи,
Да кастрюли поди поищи!

И чашки ушли, и стаканы,
Остались одни тараканы.

Ой, горе Федоре,
Горе!

А посуда вперёд и вперёд
По полям, по болотам идёт.

И чайник шепнул утюгу:
«Я дальше идти не могу».

И заплакали блюдца:
«Не лучше ль вернуться?»

И зарыдало корыто:
«Увы, я разбито, разбито!»

Но блюдце сказало: «Гляди,
Кто это там позади?»

И видят: за ними из тёмного бора
Идёт-ковыляет Федора.

Но чудо случилося с ней:
Стала Федора добрей.

Тихо за ними идёт
И тихую песню поёт:

«Ой, вы, бедные сиротки мои,
Утюги и сковородки мои!
Вы подите-ка, немытые, домой,
Я водою вас умою ключевой,
Я почищу вас песочком,
Окачу вас кипяточком,
И вы будете опять
Словно солнышко сиять.

А поганых тараканов я повыведу,
Прусаков и пауков я повымету!»

И сказала скалка:
«Мне Федору жалко».

И сказала чашка:
«Ах, она бедняжка!»

И сказали блюдца:
«Надо бы вернуться!»

И сказали утюги:
«Мы Федоре не враги!»

Долго, долго целовала
И ласкала их она,
Поливала, умывала,
Полоскала их она.

«Уж не буду, уж не буду
Я посуду обижать,
Буду, буду я посуду
И любить и уважать!»

Засмеялися кастрюли,
Самовару подмигнули:
«Ну, Федора, так и быть,
Рады мы тебя простить!»

Полетели,
Зазвенели
Да к Федоре прямо в печь!
Стали жарить, стали печь,—
Будут, будут у Федоры и блины и пироги!

А метла-то, а метла — весела —
Заплясала, заиграла, замела,
Ни пылинки у Федоры не оставила.

И обрадовались блюдца:
Дзынь-ля-ля! Дзынь-ля-ля!
И танцуют и смеются:
Дзынь-ля-ля! Дзынь-ля-ля!

А на белой табуреточке
Да на вышитой салфеточке
Самовар стоит,
Словно жар, горит,
И пыхтит, и на бабу поглядывает:
«Я Федорушку прощаю,
Сладким чаем угощаю.
Кушай, кушай, Федора Егоровна!»

Порядок — душа всякого дела.

АРКАДИЙ ПЕТРОВИЧ ГАЙДАР (АРКАДИЙ ПЕТРОВИЧ ГОЛИКОВ).

Совесть.

Нина Карнау́хова не приготовила урока и решила не идти в школу.

Но чтобы знакомые случайно не увидели, как она во время рабочего дня болтается с книгами по городу, Нина украдкой прошла в рощу.

Положив пакет с завтраком и связку книг под куст, она побежала догонять красивую бабочку и наткнулась на малыша, который смотрел на неё добрыми, доверчивыми глазами.

А так как в руке он сжимал букварь с заложенной в него тетрадкой, то Нина смекнула, в чем дело, и решила над ним подшутить.

— Несчастный прогульщик! — строго сказала она. — И это с таких юных лет ты уже обманываешь родителей и школу?

— Нет! — удивлённо ответил малыш. — Я про-

сто шёл на урок. Но тут в лесу ходит большая собака. Она залаяла, и я заблудился.

Нина нахмурилась. Но этот малыш был такой смешной и добродушный, что ей пришлось взять его за руку и повести через рощу.

А связка Нининых книг и завтрак так и остались лежать под кустом, потому что поднять их перед малышом было бы стыдно.

Вышмыгнула из-за ветвей собака, книг не тронула, а завтрак съела.

Вернулась Нина, села и заплакала. Нет! Не жалко ей было украденного завтрака. Но слишком хорошо пели над её головой весёлые птицы. И очень тяжело было на её сердце, которое грызла беспощадная совесть.

Чук и Гек.

Жил человек в лесу возле Синих гор. Он много работал, а работы не убавлялось, и ему нельзя было уехать домой в отпуск.

Наконец, когда наступила зима, он совсем заскучал, попросил разрешения у начальников и послал своей жене письмо, чтобы она приезжала вместе с ребятишками к нему в гости.

Ребятишек у него было двое — Чук и Гек.

А жили они с матерью в далёком огромном городе, лучше которого и нет на свете.

Днём и ночью сверкали над башнями этого города красные звёзды.

И конечно, этот город назывался Москва...

Как раз в то время, когда почтальон с письмом поднимался по лестнице, у Чука с Геком был бой. Короче говоря, они просто выли и дрались.

Из-за чего началась эта драка, я уже позабыл. Но помнится мне, что Чук стащил у Гека пустую спичечную коробку, или, наоборот, Гек стянул у Чука жестянку из-под ваксы.

Только что оба эти брата, стукнув по разу друг друга кулаками, собирались стукнуть по второму, как загремел звонок, и они с тревогой переглянулись. Они подумали, что пришла их мама.

А у этой мамы был странный характер. Она не ругалась за драку, не кричала, а просто

разводила драчунов по разным комнатам и целый час, а то и два не позволяла им играть вместе. А в одном часе — тик да так — целых шестьдесят минут. А в двух часах и того больше.

Вот почему оба брата мигом вытерли слёзы и бросились открывать дверь.

Но, оказывается, это была не мать, а почтальон, который принёс письмо.

Тогда они закричали:

— Это письмо от папы! Да, да, от папы! И он, наверное, скоро приедет.

Тут, на радостях, они стали скакать, прыгать и кувыркаться по пружинному дивану. Потому что хотя Москва и самый замечательный город, но когда папа вот уже целый год не был дома, то и в Москве может стать скучно.

И так они развеселились, что не заметили, как вошла их мать.

Она очень удивилась, увидав, что оба её прекрасных сына, лёжа на спине, орут и колотят каблуками по стене, да так здорово, что трясутся картины над диваном и гудит пружина стенных часов.

Но когда мать узнала, отчего такая радость, то сыновей не заругала.

Она только турнула их с дивана.

Кое-как сбросила она шубку и схватила письмо, даже не стряхнув с волос снежинок, которые теперь растаяли и сверкали, как искры, над её тёмными бровями.

Всем известно, что письма бывают весёлые или печальные, и поэтому, пока мать читала, Чук и Гек внимательно следили за её лицом.

Сначала мать нахмурилась, и они нахмурились тоже. Но потом она заулыбалась, и они решили, что это письмо весёлое.

— Отец не приедет,— откладывая письмо, сказала мать: — У него ещё много работы, и его в Москву не отпускают.

Обманутые Чук и Гек растерянно глянули друг на друга. Письмо оказалось самым что ни на есть распечальным.

Они разом надулись, засопели и сердито посмотрели на мать, которая неизвестно чему улыбалась.

— Он не приедет,— продолжала мать,— но он зовёт нас всех к себе в гости.

Чук и Гек спрыгнули с дивана.

— Он чудак человек,— вздохнула мать.— Хорошо сказать — в гости! Будто бы это сел на трамвай и поехал...

— Да, да,— быстро подхватил Чук,— раз он зовёт, так мы сядем и поедем.

— Ты глупый,— сказала мать.— Туда ехать тысячу и ещё тысячу километров поездом. А потом в санях лошадьми через тайгу. А в тайге наткнёшься на волка или на медведя. И что это за странная затея! Вы только подумайте сами!

— Гей-гей! — Чук и Гек не думали и полсе-

кунды, а в один голос заявили, что они решили ехать не только тысячу, а даже сто тысяч километров. Им ничего не страшно. Они храбрые. И это они вчера прогнали камнями заскочившую во двор чужую собаку.

И так они говорили долго, размахивали руками, притопывали, подпрыгивали, а мать сидела молча, всё их слушала, слушала. Наконец рассмеялась, схватила обоих на руки, завертела и свалила на диван.

Знайте, она давно уже ждала такого письма, и это она только нарочно поддразнивала Чука и Гека, потому что весёлый у неё был характер.

Прошла целая неделя, прежде чем мать собрала их в дорогу. Чук и Гек времени даром не теряли тоже. Чук смастерил себе кинжал из кухонного ножика, а Гек разыскал себе гладкую палку, забил в неё гвоздь, и получилась пика, до того крепкая, что если бы чем-нибудь проколоть шкуру медведя, а потом ткнуть этой пикой в сердце, то, конечно, медведь сдох бы сразу.

Наконец все дела были закончены. Уже запаковали багаж. Приделали второй замок к двери, чтобы не обокрали квартиру воры. Вытряхнули из шкафа остатки хлеба, муки и крупы, чтобы не развелись мыши. И вот мать уехала на вокзал покупать билеты на вечерний завтрашний поезд.

Но тут без неё у Чука с Геком получилась ссора.

Ах, если бы только знали они, до какой беды доведёт их эта ссора, то ни за что бы в этот день они не поссорились!

У запасливого Чука была плоская металлическая коробочка, в которой он хранил серебряные бумажки от чая, конфетные обёртки (если там был нарисован танк, самолёт или красноармеец), галчиные перья для стрел, конский волос для китайского фокуса и ещё всякие очень нужные вещи.

У Гека такой коробочки не было. Да и вообще Гек был разиня, но зато он умел петь песни.

И вот как раз в то время, когда Чук шёл доставать из укромного места свою драгоценную коробочку, а Гек в комнате пел песни, вошёл почтальон и передал Чуку телеграмму для матери.

Чук спрятал телеграмму в свою коробочку и пошёл узнать, почему это Гек уже не поёт песни, а кричит:

«Р-ра! Р-ра! Ура!

Эй! Бей! Турумбей!»

Чук с любопытством приоткрыл дверь и увидел такой турумбей, что от злости у него затряслись руки.

Посреди комнаты стоял стул, и на спинке его висела вся истыканная пикой, разлохмаченная

газета. И это ничего. Но проклятый Гек, вообразив, что перед ним туша медведя, яростно тыкал пикой в жёлтую картонку из-под маминых ботинок. А в картонке у Чука хранилась сигнальная жестяная дудка, три цветных значка от Октябрьских праздников и деньги — сорок шесть копеек, которые он не истратил, как Гек, на разные глупости, а запасливо приберёг в дальнюю дорогу.

И, увидев продырявленную картонку, Чук вырвал у Гека пику, переломил её о колено и швырнул на пол.

Но, как ястреб, налетел Гек на Чука и выхватил у него из рук металлическую коробку. Одним махом взлетел на подоконник и выкинул коробку через открытую форточку.

Громко завопил оскорблённый Чук и с криком: «Телеграмма! Телеграмма!» — в одном пальто, без калош и шапки, выскочил за дверь.

Почуяв неладное, вслед за Чуком понёсся Гек.

Но напрасно искали они металлическую коробочку, в которой лежала ещё никем не прочитанная телеграмма.

То ли она попала в сугроб и теперь лежала глубоко под снегом, то ли она упала на тропку и её утянул какой-либо прохожий, но, так или иначе, вместе со всем добром и нераспечатанной телеграммой коробка навеки пропала.

Вернувшись домой, Чук и Гек долго молчали. Они уже помирились, так как знали, что попадёт им от матери обоим. Но так как Чук был на целый год старше Гека, то, спасаясь, как бы ему не попало больше, он придумал:

— Знаешь, Гек, а что если мы маме про телеграмму ничего не скажем? Подумаешь — телеграмма! Нам и без телеграммы весело.

— Врать нельзя,— вздохнул Гек.— Мама за враньё всегда ещё хуже сердится.

— А мы не будем врать! — радостно воскликнул Чук.— Если она спросит, где телеграмма,— мы скажем. Если же не спросит, то зачем нам вперёд выскакивать? Мы не выскочки.

— Ладно,— согласился Гек.— Если врать не надо, то так и сделаем. Это ты хорошо, Чук, придумал.

И только что они на этом порешили, как вошла мать. Она была довольна, потому что достала хорошие билеты на поезд, но всё же она сразу заметила, что у её дорогих сыновей лица печальные, а глаза заплаканы.

— Отвечайте, граждане,— отряхиваясь от снега, спросила мать,— из-за чего без меня была драка?

— Драки не было,— отказался Чук.

— Не было,— подтвердил Гек.— Мы только хотели подраться, да сразу раздумали.

— Очень я люблю такое раздумье,— сказала мать.

Она разделась, села на диван и показала им твёрдые зелёные билеты: один билет большой, а два маленьких. Вскоре они поужинали, а потом утих стук, погас свет, и все уснули.

А про телеграмму мать ничего не знала, поэтому, конечно, ничего не спросила...

(Из рассказа А. Гайдара «Чук и Гек».)

САМУИЛ ЯКОВЛЕВИЧ МАРШАК.

Кот и лодыри.

Собирались лодыри
На урок,
А попали лодыри
На каток.

Толстый ранец с книжками
На спине,
А коньки под мышками
На ремне.

Видят, видят лодыри:
Из ворот
Хмурый и ободранный
Кот идёт.

Спрашивают лодыри
У него:
— Ты чего нахмурился,
Отчего?

Замяукал жалобно
Серый кот:
— Мне, коту усатому,
Скоро год.

И красив я, лодыри,
И умён,
А письму и грамоте
Не учён.

Школа не построена
Для котят.
Научить нас грамоте
Не хотят.

А теперь без грамоты
Пропадёшь,
Далеко без грамоты
Не уйдёшь.

Не попить без грамоты,
Не поесть,

На воротах номера
Не прочесть!

Отвечают лодыри:
— Милый кот,
Нам пойдёт двенадцатый
Скоро год.

Учат нас и грамоте,
И письму,
А не могут выучить
Ничему.

Нам учиться, лодырям,
Что-то лень.
На коньках катаемся
Целый день.

Мы не пишем грифелем
На доске,
А коньками пишем мы
На катке!

Отвечает лодырям
Серый кот:
— Мне, коту усатому,
Скоро год.

Много знал я лодырей
Вроде вас,
А с такими встретился
В первый раз!

Загадки.

* * *

Шумит он в поле и в саду,
А в дом не попадёт,
И никуда я не иду,
Покуда он идёт.

* * *

Всегда шагаем мы вдвоём,
Похожие, как братья,
Мы за обедом — под столом,
А ночью — под кроватью.

* * *

Мы ходим ночью,
Ходим днём,
Но никуда
Мы не уйдём.

(Отгадки к загадкам: *дождь, часы, ботинки.*)

Терем — теремок.

(В сокращении)

Добрый дед.
Вот живут они — лягушка,
Ёж, петух и мышь-норушка.
Мышь-норушка
Толокно толчёт,

А лягушка
Пироги печёт.
А петух на подоконнике
Им играет на гармонике.
Серый ёжик свернулся в клубок,
Он не спит — сторожит теремок.

Злой дед.

Только вдруг из чащи тёмной
Притащился волк бездомный,
Постучался у ворот,
Хриплым голосом поёт.

Волк.

Это что за теремок?
Из трубы идёт дымок.
Видно, варится обед.
Есть тут звери или нет?..
Кто, кто
В теремочке живёт?
Кто, кто
В невысоком живёт?

Лягушка.

Я, лягушка-квакушка.

Мышка.

Я мышка-норушка.

Петух.

Я, петушок — золотой гребешок.

Ёж.

Я, серый ёжик —
Ни головы, ни ножек.
А ты кто?

Волк.

А я — волк,
Зубами щёлк!

Мышка.

А что ты умеешь делать?

Волк.

Ловить
Мышат!
Давить
Лягушат!
Ежей душить!
Петухов потрошить!..

Мышка.

Уходи, зубастый зверь,
Не царапай нашу дверь.
Крепко заперт теремок
На засов и на замок!

Злой дед.

Рыщет волк в густом лесу.
Ищет кумушку лису.
А лиса идёт навстречу —
Рыжий хвост, глаза как свечи.

Волк.

Лисавета, здравствуй!

Лиса.

Как дела, зубастый?

Волк.

Ничего идут дела,
Голова ещё цела.
А хочу я, Лисавета,

У тебя просить совета.
Видишь в поле теремок?

Л и с а.

Теремок?

В о л к.

Он не ни́зок, не высо́к.

Л и с а.

Не высок?

В о л к.

Мышь-норушка
Там зерно толчёт,
А лягушка
Пироги печёт.
А петух на подоконнике
Им играет на гармонике.
До чего хорош петух —
Ощипать бы только пух!

Л и с а.

Ах, мой серый, мой хвостатенький,
Как хочу я петушатинки!

В о л к.

Да и мне поесть охота,
Только заперты ворота...
Может, как-нибудь вдвоём
Мы ворота отопрём!

Л и с а.

Ох, слаба я с голодухи!
Третий день как пусто в брюхе.
Кабы встретился нам Мишенька-медведь,

Он помог бы нам ворота отпереть.
Мы пойдём его поищем по лесам!

Волк.

Ах ты, батюшки, идёт сюда он сам!

Злой дед.

В это время в самом деле
Вышел Мишка из-за ели.
Он мотает головой,
Рассуждает сам с собой.

Медведь.

Я ищу в лесу колоду,
Я хочу отведать мёду
Или спелого овса.
Где найти его, лиса?

Лиса.

Видишь в поле теремок?

Медведь.

Теремок.

Лиса.

Он не низок, не высок.

Медведь.

Не высок.

Лиса.

Мышь-норушка
Там овёс толчёт.

Волк.

А лягушка
Пироги печёт.

Л и с а.
Пироги печёт капустные,
Подрумяненные, вкусные.
В о л к.
А петух с колючим ёжиком
Режут сало острым ножиком.
Л и с а.
Ты не хочешь ли проведать
Петуха,
Петушиные отведать
Потроха?
М е д в е д ь.
Петушатина — хорошая еда.
Где ворота? Подавайте их сюда!
Л и с а.
Нет уж, Мишенька, пойдём
Да на месте отопрём!
З л о й д е д.
Вот идут они к соседям —
Волк с приятелем медведем.
Впереди лиса идёт,
В теремок гостей ведёт.
М е д в е д ь.
Эй, хозяева, откройте-ка добром,
А не то мы вам ворота разнесём!
М ы ш к а.
Это кто пришёл к нам на ночь?
М е д в е д ь.
Михаил!

Мышка.
Какой?

Медведь.
Иваныч.
А по-вашему — Медведь.
Потрудитесь отпереть!
Долго ждать мне неохота,
Расшибу я вам ворота!

Мышка.
Тише, Мишенька! В ворота не стучи!

Лягушка.
Наше тесто опрокинется в печи!

Петух.
Ты не суйся в теремок — кукареку! —
Или шпорами тебя я засеку!

Ёж.
Коли будешь заниматься грабежом,
Познакомишься со сторожем-ежом!

Медведь.
Не хотят меня хозяева впустить,
Не хотят меня обедом угостить.

Лиса.
Ну-ка, Мишенька, спиною повернись!
Ну-ка, Мишенька, на волка навались!
Если дружно мы навалимся втроём,
Мы тесовые ворота отопрём!

Злой дед.
И пошла у них работа —
Навалились на ворота.

Добрый дед.

Да не могут отпереть.
Огрызается медведь.
Бьёт он волка, точно сваю,
А лиса хлопочет с краю...
Ей, плутовке, легче всех —
Бережёт свой рыжий мех.

Лиса.

Вперёд!

Медведь.

Назад!

Лиса.

Идёт
На лад!
Эх!

Медведь.

Слышишь, лисонька,
Как досточки
Трещат!

Волк.

То не досточки,
А косточки
Хрустят.
Раздавил меня бессовестный медведь!
Без обеда мне придётся помереть.
Отдышаться до сих пор я не могу.
Еле-еле до постели добегу!

Медведь.

Не возьму, лиса, я в толк:
Почему взбесился волк?
Отчего он убежал?

Лиса.

Ты слегка его прижал —
Оттого и убежал!
Еле ноги уволок...
Да какой от волка прок?
И без волка мы ворота отопрём,
Петушатины отведаем вдвоём.

Медведь.

Очень хочется мне, лисонька, поесть!
В подворотню я попробую пролезть!

Добрый дед.

Изловчился косолапый,
В подворотню сунул лапу.
Да, как видно, невпопад —
Не идёт она назад.
Аж в груди дыханье спёрло.
Заорал во всё он горло.

Медведь.

Ой, лисичка, помоги!
Мне не вытянуть ноги!
Пособи мне, дружбы ради,
Потяни меня ты сзади!

Добрый дед.

Не ответила лиса
И ушла к себе в леса.
А петух кричит с забора.

Петух.

Эй, держите злого вора!
Дай, лягушка, кочергу!
Пятку я ему прижгу!

Добрый дед.

Задрожал медведь с испугу,
Заорал на всю округу.

Медведь.

Ой, боюсь я кочерги!
Ой, лисичка, помоги!

Петух.

Кукареку! Все на двор!
В подворотню лезет вор.
Эй, хозяюшка-лягушка,
Где твоя большая кружка?
Принеси воды скорей,
Косолапого облей!

Мышка.

Поливай его, ребята!

Лягушка.

Из кувшина, из ушата!

Медведь.

Помогите! Караул!
Захлебнулся, утонул!..

Добрый дед.

Заревел медведь белугой,
Заметался с перепугу.
Изо всех рванулся сил —
Чуть ворота не свалил.
Разом высвободил ногу

И — айда в свою берлогу.
Завывает на ходу.
Медведь.
Я к вам больше не приду!
Добрый дед.
А петух кричит с забора.
Петух.
Мы прогнали злого вора!
Кукареку! Ко-ко-ко!
Убежал он далеко,
Припустил во все лопатки,
Удирает без оглядки.
Ко-ко-ко! Кукареку!
Не вернётся к теремку!..

СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ МИХАЛКОВ.

Мой щенок.

Я сегодня сбилась с ног —
У меня пропал щенок.
Два часа его звала,

Два часа его ждала,
За уроки не садилась
И обедать не могла.

В это утро
Очень рано
Соскочил щенок с дивана,
Стал по комнате ходить,
Прыгать,
Лаять,
Всех будить.

Он увидел одеяло —
Покрываться нечем стало.
Он в кладовку заглянул —
С мёдом жбан перевернул.

Он порвал стихи у папы,
На пол с лестницы упал.
В клей залез передней лапой,
Еле вылез
И пропал...

Может быть, его украли,
На верёвке увели,
Новым именем назвали,
Дом стеречь
Заставили?

Может, он в лесу дремучем
Под кустом сидит колючим,

Заблудился,
Ищет дом,
Мокнет, бедный, под дождём?

Я не знала, что мне делать.
Мать сказала:
— Подождём.

Два часа я горевала,
Книжек в руки не брала,
Ничего не рисовала,
Всё сидела и ждала.

Вдруг
Какой-то страшный зверь
Открывает лапой дверь,
Прыгает через порог...
Кто же это?

Мой щенок.

Что случилось,
Если сразу
Не узнала я щенка?

Нос распух, не видно глаза,
Перекошена щека,
И, впиваясь, как игла,
На хвосте жужжит пчела.

Мать сказала: — Дверь закрой!
К нам летит пчелиный рой.

Весь укутанный,
В постели
Мой щенок лежит пластом
И виляет еле-еле
Забинтованным хвостом.

Я не бегаю к врачу —
Я сама его лечу.

Чистописание.

Писать красиво не легко;
«Да-ёт ко-ро-ва мо-ло-ко».
За буквой буква, к слогу слог.
Ну хоть бы кто-нибудь помог!

Сначала «да», потом уж «ёт».
Уже написано «даёт»,
Уже написано «даёт»,
Но тут перо бумагу рвёт.

Опять испорчена тетрадь.
Страничку надо вырывать!
Страничка вырвана, и вот:
«Ко-ро-ва мо-ло-ко да-ёт».

«Корова молоко даёт»,
А нужно всё наоборот:
«Даёт корова молоко!»
Вздохнём сначала глубоко,
Вздохнём, строку перечеркнём
И дело заново начнём.

«Да-ёт ко-ро-ва мо-ло-ко».
Перо цепляется за «ко»,
И клякса чёрная, как жук,
С конца пера сползает вдруг.
Одной секунды не прошло,
Как скрылись «ко» и «мо» и «ло»...

Ещё одну страничку вон!
А за окном со всех сторон:
И стук мяча, и лай щенка,
И звон какого-то звонка,—
А я сижу, в тетрадь гляжу —
За буквой букву вывожу:
«Да-ёт ко-ро-ва мо-ло-ко»...
Да! Стать учёным не легко!

А что у вас?

Кто на лавочке сидел,
Кто на улицу глядел,
Толя пел,
Борис молчал,
Николай ногой качал.

Дело было вечером,
Делать было нечего.

Галка села на заборе,
Кот забрался на чердак.
Тут сказал ребятам Боря
Просто так:
— А у меня в кармане
гвоздь.

А у вас?

— А у нас сегодня гость.
А у вас?

— А у нас сегодня кошка
Родила вчера котят.
Котята выросли немножко,
А есть из блюдца не хотят.

— А у нас на кухне газ.
А у вас?

— А у нас водопровод.
Вот.

— А из нашего окна
Площадь Красная видна.
А из вашего окошка
Только улица немножко.

Мы гуляли по Неглинной,
Заходили на бульвар,
Нам купили синий-синий,
Презелёный красный шар.

— А у нас огонь погас —
Это раз.
Грузовик привёз дрова —
Это два.
А в-четвёртых, наша мама
Отправляется в полёт,
Потому что наша мама
Называется пилот.

С лесенки ответил Вова:
— Мама — лётчик?
Что ж такого!
Вот у Коли, например,
Мама — милиционер.

А у Толи и у Веры
Обе мамы — инженеры.
А у Лёвы мама — повар.

Мама — лётчик?
Что ж такого?
— Всех важней,— сказала
Ната,—
Мама — вагоновожатый,
Потому что до Зацепы
Водит мама два прицепа.

И спросила Нина тихо:
— Разве плохо быть
портнихой?
Кто трусы ребятам шьёт?
Ну конечно, не пилот.

Лётчик водит самолёты —
Это очень хорошо.

Повар делает компоты —
Это тоже хорошо.

Доктор лечит нас от кори,
Есть учительница в школе.

Мамы разные нужны,
Мамы всякие важны.

Дело было вечером,
Спорить было нечего.

АГНИЯ ЛЬВОВНА БАРТО.

Верёвочка.

Весна, весна на улице,
Весенние деньки!

Как птицы, заливаются
Трамвайные звонки...
Шумная, весёлая,
Весенняя Москва.
Ещё не запылённая
Зелёная листва.
Галдят грачи на дереве.
Гремят грузовики.

Весна, весна на улице,
Весенние деньки!

Тут прохожим не пройти:
Тут верёвка на пути.
Хором девочки считают
Десять раз по десяти.

Это с нашего двора
Чемпионы, мастера
Носят прыгалки в кармане,
Скачут с самого утра.

Во дворе и на бульваре,
В переулке и в саду
И на каждом тротуаре
У прохожих на виду,
И с разбега,
И на месте,
И двумя ногами
Вместе.

Вышла Лидочка вперёд,
Лида прыгалку берёт...
— Лида, Лида!
Вот так Лида! —
Раздаются голоса.—
Посмотрите, эта Лида
Скачет целых полчаса!

— Я и прямо,
Я и боком,
С поворотом
И с прискоком,
И с разбега,
И на месте,
И двумя ногами
Вместе...

Доскакала до угла.
— Я б не так ещё могла! —

Весна, весна на улице,
Весенние деньки!
С книжками, с тетрадками
Идут ученики.

Полны веселья шумного
Бульвары и сады.
Сколько хочешь радуйся,
Скачи на все лады.

Вовка — добрая душа.

Шла вчера я по Садовой,
Так была удивлена —
Паренёк белоголовый
Закричал мне из окна:
— С добрым утром!
С добрым утром!
Я спросила: — Это мне?
Улыбнулся он в окне,
Закричал ещё кому-то:
— С добрым утром!

С добрым утром!
Малышам и взрослым людям
Паренёк махал рукой.
С ним теперь знакомы будем —
Это Вовка — есть такой!

(Из стихотворения А. Барто «Вовка — добрая душа».)

Если ты хочешь узнать, «Как Вовка бабушек выручил», «Как Вовка стал старшим братом», и вообще познакомиться с этим хорошим, неунывающим и надёжным пареньком, то прочитай книгу, которая так и называется «Вовка — добрая душа».

Мы не заметили жука.

Наташе.

Мы не заметили жука
И рамы зимние закрыли.

А он живой,
Он жив пока,
Жужжит в окне,
Расправив крылья.

И я зову на помощь маму:
— Там жук живой!
Раскроем раму!

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ НОСОВ.

Живая шляпа.

Котёнок Васька сидел на полу возле комо́да и ловил мух. А на комоде, на самом краю, лежала шляпа. И вот Васька увидел, что одна муха села на шляпу. Он как подпрыгнет — и уцепился когтями за шляпу. Шляпа соскользнула с комода, Васька сорвался и как полетит на пол! А шляпа — бух! — и накрыла его сверху.

А в комнате сидели Володя и Вадик. Они раскрашивали картинки и не видели, как Васька попал под шляпу. Они только услышали, как позади что-то плюхнулось — упало на пол.

Володя обернулся и увидел на полу возле комода шляпу. Он подошёл, нагнулся, хотел поднять шляпу и вдруг как закричит:

— Ай-ай-ай! — и бегом в сторону.

— Чего ты? — спрашивает Вадик.

— Она жи-жи-живая!

— Кто живая?

— Шля-шля-шляпа.

— Что ты! Разве шляпы бывают живые?

— По-по-посмотри сам.

Вадик подошёл поближе и стал смотреть на шляпу.

Вдруг шляпа поползла прямо к нему. Он как закричит:

— Ай! — и прыг на диван.

Володя — за ним.

Шляпа вылезла на середину комнаты и остановилась. Ребята смотрят на неё и трясутся от страха. Тут шляпа повернулась и поползла к дивану.

— Ай! Ой! — закричали ребята.

Соскочили с дивана — и бегом из комнаты.

Прибежали на кухню и дверь за собой закрыли.

— Я у-у-хо-хожу! — говорит Володя.

— Куда?

— Пойду к себе домой.

— Почему?

— Шляпы бо-бо-боюсь. Я первый раз вижу, чтоб шляпа по комнате ходила.

— А может быть, её кто-нибудь за верёвочку дёргает?

— Ну, пойди посмотри.

— Пойдём вместе. Я возьму кочергу́. Если она к нам полезет, я её кочерго́й тресну.

— Постой, я тоже кочергу возьму.

— Да у нас другой кочерги́ нет.

— Ну, я возьму лыжную палку.

Они взяли кочергу и лыжную палку, приоткрыли дверь и заглянули в комнату.

— Где же она? — спрашивает Вадик.

— Вон там, возле стола.

— Сейчас я её как тресну кочергой! — говорит Вадик.— Пусть только подлезет ближе.

Но шляпа лежала возле стола и не двигалась.

— Ага, испугалась! — обрадовались ребята.— Боится лезть к нам.

— Сейчас я её спугну,— сказал Вадик.

Он стал стучать по полу кочергой и кричать:

— Эй ты, шляпа!

Но шляпа не двигалась.

— Давай наберём картошки и будем в неё картошкой стрелять,— предложил Володя.

Они вернулись на кухню, набрали из корзины картошки и стали швырять её в шляпу. Швыряли, швыряли, наконец Вадик попал. Шляпа как подскочит кверху!

— Мяу! — закричало что-то.

Глядь, из-под шляпы высунулся серый хвост, потом лапа, а потом и сам котёнок выскочил.

— Васька! — обрадовались ребята.

— Наверно, он сидел на полу, а шляпа на него с комода упала,— догадался Володя.

Вадик схватил Ваську и давай его обнимать:

— Васька, миленький, как же ты под шляпу попал?

Но Васька ничего не ответил. Он только фыркал и жмурился от света.

На горке.

Целый день ребята трудились — строили снежную горку во дворе. Сгребали лопатами снег и сваливали его под стенку сарая в кучу. Только к обеду горка была готова. Ребята полили её водой и побежали домой обедать.

— Вот пообедаем,— говорили они,— а горка пока замёрзнет. А после обеда мы придём с санками и будем кататься.

А Котька Чижов из шестой квартиры хитрый какой! Он горку не строил. Сидит дома да смотрит в окно, как другие трудятся. Ему ребята кричат, чтоб шёл горку строить, а он только руками за окном разводит да головой мотает,— как будто нельзя ему. А когда ребята ушли, он быстро оделся, нацепил коньки и выскочил во двор. Чирк коньками по снегу, чирк! И кататься-то как следует не умеет! Подъехал к горке.

— О,— говорит,— хорошая горка получилась! Сейчас скачусь.

Только полез на горку — бух носом!

— Ого! — говорит.— Скользкая!

Подня́лся на ноги и снова — бух! Раз десять падал. Никак на горку взобраться не может.

«Что делать?» — думает.

Думал, думал и придумал: «Вот сейчас песочком посыплю и заберусь на неё».

Схватил он фанерку и покатил к дворницкой. Там — ящик с песком. Он и стал из ящика песок

на горку таскать. Посыпает впереди себя, а сам лезет всё выше и выше. Взобра́лся на самый верх.

— Вот теперь,— говорит,— скачусь!

Оттолкнулся ногой и снова — бух носом! Коньки-то по песку не едут! Лежит Котька на животе и говорит:

— Как же теперь по песку кататься?

И полез вниз на четвереньках.

Тут прибежали ребята. Видят — горка песком посыпана.

— Это кто здесь напортил? — закричали они.— Кто горку песком посыпал? Ты не видал, Котька?

— Нет,— говорит Котька,— я не видал. Это я сам посыпал, потому что она была скользкая и я не мог на неё взобраться.

— Ах ты, умник! Ишь что придумал! Мы трудились, трудились, а он — песком! Как же теперь кататься?

Котька говорит:

— Может быть, когда-нибудь снег пойдёт, он засыплет песок, вот и можно будет кататься.

— Так снег, может, через неделю пойдёт, а нам сегодня надо кататься.

— Ну, я не знаю,— говорит Котька.

— Не знаешь! Как испортить горку, ты знаешь, а как починить, не знаешь! Бери сейчас же лопату!

Котька отвязал коньки и взял лопату.

— Засыпа́й песок снегом!

Котька стал посыпать горку снегом, а ребята снова водой полили.

— Вот теперь,— говорят,— замёрзнет, и можно будет кататься.

А Котьке так работать понравилось, что он ещё сбоку лопатой ступеньки проделал.

— Это,— говорит,— чтоб всем было легко взбираться, а то ещё кто-нибудь снова песком посыплет!

Заплатка.

У Бобки были замечательные штаны: зелёные, вернее сказать, защитного цвета. Бобка их очень любил и всегда хвастался:

— Смотрите, ребята, какие у меня штаны. Солдатские!

Все ребята, конечно, завидовали. Ни у кого больше таких зелёных штанов не было.

Однажды Бобка полез через забор, зацепился за гвоздь и порвал эти замечательные штаны. От досады он чуть не заплакал, пошёл скорее домой и стал просить маму зашить.

Мама рассердилась:

— Ты будешь по заборам лазить, штаны рвать, а я зашивать должна?

— Я больше не буду! Зашей, мама!

— Сам зашей.

— Так я же не умею!

— Сумел порвать, сумей и зашить.

— Ну, я так буду ходить,— проворчал Бобка и пошёл во двор.

Ребята увидели, что у него на штанах дырка, и стали смеяться.

— Какой же ты солдат,— говорят,— если у тебя штаны порваны?

А Бобка оправдывается:

— Я попросил маму зашить, а она не хочет.

— Разве солдатам мамы штаны зашивают? — говорят ребята.— Солдат сам должен уметь всё делать: и заплатку поставить, и пуговицу пришить.

Бобке стало стыдно.

Пошёл он домой, попросил у мамы иголку, нитку и лоскуток зелёной материи. Из материи он вырезал заплатку величиной с огурец и начал пришивать её к штанам.

Дело было это нелёгкое.

К тому же Бобка очень спешил и колол себе пальцы иголкой.

— Чего ты колешься? Ах ты, противная! — говорил Бобка иголке и старался схватить её за самый кончик, так, чтоб не уколоться.

Наконец заплатка была пришита. Она торчала на штанах, словно сушёный гриб, а материя вокруг сморщилась так, что одна штанина даже стала короче.

— Ну куда же это годится? — ворчал Бобка, разглядывая штаны. — Ещё хуже, чем было! Придётся всё заново переделывать.

Он взял ножик и отпорол заплатку. Потом расправил её, опять приложил к штанам, хорошенько обвёл вокруг заплатки чернильным карандашом и стал пришивать её снова. Теперь он шил не спеша, аккуратно и всё время следил, чтобы заплатка не вылезала за черту.

Он долго возился, сопел и кряхтел, зато когда всё сделал, на заплатку было любо взглянуть. Она была пришита ровно, гладко и так крепко, что не отодрать и зубами.

Наконец Бобка надел штаны и вышел во двор. Ребята окружили его.

— Вот молодец! — говорили они. — А заплатка, смотрите, карандашом обведена. Сразу видно, что сам пришивал.

А Бобка вертелся во все стороны, чтобы всем было видно, и говорил:

— Эх, мне бы ещё пуговицы научиться пришивать, да жаль, ни одна не оторвалась! Ну ничего, когда-нибудь оторвётся — обязательно сам пришью.

Вопросы и задания.

1. Какие из прочитанных произведений тебе знакомы были до школы? Обрадовала ли тебя

новая встреча с друзьями-книжками? Какие из произведений К. Чуковского, А. Барто, С. Михалкова, А. Гайдара ты хотел бы перечитать? Что нового для себя ты открыл в них?

2. Какие произведения К. Чуковского ты знаешь наизусть? Из каких это сказок?

Пошла Муха на базар
И купила самовар:
«Приходите, тараканы,
Я вас чаем угощу!»

Надо, надо умываться
По утрам и вечерам.
А нечистым
Трубочистам —
Стыд и срам!
Стыд и срам!

У меня зазвонил телефон.
— Кто говорит?
— Слон.

Десять ночей Айболит
Не ест, не пьёт и не спит.
Десять ночей подряд
Он лечит несчастных зверят
И ставит, и ставит им градусники.

«Я кровожадный,
Я беспощадный,
Я злой разбойник Бармалей!»

3. Чем похожа народная песенка «У Иванова двора...» на стихи К. Чуковского «Путаница», «Радость»?

4. Можно ли назвать «Федорино горе» сказкой? Почему? Могла ли произойти подобная история в жизни? Придумай занимательный рассказ о вещах.

5. Из какого рассказа строки: «И очень тяжело было на сердце, которое грызла беспощадная совесть». Бывало ли тебе когда-нибудь тяжело на сердце?

6. Что ты можешь сказать о Нине из рассказа А. Гайдара? Жалеешь ты её или осуждаешь? А как твои друзья относятся к ней? Спроси их об этом.

7. Найди в библиотеке и прочитай целиком рассказ А. Гайдара «Чук и Гек».

8. Вспомни русскую народную сказку «Теремок». Сравни её с написанной С. Маршаком. Чем необычна сказка С. Маршака?

Как ты думаешь, иллюстрация сделана к сказке С. Маршака?

9. Определи, из каких произведений С. Маршака строки:

«Пела ночью мышка мать...»

«Мой весёлый звонкий мяч...»

«Кто стучится в дверь ко мне...»

Какое из этих стихотворений ты можешь прочитать наизусть?

10. Сравни слова: *дом, жилище, терем, постройка, теремок.* Одинаковы ли они по смыслу? Какое из них является общим для всех? Какое больше всего соответствует сказочному сюжету?

11. Какие ты знаешь сказки про теремок? Когда в теремке всем живётся хорошо?

12. Понравилось ли тебе стихотворение «Кот и лодыри» С. Маршака? Найди слова, близкие по значению: *лодырь, бездельник, лентяй, лежебока, неряха, ленивец.* Какое слово лишнее?

13. Можешь ли ты по памяти продолжить стихи А. Барто:

«Идёт бычок, качается...»

«Наша Таня громко плачет...»

«Зайку бросила хозяйка...»

«Мы с Тамарой ходим парой...»

Какое из прочитанных в учебнике произведений А. Барто тебе больше всего понравилось?

14. Назови стихотворение, из которого взяты строки: «Я и прямо, я и боком, с поворотом и с прискоком». Перечитай строки, где описано, как скачет Лида. Прислушайся к звучанию стиха. Что тебе напоминает ритм этого стихотворения?

15. Назови одно из стихотворений С. Михалкова, которое ты считаешь самым интересным. Объясни, почему.

16. Весёлые или грустные рассказы пишет Н. Носов? О чём они? Нравится ли тебе Котька? В каком рассказе ты встретил его? Когда ты

смеялся, когда сочувствовал ему? Можно ли похвалить этого мальчика?

17. Может ли быть шляпа живой? Из какого рассказа ты узнал об этом? Почему автор дал такое название? Найди в библиотеке и прочитай другие рассказы Н. Носова.

18. В своей тетради по чтению запиши названия рассказов, которые тебе понравились, сделай к ним рисунки.

19. Рассмотри иллюстрацию. К какому произведению С. Михалкова она относится? Вспомни и расскажи.

Я И МОИ ДРУЗЬЯ.

ВАЛЕНТИНА АЛЕКСАНДРОВНА ОСЕЕВА.

Волшебное слово.

Маленький старичок с длинной седой бородой сидел на скамейке и зонтиком чертил что-то на песке.

— Подвиньтесь,— сказал ему Павлик и присел на край.

Старик подвинулся и, взглянув на красное, сердитое лицо мальчика, сказал:

— С тобой что-то случилось?

— Ну и ладно! А вам-то что? — покосился на него Павлик.

— Мне ничего. А вот ты сейчас кричал, плакал, ссорился с кем-то...

— Ещё бы! — сердито буркнул мальчик.— Я скоро совсем убегу из дому.

— Убежишь?

— Убегу! Из-за одной Ленки убегу.— Павлик сжал кулаки.— Я ей сейчас чуть не поддал хо-

рошенько! Ни одной краски не даёт. А у самой сколько!

— Не даёт? Ну, из-за этого убегать не стоит.

— Не только из-за этого. Бабушка за одну морковку из кухни меня прогнала... прямо тряпкой, тряпкой...

Павлик засопел от обиды.

— Пустяки! — сказал старик. — Один поругает, другой пожалеет.

— Никто меня не жалеет! — крикнул Павлик. — Брат на лодке едет кататься, а меня не берёт. Я ему говорю: «Возьми лучше, всё равно я от тебя не отстану, вёсла утащу, сам в лодку залезу!»

Павлик стукнул кулаком по скамейке. И вдруг замолчал.

— Что же, не берёт тебя брат?

— А почему вы всё спрашиваете?

Старик разгладил длинную бороду.

— Я хочу тебе помочь. Есть такое волшебное слово...

Павлик раскрыл рот.

— Я скажу тебе это слово. Но помни: говорить его надо тихим голосом, глядя прямо в глаза тому, с кем говоришь...

— А какое слово?

Старик наклонился к самому уху мальчика. Мягкая борода его коснулась Павликовой щеки. Он прошептал что-то и громко добавил:

— Это волшебное слово. Но не забудь, как нужно говорить его.

— Я попробую,— усмехнулся Павлик,— я сейчас же попробую.— Он вскочил и побежал домой.

Лена сидела за столом и рисовала. Краски — зелёные, синие, красные — лежали перед ней. Увидев Павлика, она сейчас же сгребла их в кучу и накрыла рукой.

«Обманул старик! — с досадой подумал мальчик.— Разве такая поймёт волшебное слово!»

Павлик боком подошёл к сестре и потянул её за рукав. Сестра оглянулась. Тогда, глядя ей в глаза, тихим голосом мальчик сказал:

— Лена, дай мне одну краску... пожалуйста...

Лена широко раскрыла глаза. Пальцы её разжались, и, снимая руку со стола, она смущённо пробормотала:

— Какую тебе?

— Мне синюю, — робко ответил Павлик.

Он взял краску, подержал её в руках, походил с нею по комнате и отдал сестре. Ему не нужна была краска. Он думал теперь только о волшебном слове.

«Пойду к бабушке. Она как раз стряпает. Прогонит или нет?»

Павлик отворил дверь в кухню. Старушка снимала с противня горячие пирожки.

Внук подбежал к ней, обеими руками повернул к себе красное морщинистое лицо, заглянул в глаза и прошептал:

— Дай мне кусочек пирожка... пожалуйста...

Бабушка выпрямилась. Волшебное слово так и засияло в каждой морщинке, в глазах, в улыбке.

— Горяченького... горяченького захотел, голубчик мой! — приговаривала она, выбирая самый лучший, румяный пирожок.

Павлик подпрыгнул от радости и расцеловал её в обе щеки.

«Волшебник! Волшебник!» — повторял он про себя, вспоминая старика.

За обедом Павлик сидел притихший и при-

слушивался к каждому слову брата. Когда брат сказал, что поедет кататься на лодке, Павлик положил руку на его плечо и тихо попросил:

— Возьми меня, пожалуйста.

За столом все сразу замолчали. Брат поднял брови и усмехнулся.

— Возьми его,— вдруг сказала сестра.— Что тебе стоит!

— Ну, отчего же не взять? — улыбнулась бабушка.— Конечно, возьми.

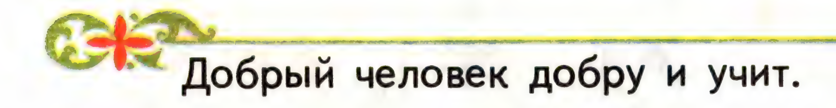
— Пожалуйста,— повторил Павлик.

Брат громко засмеялся, потрепал мальчика по плечу, взъерошил ему волосы.

— Эх ты, путешественник! Ну ладно, собирайся!

«Помогло! Опять помогло!»

Павлик выскочил из-за стола и побежал на улицу. Но в сквере уже не было старика. Скамейка была пуста, и только на песке остались начерченные зонтиком непонятные знаки.

Добрый человек добру и учит.

Сыновья.

Две женщины брали воду из колодца. Подошла к ним третья. И старичок на камушек отдохнуть присел.

Вот говорит одна женщина другой:

— Мой сынок ловок да силён, никто с ним не сладит.

— А мой поёт как соловей. Ни у кого голоса такого нет,— говорит другая.

А третья молчит.

— Что же ты про своего сына не скажешь?— спрашивают её соседки.

— Что же сказать,— говорит женщина.— Ничего в нём особенного нету.

Вот набрали женщины полные вёдра и пошли. А старичок — за ними. Идут женщины, останавливаются. Болят руки, плещется вода, ломит спину.

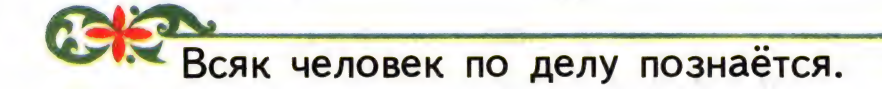

Вдруг навстречу три мальчика выбегают. Один через голову кувыркается, колесом ходит, любуются им женщины. Другой песню поёт — соловьём заливается, заслушались женщины. А третий — к матери подбежал: взял у неё вёдра тяжёлые и потащил их.

Спрашивают старичка женщины:

— Ну что? Каковы наши сыновья?

— А где же они? — отвечает старик.— Я только одного сына вижу.

Всяк человек по делу познаётся.

Синие листья.

У Кати было два зелёных карандаша. А у Лены ни одного. Вот и просит Лена Катю:

— Дай мне зелёный карандаш!

А Катя и говорит:

— Спрошу у мамы.

Приходят на другой день обе девочки в школу. Спрашивает Лена:

— Позволила мама?

А Катя вздохнула и говорит:

— Мама-то позволила, а брата я не спросила.

— Ну что же, спроси ещё брата,— говорит Лена.

Приходит Катя на другой день.

— Ну что, позволил брат? — спрашивает Лена.

— Брат-то позволил, да я боюсь, сломаешь ты карандаш.

— Я осторожненько, — говорит Лена.

— Смотри, — говорит Катя, — не чини, не нажимай крепко и в рот не бери. Да не рисуй много.

— Мне, — говорит Лена, — только листочки на деревьях нарисовать надо да травку зелёную.

— Это много, — говорит Катя, а сама брови хмурит. И лицо недовольное сделала.

Посмотрела на неё Лена и отошла. Не взяла карандаш. Удивилась Катя, побежала за ней.

— Ну что же ты? Бери!

— Не надо, — отвечает Лена.

На уроке учитель спрашивает:

— Отчего у тебя, Леночка, листья на деревьях синие?

— Карандаша зелёного нет.

— А почему же ты у своей подружки не взяла?

Молчит Лена. А Катя покраснела и говорит:

— Я ей давала, а она не берёт.

Посмотрел учитель на обеих:

— Надо так давать, чтобы можно было взять.

Одна ложка дёгтя портит бочку мёда.

Три товарища.

Витя потерял завтрак. На большой перемене все ребята завтракали, а Витя стоял в сторонке.

— Почему ты не ешь? — спросил его Коля.

— Завтрак потерял...

— Плохо, — сказал Коля, откусывая большой кусок белого хлеба. — До обеда далеко ещё!

— А ты где его потерял? — спросил Миша.

— Не знаю... — тихо сказал Витя и отвернулся.

— Ты, наверно, в кармане нёс, а надо в сумку класть, — сказал Миша.

А Володя ничего не спросил. Он подошёл к Вите, разломил пополам кусок хлеба с маслом и протянул товарищу:

— Бери, ешь.

Кто скоро помог, тот дважды помог.

Хорошее.

Проснулся Юрик утром. Посмотрел в окно. Солнце светит. Денёк хороший.

И захотелось мальчику самому что-нибудь хорошее сделать.

Вот сидит он и думает:

«Что если б моя сестрёнка тонула, а я бы её спас?»

А сестрёнка тут как тут:

— Погуляй со мной, Юра!

— Уходи, не мешай думать!

Обиделась сестрёнка, отошла.

А Юра думает:

«Вот если бы на няню волки напали, а я бы их застрелил!»

А няня тут как тут:

— Убери посуду, Юрочка!

— Убери сама — некогда мне!

Покачала головой няня.

А Юра опять думает:

«Вот если бы Трезорка в колодец упал, а я бы его вытащил!»

А Трезорка тут как тут. Хвостом виляет: «Дай мне попить, Юра!»

— Пошёл вон! Не мешай думать!

Закрыл Трезорка пасть, полез в кусты.

А Юра к маме пошёл:

— Что бы мне такое хорошее сделать?

Погладила мама Юру по голове:

— Погуляй с сестрёнкой, помоги няне посуду убрать, дай водички Трезору.

Лучше хорошо поступить,
чем хорошо говорить.

НИНА МИХАЙЛОВНА АРТЮХОВА.

Трусиха.

Валя была трусиха. Она боялась мышей, лягушек, быков, гу́сениц. Её так и звали — трусиха.

Один раз ребята играли на улице, на большой куче песка. Мальчики строили крепость, а Валя и её младший братишка Андрюша варили обед для кукол. Валю в войну играть не принимали — ведь она была трусихой, а Андрюша для войны не годился, потому что умел ходить только на четвереньках. Вдруг со стороны колхозного сарая послышались крики:

— Лохмач с цепи сорвался!.. К нам бежит!

Все обернулись.

— Лохмач! Лохмач!.. Берегитесь, ребята!..

Ребята бросились врассыпну́ю. Валя вбежала в сад и захлопнула за собой калитку.

На куче песка остался только маленький Андрюша: на четвереньках ведь не уйдёшь далеко. Он лежал в песочной крепости и ревел от страха, а грозный враг шёл на приступ.

Валя взвизгнула, побежала из калитки, схватила в одну руку совок, а в другую — кукольную сковородку и, заслоняя собой Андрюшу, стала у ворот крепости.

Огромный злющий пёс нёсся через лужайку прямо на неё. Он казался коротким и очень широким. Вот уже совсем близко его оскаленная, клыка́стая пасть. Валя бросила в него сковородку, потом совок и крикнула изо всех сил:

— Пошёл вон!

— Фьють! Фьють, Лохмач! Сюда! — Это сторож бежал через улицу наперерéз Лохмачу.

Услышав знакомый голос, Лохмач остановился и вильнул хвостом. Сторож взял его за ошейник и увёл. На улице стало тихо. Ребята медленно выползали из своих убежищ: один спускался с забора, другой вылезал из канавы... Все подошли к песочной крепости. Андрюша сидел и уже улыбался, вытирая глаза грязными кулачонками.

Зато Валя плакала навзрыд.

— Ты что? — спросили ребята. — Лохмач тебя укусил?

— Нет, — отвечала она, — он не укусил... Просто я очень испугалась.

Большая берёза.

Мама стояла на кухне с полотенцем на плече и вытирала последнюю чашку. Вдруг у окна показалось испуганное лицо Глеба.

— Тётя Зина! Тётя Зина! — крикнул он.— Твой Алёшка сошёл с ума!

— Зинаида Львовна! — заглянул в другое окно Володя.— Ваш Алёшка залез на большую берёзу!

— Ведь он же может сорваться! — плачущим голосом продолжал Глеб.— И разобьётся...

Чашка выскользнула из маминых рук и со звоном упала на пол.

— Вдре́безги! — закончил Глеб, с ужасом глядя на белые черепки.

Мама выбежала на террасу, пошла к калитке:

— Где он?

— Да вот, на берёзе!

Мама посмотрела на белый ствол, на то место, где он разделялся надвое. Алёши не было.

— Глупые шутки, ребята! — сказала она и пошла к дому.

— Да нет же, мы же правду говорим! — закричал Глеб.— Он там, на самом верху! Там, где ветки!

Мама наконец поняла, где нужно искать. Она увидела Алёшу. Она смерила глазами расстояние от его ветки до земли, и лицо у неё стало почти такое же белое, как этот ровный берёзовый ствол.

— С ума сошёл! — повторил Глеб.

— Молчи! — сказала мама тихо и очень строго.— Идите оба домой и сидите там.

Она подошла к дереву.

— Ну как, Алёша,— сказала она,— хорошо у тебя?

Алёша был удивлён, что мама не сердится и говорит таким спокойным, ласковым голосом.

— Здесь хорошо,— сказал он.— Только мне очень жарко, мамочка.

— Это ничего,— сказала мама,— посиди, отдохни немного и начинай спускаться. Только не спеши. Потихонечку... Отдохнул? — спросила она через минуту.

— Отдохнул.

— Ну тогда спускайся.

Алёша, держась за ветку, искал, куда бы поставить ногу. В это время на тропинке показался незнакомый толстый дачник. Он услыхал голоса, посмотрел наверх и закричал испуганно и сердито:

— Куда ты забрался, негодный мальчишка! Слезай сейчас же!

Алёша вздрогнул и, не рассчитав движения, поставил ногу на сухой сучок. Сучок хрустнул и прошелестел вниз, к маминым ногам.

— Не так,— сказала мама.— Становись на следующую ветку.

Потом повернулась к дачнику:

— Не беспокойтесь, пожалуйста, он очень хорошо умеет лазить по деревьям. Он у меня молодец!

Маленькая, лёгонькая фигурка Алёши медленно спускалась. Лезть наверх было легче. Алёша устал. Но внизу стояла мама, давала ему советы, говорила ласковые, ободряющие слова. Земля приближалась и сжималась. Вот уже не видно ни поля за оврагом, ни заводской трубы. Алёша добрался до разви́лки.

— Передохни,— сказала мама.— Молодец! Ну, теперь ставь ногу на этот сучок... Нет, не туда, тот сухой, вот сюда, поправее... Так, так, не спеши.

Земля была совсем близко. Алёша повис на руках, вытянулся и спрыгнул на высокий пень, с которого начинал своё путешествие.

Он стоял красный, разгорячённый и дрожащими руками стряхивал с коленок белую пыль берёзовой коры.

Толстый незнакомый дачник усмехнулся, покачал головой и сказал:

— Ну-ну! Парашютистом будешь!

А мама обхватила тоненькие, коричневые от загара, исцарапанные ножки и крикнула:

— Алёшка, обещай мне, что никогда, никогда больше не будешь лазить так высоко!

Она быстро пошла к дому. На террасе стояли Володя и Глеб. Мама пробежала мимо них, через огород, к оврагу. Села в траву и закрыла лицо платком. Алёша шёл за ней, смущённый и растерянный. Он сел рядом с ней на склоне оврага, взял её за руки, гладил по волосам и говорил:

— Ну, мамочка, ну, успокойся... Я не буду так высоко! Ну, успокойся!

Он в первый раз видел, как плакала мама.

Нет друга лучше, чем родная матушка.

ЕЛЕНА АЛЕКСАНДРОВНА БЛАГИНИНА.

Посидим в тишине.

Мама спит, она устала...
Ну и я играть не стала!

Я волчка не завожу,
А уселась и сижу.

Не шумят мои игрушки,
Тихо в комнате пустой.

А по маминой подушке
Луч крадётся золотой.

И сказала я лучу:
— Я тоже двигаться хочу.
Я бы многого хотела:
Вслух читать и мяч катать,
Я бы песенку пропела,
Я б могла похохотать...
Да мало ль я чего хочу!
Но мама спит, и я молчу.

Луч метнулся по стене,
А потом скользнул по мне.
— Ничего,— шепнул он будто,—
Посидим и в тишине!..

ЮРИЙ ЯКОВЛЕВИЧ ЯКОВЛЕВ.

Мама.

Мама... Закрой глаза и прислушайся. И ты услышишь мамин голос. Он живёт в самом тебе, такой знакомый, родной. Его не спутаешь ни с одним другим. Даже когда станешь взрослым, всегда будешь помнить мамин голос, мамины глаза, мамины руки.

Мама... Ты, маленький, ещё не умел говорить, она понимала тебя без слов. Угадывала, что ты хочешь, что у тебя болит. Мама учила тебя говорить, ходить... Мама прочла тебе первую книгу. От неё ты узнал, как зовут птиц: воробей, ласточка, синица. Узнал, что у каждого цветка есть имя: ромашка, василёк, иван-да-марья.

Мама принесла домой сухую веточку и поставила её в воду. Вскоре безжизненная веточка зазеленела. А потом на ней появились светло-лиловые цветы. Вся веточка покрылась цветами.

— Что это? — удивлённо спросил ты.

И мама ответила:

— Багульник.

На улице шёл снег. Мама протянула руку и поймала снежинку. На шерстяной варежке снежинка не таяла. Ты посмотрел и снова увидел чудо. Ты думал, что снежинка — крохотный пушистый комочек, а она оказалась красивой, ровной звёздочкой. Ты наклонился, чтобы лучше рассмотреть белую звёздочку, дохнул на неё, и она исчезла. На варежке осталась капелька воды. Первую снежинку помогла тебе увидеть мама.

Моя мама погибла во время блокады Ленинграда, летом 1942 года.

Мамы нет, но любовь к ней живёт в моём сердце, словно она существует, только где-то далеко, так далеко, что письма не доходят. Она всегда есть. Я слышу её голос. Её шаги...

И когда я задаю себе вопрос: с чего начинается любовь к Родине? — ответ оказывается простым и естественным — с любви к матери.

Не потому ли мы называем нашу Родину — мать!

Без корня и трава не растёт.

Сердце матери лучше солнца греет.

ЛЕВ МОИСЕЕВИЧ КВИТКО.

Бабушкины руки.

Я с бабушкой своею
Дружу давным-давно.
Она во всех затеях
Со мною заодно.

Я с ней не знаю скуки,
И всё мне любо в ней.
Но бабушкины руки
Люблю всего сильней.

Ах, сколько руки эти
Чудесного творят!
Латают, вяжут, метят,
Всё что-то мастерят.

Так толсто мажут пенки,
Так густо сыплют мак,
Так грубо трут ступеньки,
Ласкают нежно так.

Проворные — смотрите,
Готовы день-деньской
Они плясать в корыте,
Шнырять по кладовой.

Настанет вечер — тени
Сплетают на стене

И сказки-сновиденья
Рассказывают мне.

Ко сну ночник засветят —
И тут замолкнут вдруг.
Умней их нет на свете
И нет добрее рук.

РАСУЛ ГАМЗАТОВ.

Мой дедушка.

(Перевод с аварского.)

У меня есть дедушка,
Как зима седой.
У меня есть дедушка
С белой бородой...

Маленькие ласточки,
Песнями звеня,
Будят вместе с дедушкой
На заре меня.

Мы берёмся за руки
С дедушкой моим,
Вдоль аула нашего
Мы гуляем с ним.

Кто ни повстречается
На дороге нам,

Кланяется дедушке,
Говорит: — Салам!

Много знает дедушка
Былей-небылиц:
Про луну и солнышко,
Про зверей и птиц.

Я вопросы разные
Задаю ему:
— Где?
— Зачем?
— А скоро ли?
— Сколько?
— Почему?

Мне на всё мой дедушка
Может дать ответ.
И не стар мой дедушка,
Хоть ему сто лет.

Вопросы и задания.

1. На какого героя из прочитанных рассказов ты хотел бы быть похожим (повстречать в жизни, дружить)?

2. Вспомни рассказ В. Осеевой «Сыновья». Почему старичок увидел среди трёх мальчиков только одного сына? Кого можно назвать настоящим сыном или дочерью?

3. Может ли быть слово *волшебным?* Как ты это понимаешь? Как отвечает на этот вопрос В. Осеева? Можно ли назвать старика из этой сказки *магом, чародеем, волшебником, колдуном?* Какое слово ты выберешь?

4. Объясни смысл пословицы: «При солнышке — тепло, при матери — добро». Найди здесь слова-сравнения, объясни их смысл.

5. В каких строках и словах передана нежность матери к своему младенцу в колыбельной песне, которую переложил Михаил Юрьевич Лермонтов?

Спи, младенец мой прекрасный,
Баюшки-баю.
Тихо смотрит месяц ясный
В колыбель твою.
Стану сказывать я сказку,
Песенку спою.
Ты ж дремли, закрывши глазки,
Баюшки-баю!

Прислушайся к звучанию этой песни. Как её ритм помогает определить характер музыкальной

мелодии, которая могла бы сопровождать чтение стихов?

6. Расскажи о своей маме. Какие твои поступки её радуют, какие огорчают?

7. С какими произведениями можно соотнести следующие пословицы:

Вежливости открываются все двери.

Красив тот, кто красиво поступает.

Словами и туда и сюда, а делами — никуда.

Храбрый не тот, кто страха не знает, а кто узнал и навстречу ему идёт.

Остёр на язык, а к делу не привык.

СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ЕСЕНИН.

Ночь.

Тихо дремлет река.
Тёмный бор не шумит.
Соловей не поёт,
И дергач не кричит.

Ночь. Вокруг тишина.
Ручеёк лишь журчит.
Своим блеском луна
Всё вокруг серебрит.

Серебрится река.
Серебрится ручей.
Серебрится трава
Орошённых степей.

Ночь. Вокруг тишина.
В природе всё спит.
Своим блеском луна
Всё вокруг серебрит.

Берёза.

Белая берёза
Под моим окном
Принакрылась снегом,
Точно серебром.

На пушистых ветках
Снежною каймой
Распустились кисти
Белой бахромой.

И стоит берёза
В сонной тишине,
И горят снежинки
В золотом огне.

А заря, лениво
Обходя кругом,
Обсыпает ветки
Новым серебром.

АЛЕКСАНДР ТРИФОНОВИЧ ТВАРДОВСКИЙ.

* * *

Меж редеющих верхушек
Показалась синева.
Зашумела у опушек
Ярко-жёлтая листва.

Птиц не слышно. Треснет мелкий
Обломившийся сучок,
И, хвостом мелькая, белка
Лёгкий делает прыжок.

Стала ель в лесу заметней,
Бережёт густую тень.
Подосиновик последний
Сдвинул шапку набекрень.

* * *

Плывут паутины
Над сонным жнивьём[1],
Краснеют рябины
Под каждым окном.

Хрипят по утрам
Петушки молодые.
Дожди налегке
Выпадают грибные.

Поют трактористы,
На зябь[2] выезжая.
Готовятся сёла
Ко Дню урожая.

---

[1] Жнивьё — поле, где сжали хлеб.

[2] Зябь — поле, вспаханное с осени для посева яровых.

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ СОКОЛОВ-МИКИТОВ.

Русский лес.

Особенно красив и печален русский лес в ранние осенние дни.

На золотом фоне пожелтевшей листвы выделяются яркие пятна раскрашенных клёнов, осин.

Медленно кружась в воздухе, падают с берёз пожелтевшие лёгкие листья.

От дерева к дереву протя́нуты тонкие серебристые нити липкой паутины.

Тихо в осеннем лесу. Шелестит под ногами опавшая сухая листва. Кое-где краснеет шляпка позднего подосиновика. Тонко просвистит рябчик, прокличут высоко в небе пролетающие косяком журавли.

Что-то грустное, прощальное слышится и видится в осеннем лесу.

АЛЕКСАНДР АНДРЕЕВИЧ ПРОКОФЬЕВ.

Мороз — Красный нос.

(Шутка.)

Я — Мороз,
Красный нос,
На снегу студёном рос,

И на горке ледяной,
И где бор стоит стеной,
И где вьюги веют грозно,
И где солнце всходит поздно.

Я — Мороз,
Красный нос,
Бородой седой оброс.
В мою бороду седую
Ветры дуют, вьюги дуют.

— Фи-у, фи-у, фи-у, фи-у,—
Машет вьюга белой гривой.
Ну, а я на чистом льду
В самый русский пляс иду.

Я пляшу, пляшу, скачу,
Серебром за всё плачу.
Серебром за всё плачу,
На весь свет его мечу.

О БРАТЬЯХ НАШИХ МЕНЬШИХ.

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ РУБЦОВ.

Ласточка.

Ласточка носится с криком:
Выпал птенец из гнезда.
Дети окрестные мигом
Все прибежали сюда.

Взял я осколок металла,
Вырыл могилку птенцу,
Ласточка рядом летала,
Словно не веря концу.

Долго носилась, рыдая,
Под мезонином своим...
Ласточка! Что ж ты, родная,
Плохо смотрела за ним?

Воробей.

Чуть живой. Не чирикает даже.
Замерзает совсем воробей.

Как заметит подводу с поклажей,
Из-под крыши бросается к ней.

И дрожит он над зёрнышком бедным,
И летит к чердаку своему...

А гляди, не становится вредным
Оттого, что так трудно ему.

МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ ПРИШВИН.

Ребята и утята.

Маленькая дикая уточка чирок-свистунок решилась наконец-то перевести своих утят из леса, в обход деревни, в озеро, на свободу. Весной это озеро далеко разливалось, и прочное место для гнезда можно было найти только версты за три, на кочке, в болотном лесу. А когда вода спала, пришлось все три версты путешествовать к озеру.

В местах, открытых для глаз человека, лисицы или ястреба, мать шла позади, чтобы не выпускать утят ни на минуту из виду. И около кузницы, при переходе через дорогу, она, конечно, пустила их вперёд.

Вот тут их увидели ребята и зашвыряли шапками.

Всё время, пока они ловили утят, мать бегала за ними с раскрытым клювом или перелётывала в разные стороны на несколько шагов в величайшем волнении.

Ребята только было собрались закидать шапками мать и поймать её, как утят, но тут я подошёл.

— Что вы будете делать с утятами? — строго спросил я ребят.

Они струсили и ответили:

— Пустим.

— Вот то-то «пустим»! — сказал я очень сердито. — Зачем вам надо было их ловить? Где теперь мать?

— А вон сидит! — хором ответили ребята и указали мне на близкий холмик парового поля, где уточка действительно сидела с раскрытым от волнения ртом.

— Живо, — приказал я ребятам, — идите и возвратите ей всех утят!

Они как будто даже обрадовались моему приказанию и побежали с утятами на холм.

Мать отлетела немного и, когда ребята ушли, бросилась спасать своих сыновей и дочерей. По-своему она им что-то быстро сказала и побежала к овсяному полю. За ней побежали утята — пять штук.

И так по овсяному полю, в обход деревни, семья продолжала своё путешествие к озеру.

Радостно снял я шляпу и, помахав ею, крикнул:

— Счастливый путь, утята!

Ребята надо мной засмеялись.

— Что вы смеётесь, глупыши, — сказал я ребятам. — Думаете, так-то легко попасть утятам на озеро? Снимайте живо все шапки, кричите: «До свидания!»

И те же самые шапки, запылённые на дороге при ловле утят, поднялись в воздух; ребята все разом закричали:

— До свидания, утята!

ВИТАЛИЙ ВАЛЕНТИНОВИЧ БИАНКИ.

Музыкант.

Старый медвежатник[1] сидел на завалинке и пиликал на скрипке. Он очень любил музыку и старался сам научиться играть. Плохо у него выходило, но старик и тем был доволен, что у него своя музыка. Мимо проходил знакомый колхозник и говорит старику:

— Брось-ка ты свою скрипку-то, берись за ружьё. Из ружья у тебя лучше выходит. Я сейчас медведя видел в лесу.

Старик отложил скрипку, расспросил колхозника, где он видел медведя. Взял ружьё и пошёл в лес. В лесу старик долго искал медведя, но не нашёл даже и следа его.

Устал старик и присел на пенёк отдохнуть.

Тихо-тихо было в лесу. Ни сучок нигде не треснет, ни птица голосу не подаст. Вдруг старик услыхал: «Дзенн!..» Красивый такой звук, как струна пропела.

Немного погодя опять: «Дзенн!..»

Старик удивился: «Кто же это в лесу на струне играет?» А из лесу опять: «Дзенн!..» — да так звонко, ласково.

---

[1] Медвежáтник — тот, кто занимается охотой на медведя.

Старик встал с пенька и осторожно пошёл туда, откуда слышался звук. Звук слышался с опушки.

Старик подкрался из-за ёлочки и видит: на опушке разбитое грозой дерево, из него торчат длинные щепки. А под деревом сидит медведь, схватил одну щепку лапой. Медведь потянул к себе щепку и отпустил её. Щепка выпрямилась, задрожала, и в воздухе раздалось: «Дзенн!..» — как струна пропела.

Медведь наклонил голову и слушает.

Старик тоже слушает: хорошо поёт щепка!

Замолк звук — медведь опять за своё: оттянул щепку и пустил.

Вечером знакомый колхозник ещё раз проходил мимо избы медвежатника. Старик опять сидел на завалинке со скрипкой. Он пальцем дёрнул одну струну, и струна тихонечко пела: «Дзенн!..»

Колхозник спросил старика:

— Ну что, убил медведя?

— Нет,— ответил старик.

— Что же так?

— Да как же в него стрелять, когда он такой же музыкант, как и я?

И старик рассказал колхознику, как медведь играл на расщеплённом грозой дереве.

Аришка-трусишка.

Колхозницы Федоры дочурку всё Аришкой-трусишкой звали. До того труслива девчонка — ни шагу от матери! И в хозяйстве помощи от неё никакой.

— Слышь, Аришка,— скажет мать,— возьми ведёрочко, натаскай из пруда воды в корыто — постирать надо.

Аришка уже губы надула:

— Да-а... В пруду — лягушки.

— Ну и пусть лягушки.

— Они прыгучие. Я их боюся.

Натаскает Федора сама воды, бельё постирает.

— Поди, доченька, на чердак бельишко развесь — посушиться.

— Да-а... А на чердаке паук.

— Ну и что?

— Он ползучий, я его боюсь.

Махнёт Федора рукой, сама на чердак полезет.

— А ты, Аришка, пока хоть в чулан сходи, холодного молока крынку принеси.

— Да-а... А в чулане — мыши!

— А хоть бы и так! Съедят они тебя, что ли?

— Они хвостатые... Я их боюся.

Раз летом убирали колхозники сено на дальнем покосе в большом лесу.

Аришка от матери ни на шаг — прямо работать не даёт.

Федора и придумала:

— Ты бы в лес сходила по малину. Тут малины в лесу много. Хоть лукошко набери.

Аришка сластёна. К ягодам липнет, как муха.

— Где, где, мамынька, где тут малинка?

— Да вон, на опушке. Идём — покажу.

Аришка как увидела на кустах красные ягоды, так к ним и кинулась.

— Далеко-то в лес, слышь, не ходи, а испугаешься чего — меня кличь. Я ведь тут рядом буду, никуда не уйду.

— Ладно, мамынька,— отвечает Аришка, а сама и не слышала, что мать ей сказала: глядит, где ягоды больше.

Пришло время полдничать.

Только было собралась Федора за дочуркой в лес, глядь — Аришка сама идёт. Все щёки у неё в красном соку, и в руках полное лукошко малины.

— Умница, доченька! — обрадовалась Федора. — И где столько ягоды набрала?

— А за ручьём, в большом малиннике.

— Ишь расхрабрилась, куда забрела! Говорила ведь я тебе — далеко в лес не заходи. Как там тебя звери не съели!

— Какие там звери! — смеётся Аришка. — Один медвежонок в лесу и был.

Тут уж Федоре пришёл черёд пугаться:

— Как... медвежонок? Какой медвежонок?

— Хорошенький такой, весь мохнатенький. Носик чёрный, а глазки зелёные-зелёные...

— Батюшки-светы! И ты не испугалась?

— А чего его бояться? Я ему: «Здравствуй, Мишенька!» А он повернул — да драла, да на дерево от меня. Я ему кричу: «Слазь, Мишук. Ничего тебе не сделаю — только поглажу!» А он — выше. Так и не слез ко мне. Поди, и сейчас на том дереве сидит, трусишка.

У Федоры так сердце и упало:

— А в кустах, доченька, никого там не приметила?

— В кустах ходил кто-то, сучьями трещал да ворчал толстым голосом. Тоже, верно, кто ма-

лину собирал. Уж я звала, звала: «Дяденька, пособи медвежонка поймать!» Да не вышел он.

Федора только руками всплеснула!

— Да ведь это не иначе как сама медведиха ходила, медвежонка своего берегла! И как она тебя не разорвала!

Колхозники, сколько случилось тут мужиков да парней, подхватили кто топор, кто вилы, кто косу — да в лес.

В малиннике за ручьём и впрямь нашли медведицу. Только она им не далась — ушла с медвежонком.

А другой медвежонок на том дереве и сидел, куда от Аришки забрался.

Его колхозники поймали, привели и Аришке подарили.

Случилось это всё в прошлом году.

Теперь медвежонок в большого медведя вырос, а от Аришки ни шагу.

Сама Аришка — та всё ещё маленькая, только ещё в первый класс пошла, и над партой её чуть видно. Но Мишку своего нисколько не боится, хоть он и страшилище — даже лошади от него шарахаются.

Теперь уж Федорину дочурку никто Аришкой-трусишкой не зовёт, а все Аришей-с-Мишей величают.

Вот и пойми её: чего она мышей-то боялась?

ЕВГЕНИЙ ИВАНОВИЧ ЧАРУШИН.

Страшный рассказ.

Мальчики Шура и Петя остались одни. Они жили на даче — у самого леса, в маленьком домике. В этот вечер папа и мама ушли в гости.

Когда стемнело, Шура и Петя сами умылись, сами разделись и легли спать в свои постельки. Лежат и молчат. Ни папы, ни мамы нет.

В комнате темно. И в темноте по стене кто-то ползает — шуршит...

Шура и говорит со своей кровати:

— Мне совсем и не страшно.

— Мне тоже совсем не страшно, — отвечает Петя с другой кровати.

— Мы воров не боимся, — говорит Шура.

— Людоедов тоже не боимся, — отвечает Петя.

— И тигров не боимся, — говорит Шура.

— Они сюда не придут, — отвечает Петя.

И только Шура хотел сказать, что он крокодилов не боится, как вдруг они слышат... за дверью, в сенях, кто-то негромко топает ногами по полу: топ... топ... шлёп... шлёп... топ... топ...

Как бросится Петя к Шуре на кровать!

Они закрылись с головой одеялом, прижались друг к другу. Лежат тихо-тихо, чтобы их никто не услышал.

— Не дыши, — говорит Шура Пете.

— Я не дышу.

Топ... топ... шлёп... шлёп... топ... топ... шлёп... шлёп... А через одеяло всё равно слышно, как кто-то за дверью ходит и топает.

Но тут пришли папа с мамой. Они открыли двери, вошли в дом, зажгли свет. Петя и Шура им всё рассказали.

Тут мама с папой зажгли ещё одну лампу и стали смотреть по всем комнатам, во всех углах. Нет никого. И вдруг вдоль стены кто-то как пробежит в угол... Пробежал и свернулся в углу шариком. Смотрят — да это ёжик! Он, верно, из леса забрался в дом.

Хотели его взять в руки, а он дёргается и колет колючками. Тогда закатали его в шапку и унесли в чулан. Дали молока в блюдце и кусок мяса. А потом все заснули.

Этот ёжик так и жил с ребятами на даче всё лето.

Он и потом пыхтел и топал ногами по ночам, но никто уже его не боялся.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ СЛАДКОВ.

Всему своё время.

Надоела зима Сороке. Вот бы лето сейчас!

— Эй, Свиристель, ты бы лету обрадовался?

— Спрашиваешь ещё? — Свиристель отвечает.— Перебиваюсь с рябины на калину, оскомина на языке!

А Сорока уже Косача спрашивает. Жалуется и Косач:

— Сплю в снегу, на обед одна каша берёзовая! Брови красные — отморозил!

Сорока к Медведю стучится: как, мол, зиму зимуешь?

— Так себе! — Миша ворчит.— С боку на бок. На правом боку лежу — малина мерещится, на левом — мёд липовый.

— Понятно! — Сорока стрекочет.— Всем зима надоела! Чтоб ты, зима, провалилась!

И зима провалилась...

Ахнуть не успели — лето вокруг! Теплынь, цветы, листья. Веселись, лесной народ!

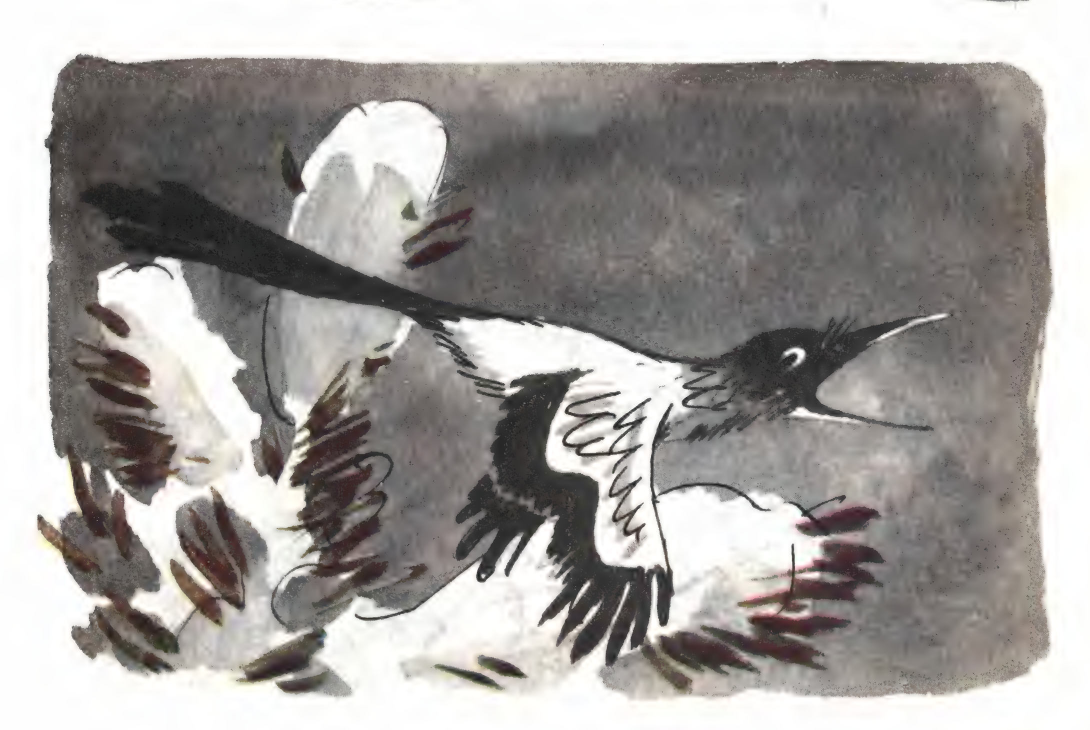
А народ лесной закручинился...

— Растерялся я что-то, Сорока! — Свиристель говорит. — В какое ты меня поставила положение? Я к вам с севера по рябину примчался, а у вас листья одни. С другой стороны, я летом на севере должен быть, а я тут торчу! Голова кру́гом. И есть нечего...

— Натворила Сорока дел! — шипит сердито Косач. — Что за чушь? Куда весну подевала? Весной я песни пою и танцы танцую. Самое развесёлое времечко! А летом только линять, перья терять. Что за чушь?

— Так вы же сами о лете мечтали! — вскрикивала Сорока.

— Мало ли что! — Медведь говорит. — Меч-

тали мы о лете с мёдом да с малиной. А где они, если ты через весну перепрыгнула? Ни малина, ни липа зацвести не успели,— стало быть, ни малины, ни мёда липового не будет! Поворачивайся хвостом — я его тебе сейчас выщиплю!

Ух как рассердилась Сорока! Вильнула, подпрыгнула, на ёлку взлетела и крикнула:

— Провалитесь вы вместе с летом!

И провалилось нежданное лето. И снова в лесу зима. Снова Свиристель рябину клюёт... Но терпят. Настоящую весну ждут.

Сорока и Заяц.

— Слушай, Заяц, все говорят, что осина страсть горькая. А ты, смотрю, грызёшь её и даже не жмуришься!

— А я, Сорока, осинку на третье блюдо употребляю. Когда на первое только воздух свежий, на второе — прыжки по снегу, так и горькая осина на третье слаще мёда покажется!

Барсук и Медведь.

— Что, Медведь, спишь ещё?

— Сплю, Барсук, сплю. Так-то, брат, разогнался — пятый месяц без про́сыпу. Все бока отлежал!

— А может, Медведь, нам вставать пора?

— Не пора. Спи ещё.

— А не проспим мы с тобой весну-то с разгону?

— Не бойся! Она, брат, разбудит.

— А что она — постучит нам, песенку споёт или, может, пятки нам пощекочет? Я, Миша, страх как на подъём тяжёл!

— Ого-го! Небось вскочишь! Она тебе, Боря, ведро воды как даст под бока — небось не залежишься!

Спи уж, пока сухой.

Лиса-плясунья.

Ну и погодка, чтоб ей ни дна ни покрышки!

Дождь, слякоть, холод, прямо — бррр!.. В такую погоду добрый хозяин собаку из дому не выпустит.

Решил и я свою не выпускать. Пусть дома сидит, греется. А сам взял ружьё, взял бинокль, оделся потеплее, надвинул на лоб капюшон — и пошёл. Любопытно всё-таки поглядеть, что в такую непогоду зверьё делает.

И только вышел за околицу, вижу — лиса! Мышкует — промышляет мышей. Рыскает по жнивью — спина дугой, голова и хвост к земле — ну чистое коромысло!

Вот легла на брюхо, ушки торчком — и поползла: видно, мышей-полёвок заслышала. Сейчас они то и дело вылезают из норок — собирают себе зерно на зиму.

Вдруг вскинулась лиска всем передом, потом пала передними ногами и носом на землю, рванула — вверх взлетел чёрный комочек. Лиса

разинула зубастую пастишку, поймала мышь на лету. И проглотила, даже не разжевав.

Да вдруг и заплясала!

Подскакивает на всех четырёх ногах, как на пружинках. То вдруг на одних задних запрыгает, как цирковая собачка — вверх-вниз, вверх-вниз! Хвостом машет, розовый язычок от усердия высунула.

Я давно лежу, в бинокль за ней наблюдаю. Ухо у самой земли — слышу, как она лапками топочет. Сам весь в грязи вымазался.

А чего она пляшет — не пойму! В такую погоду только дома сидеть, в тёплой, сухой норе! А она вон чего выкамаривает, фокусы какие ногами выделывает!

Надоело мне мокнуть — вскочил я во весь рост. Лиса увидала — тявкнула с испугу. Может, даже язык прикусила. Шасть в кусты — только я её и видел!

Обошёл я жнивьё и, как лиса, всё себе под ноги гляжу.

Ничего примечательного: размокшая от дождей земля, порыжелые стебли.

Лёг тогда по-лисьему на живот: не увижу ли чего так?

Вижу: много мышиных норок. Слышу: в норках мыши пищат.

Тогда вскочил я на ноги и давай лисий танец отплясывать! На месте подскакиваю, ногами топочу.

Тут как поскачут из-под земли перепуганные мыши-полёвки! Из стороны в сторону шарахаются, друг с другом сшибаются, пищат пронзительно... Эх, был бы я лисой, так...

Да что тут говорить: понял я, какую охоту испортил лисичке. Плясала — не баловала, мышей из их норок выгоняла... Был бы у неё тут пир на весь мир!

Оказывается, вон какие звериные штучки можно узнать в такую погоду: лисьи пляски!

Плюнул бы я на дождь и на холод, пошёл бы других зверей наблюдать, да собаку свою пожалел. Зря её с собой не взял.

Скучает, поди, в тепле под крышей.

БОРИС СТЕПАНОВИЧ ЖИТКОВ.

Как слон спас хозяина от тигра.

У индусов есть ручные слоны. Один индус пошёл со слоном в лес по дрова.

Лес был глухой и дикий. Слон протаптывал хозяину дорогу и помогал валить деревья, а хозяин грузил их на слона.

Вдруг слон перестал слушаться хозяина, стал оглядываться, трясти ушами, а потом поднял хобот и заревел.

Хозяин тоже оглянулся, но ничего не заметил. Он стал сердиться на слона и бить его по

ушам веткой. А слон загнул хобот крючком, чтобы поднять хозяина на спину. Хозяин подумал: «Сяду ему на шею — так мне удобней будет им править».

Он уселся на слона и стал веткой хлестать слона по ушам. А слон пятился, топтался и вертел хоботом. Потом замер и насторожился.

Хозяин поднял ветку, чтобы со всей силы ударить слона, но вдруг из кустов выскочил огромный тигр. Он хотел напасть на слона сзади и вскочить на спину.

Но он попал лапами на дрова, дрова посыпались. Тигр хотел прыгнуть другой раз, но слон уже повернулся, схватил хоботом тигра поперёк живота, сдавил как толстым канатом. Тигр раскрыл рот, высунул язык и мотал лапами.

А слон уже поднял его вверх, потом шмякнул оземь и стал топтать ногами.

А ноги у слона — как столбы. И слон растоптал тигра в лепёшку. Когда хозяин опомнился от страха, он сказал:

— Какой я дурак, что бил слона! А он мне жизнь спас.

Хозяин достал из сумки хлеб, что приготовил для себя, и весь отдал слону.

Галка.

У брата с сестрой была ручная галка. Она ела из рук, давалась гладить, улетала на волю и назад прилетала.

Вот раз сестра стала умываться. Она сняла с руки колечко, положила на умывальник и намылила лицо мылом. А когда она мыло сполос-

нула,— поглядела: где колечко? А колечка нет.

Она крикнула брату:

— Отдай колечко, не дразни! Зачем взял?

— Ничего я не брал,— ответил брат.

Сестра поссорилась с ним и заплакала.

Бабушка услыхала.

— Что у вас тут? — говорит.— Давайте мне очки, сейчас я это кольцо найду.

Бросились искать очки — нет очков.

— Только что на стол их положила,— плачет бабушка.— Куда им деться? Как я теперь нитку в иголку вдену?

И закричала на мальчика:

— Твои это дела! Зачем бабушку дразнишь?

Обиделся мальчик, выбежал из дому. Глядит — а над крышей галка летает и что-то у ней под клювом блестит. Пригляделся — да это очки! Спрятался мальчик за дерево и стал глядеть. А галка села на крышу, огляделась, не видит ли кто, и стала очки на крыше клювом в щель запихивать.

Вышла бабушка на крыльцо, говорит мальчику:

— Говори, где мои очки?

— На крыше! — сказал мальчик.

Удивилась бабушка. А мальчик полез на крышу и вытащил из щели бабушкины очки. Потом вытащил оттуда и колечко. А потом достал стёклышек, а потом разных денежек много штук.

Обрадовалась бабушка очкам, а сестра колечку, и сказала брату:

— Ты меня прости, я ведь на тебя подумала, а это галка-воровка.

И помирилась с братом.

Бабушка сказала:

— Это всё они, галки да сороки. Что блестит, всё тащат.

Вопросы и задания.

1. Что объединяет стихи и рассказы С. Есенина, А. Твардовского, Н. Рубцова, И. Соколова-Микитова, М. Пришвина? Выучи наизусть самое, на твой взгляд, красивое стихотворение о природе.

2. Одинаковы ли по настроению стихи С. Есенина? Какое из них напоминает сказку? Почему? Чем привлекла внимание С. Есенина берёза, которая росла под его окном? Закрой глаза и постарайся представить себе эту берёзу. Обрати внимание, с чем сравнивает поэт ветви. На что они похожи? Почему он говорит о бахроме, кистях? В чём ты видишь их сходство с ветками берёзы? Как ты понимаешь выражения «сонная тишина» и «горят снежинки в золотом огне»?

Стихи обращают наше внимание на красоту в природе и в жизни. Оглянись вокруг, постарайся почувствовать эту красоту.

3. Радостные или грустные, весёлые или печальные стихи А. Твардовского? Откуда строки: «Подосиновик последний сдвинул шапку набекрень...»? Как ты себе это представляешь?

4. Встречал ли ты в других разделах учебника стихи и рассказы о природе? Перечитай их.

5. Запиши полюбившиеся стихи в тетрадь по чтению.

6. Назови рассказы из раздела «О братьях наших меньших», которые показались наиболее интересными. Что запомнилось?

7. Что объединяет рассказы В. Бианки, С. Чарушина, Н. Сладкова? О чём пишут они в своих рассказах? О чём заставляют тебя задуматься?

8. Действительно ли рассказ Е. Чарушина страшный? Бывает ли тебе когда-нибудь страшно?

9. Можно ли назвать произведение Н. Сладкова «Всему своё время» сказкой? Почему?

10. Понаблюдай за жизнью своих питомцев — собаки, кошки, птички. Опиши их повадки,

привычки, то, что ты наблюдаешь в реальной жизни. Это будет *быль*. Сравни со сказкой, которую ты сам сочинил о животных.

11. Какую пословицу ты выбрал бы к каждому рассказу:

Пуганая ворона и куста боится.

Чем дальше в лес, тем больше дров.

Синичка — воробью сестричка.

Ты пожалей — и тебя пожалеют.

У страха глаза велики.

Лес и вода — родные брат и сестра.

12. Ты, наверное, читал сказку «Ёж и заяц». Расскажи её. Придумай свою сказку с весёлым концом.

И В ШУТКУ, И ВСЕРЬЁЗ.

БОРИС ВЛАДИМИРОВИЧ ЗАХОДЕР.

Что красивее всего?

Ребёнок спросил
Ни с того ни с сего:
— А ну-ка скажи,
Что красивей всего?

Да, вот так вопрос:
Что красивей всего?
Ответить
Я сам не сумел на него.

И вот я решил
Послушать ответы
Других обитателей
Нашей Планеты.

Деревья и Травы
Сказали в ответ:

— Да что же прекрасней,
Чем солнечный свет?!

— Да что же прекрасней
Ночной темноты?! —
Откликнулись Совы,
Сычи и Кроты...

— Леса! —
Отвечали мне
Волк и Лиса.

Орёл свысока
Процедил:
— Небеса!

— По-моему, море! —
Ответил Дельфин.
— Мой хвост, без сомнения! —
Крикнул Павлин.

Спрошу Мотылька,
Отвечает: — Цветок! —
Спрошу у Цветка,
Говорит: — Мотылёк!

Кто славит поля,
Кто — полярные льды,
Кто — горы, кто степь,
Кто — мерцанье звезды...

А мне показалось,
Что все они правы,
Все: Звери и Птицы,
Деревья и Травы...

И я не ответил,
Увы,
Ничего
На трудный вопрос:
Что красивей всего?

Товарищам детям.

Обычно
От вас это держат
В секрете,

А я не скрываю,
Товарищи дети:
Хочу, чтобы вы,
Дорогие читатели,
Недаром
За чтением время потратили.
Хочу,
Признаюсь откровенно и честно,
Чтоб книжку
Вам было читать
Интересно.
А если захочется вам
Посмеяться,
То этого тоже
Не надо бояться:
Ведь если смеются
Товарищи дети,
Становится сразу
Светлее на свете!

Буква Я.

Я — последняя буква в азбуке.
(П о г о в о р к а.)

Всем известно:
Буква Я
В азбуке
Последняя.
А известно ли кому,
Отчего и почему?

— Неизвестно?
— Неизвестно.
— Интересно?
— Интересно!
Ну так слушайте рассказ.
Жили в азбуке у нас
Буквы,
Жили не тужили,
Потому что все дружили.
Где никто не ссорится,
Там и дело спорится.
Только раз
Всё дело
Стало
Из-за страшного скандала:
Буква Я
В строку не встала,
Взбунтовалась
Буква Я!
— Я,—
Сказала буква Я,—
Главная-заглавная!
Я хочу,
Чтобы повсюду
Впереди
Стояла
Я!
Не хочу стоять в ряду.
Быть желаю
На виду! —

Говорят ей:
— Встань на место! —
Отвечает: — Не пойду!
Я ведь вам не просто буква,
Я — местоимение.
Вы
В сравнении со мною —
Недоразумение!
Недоразумение —
Не более не менее! —
Тут вся азбука пришла
В страшное волнение.
— Фу-ты ну-ты! —
Фыркнул Ф,
От обиды покраснев.
— Срам! —
Сердито С сказало.
В кричит:
— Воображала!
Это всякий так бы мог!
Может, я и сам — предлог! —
Проворчало П:
— Попробуй
Потолкуй с такой особой!
— Нужен к ней подход особый,—
Вдруг промямлил Мягкий Знак.
А сердитый Твёрдый Знак
Молча показал кулак.
— Ти-и-ше, буквы!

Стыдно, знаки! —
Закричали Гласные.—
Не хватало только драки!
А ещё Согласные!
Надо раньше разобраться,
А потом уже и драться!
Мы же грамотный народ!
Буква Я
Сама поймёт:
Разве мыслимое дело
Всюду
Я
Совать вперёд?
Ведь никто в таком письме
Не поймёт ни бе ни ме! —
Я
Затопало ногами:
— Не хочу водиться с вами!
Буду делать всё сама!
Хватит у меня ума!—
Буквы тут переглянулись,
Все — буквально! — улыбнулись,
И ответил дружный хор:
— Хорошо,
Идём на спор:
Если сможешь
В одиночку
Написать
Хотя бы строчку,—
Правда,

Стало быть,
Твоя!
— Чтобы я
Да не сумела,
Я ж не кто-нибудь,
А Я! —
...Буква Я взялась за дело:
Целый час она
Пыхтела,
И кряхтела,
И потела,—
Написать она сумела
Только
...яяяя!
Как зальётся буква Х:
— Ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха! —
О
От смеха покатилось!
А
За голову схватилось.
Б
Схватилось за живот...
Буква Я
Сперва крепилась,
А потом как заревёт:
— Я, ребята, виновата!
Признаю
Вину свою!
Я согласна встать, ребята,
Даже сзади

Буквы Ю!
— Что ж,— решил весь алфавит,—
Если хочет — пусть стоит!
Дело ведь совсем не в месте.
Дело в том, что все мы — вместе!
В том, что все—
От А до Я —
Жили как одна семья!
Буква Я
Всегда была
Всем и каждому мила,
Но советуем, друзья,
Помнить место
Буквы Я!

Песенки Винни-Пуха.

Ворчалка.

Эту Ворчалку Винни сочинил, когда искал горшок с мёдом, который сам же съел.

Куда мой мёд деваться мог?
Ведь был полнёхонький горшок!

Он убежать никак не мог —
Ведь у него же нету ног!

Не мог уплыть он по реке
(Он без хвоста и плавников!),

Не мог зарыться он в песке.
Не мог — и всё же был таков!

Не мог уйти он в тёмный лес,
Не мог взлететь под небеса.
Не мог, а всё-таки исчез!
Ну, это прямо чудеса!

А этих песенок в книжке о Винни-Пухе не найти. Винни-Пух сочинил их, когда его снимали в кино, так что они совсем новые!

Песенка первая.

Если я чешу в затылке —
Не беда!
В голове моей опилки,
Да-да-да!
Но хотя там и опилки,
Но Шумелки и Вопилки
(А также Кричалки, Пыхтелки
и даже Сопелки и так далее)
Сочиняю я неплохо
И-
ног-
да!

Песенка вторая.

(Песенка-загадка.)

Куда идём
Мы с Пятачком —
Большой-большой секрет,

И не расскажем мы о нём,
Да-да!
(Верней, нет-нет!)
Зачем шагаем мы вдвоём,
Откуда и куда?
Секретов мы не выдаём!
Нет-нет!
(Верней, да-да!)

Кит и Кот.

В этой сказке
Нет порядка:
Что ни слово —
То загадка!
Вот что
Сказка говорит:
Жили-были
Кот
И Кит.

Кот — огромный, просто страшный!
Кит был маленький, домашний.

Кит мяукал,
Кот пыхтел.
Кит купаться не хотел,
Как огня воды боялся.
Кот всегда над ним смеялся.
Время так проводит
Кит:
Ночью бродит,
Днём храпит.
Кот
Плывёт по океану,
Кит
Из блюдца ест сметану.
В чём тут дело? Где ошибка?
Разбирались
Целый год —
Кто тут КИТ
И где тут КОТ.
Обсуждали, не спешили,
И в конце концов
Решили:
В этой сказке нет

Порядка.
В ней ошибка,
Опечатка:
Кто-то,
Против всяких правил,
В сказке буквы переставил,
Переправил
Кит на Кот,
Кот на Кит —
наоборот!
Ну,
И навели порядок:
В сказке больше нет загадок.
В океан
Уходит КИТ,
КОТ на кухне
Мирно спит...
Всё как надо,
Всё прилично.
Сказка стала —
На отлично!
Всем понятна и ясна.
Жаль,
Что кончилась
Она...

ЭДУАРД НИКОЛАЕВИЧ УСПЕНСКИЙ.

Чебурашка.

В густом тропическом лесу жил да был очень забавный зверёк. Звали его Чебурашка. Вернее, сначала его никак не звали, пока он жил в своём тропическом лесу. А назвали его Чебурашкой потом, когда он из леса уехал и встретился с людьми. Ведь это же люди дают зверям имена. Это они сказали слону, что он слон, жирафу — что он жираф, а зайцу — что он заяц.

Но слон, если бы подумал, мог бы догадаться, что он слон. Ведь у него же очень простое имя! А каково зверю с таким сложным именем, как гиппопотам? Поди догадайся, что ты не гипотам, не по-потам, а именно гип-по-по-там.

Так вот и наш зверёк: он никогда не задумывался над тем, как его зовут, а просто жил себе да жил в далёком тропическом лесу.

Однажды он проснулся утром рано, заложил лапы за спину и отправился немного погулять и подышать свежим воздухом.

Гулял он себе, гулял и вдруг около большого фруктового сада увидел несколько ящиков с апельсинами. Недолго думая, Чебурашка забрался в один из них и стал завтракать. Он съел целых два апельсина и так объелся, что ему трудно стало передвигаться. Поэтому он прямо на фруктах и улёгся спать.

Спал Чебурашка крепко, он, конечно, не слышал, как подошли рабочие и заколотили все ящики.

После этого апельсины вместе с Чебурашкой погрузили на корабль и отправили в далёкое путешествие.

Ящики долго плавали по морям и океанам и в конце концов оказались во фруктовом магазине очень большого города. Когда их открыли, в одном апельсинов почти не было, а был только толстый-претолстый Чебурашка.

Продавцы вытащили Чебурашку из его каюты и посадили на стол. Но Чебурашка не мог сидеть на столе: он слишком много времени провёл в ящике и у него затекли лапы. Он сидел, сидел, смотрел по сторонам, а потом взял да и чебурахнулся со стола на стул.

Но и на стуле он долго не усидел — чебурахнулся снова. На пол.

— Фу ты, Чебурашка какой! — сказал про него директор магазина.— Совсем не может сидеть на месте!

Так наш зверёк и узнал, что его имя — Чебурашка.

— Но как же мне с тобой поступить? — спросил директор.— Не продавать же тебя вместо апельсинов?

— Не знаю,— ответил Чебурашка.— Как хотите, так и поступайте.

Директору пришлось взять Чебурашку под мышку и отнести его в главный городской зоопарк.

Но в зоопарк Чебурашку не приняли. Во-первых, зоопарк был переполнен. А во-вторых, Чебурашка оказался совершенно неизвестным науке зверем. Никто не знал, куда же его поместить: то ли к зайцам, то ли к тиграм, то ли вообще к морским черепахам.

Тогда директор снова взял Чебурашку под мышку и пошёл к своему дальнему родственнику, тоже директору магазина. В этом магазине продавали уценённые товары.

— Ну что же,— сказал директор номер два,— мне нравится этот зверь. Он похож на бракованную игрушку! Я возьму его к себе на работу. Пойдёшь ко мне?

— Пойду,— ответил Чебурашка.— А что мне надо делать?

— Надо будет стоять в витрине и привлекать внимание прохожих. Понятно?

— Понятно,— сказал зверёк.— А где я буду жить?

— Жить?.. Да хотя бы вот здесь! — Директор показал Чебурашке старую телефонную будку, стоявшую у входа в магазин.— Это и будет твой дом!

Так вот и остался Чебурашка работать в этом большом магазине и жить в этом маленьком домике. Безусловно, этот дом был не самый

лучший в городе. Но зато под рукой у Чебурашки всегда находился телефон-автомат, и он мог звонить кому хочешь, прямо не выходя из собственного дома.

Правда, пока ему некому было звонить, но это его нисколько не огорчало.

(Из повести-сказки «Крокодил Гена и его друзья».)

Если был бы я девчонкой.

Если был бы я девчонкой,
Я бы время не терял!

Я б на улице не прыгал,
Я б рубашки постирал,

Я бы вымыл в кухне пол,
Я бы в комнате подмёл,

Перемыл бы чашки, ложки,
Сам начистил бы картошки,

Все свои игрушки сам
Я б расставил по местам!

Отчего ж я не девчонка?
Я бы маме так помог!

Мама сразу бы сказала:
— Молодчина ты, сынок!

Рыболов.

За город начал
Рыбак собираться.

Удочку взял,
Чтобы рыбу ловить.

Взял дождевик,
Чтобы им укрываться.

Взял самовар,
Чтобы чай кипятить.

Взял он кровать,
Чтобы спать на кровати.

Взял он ковёр,
Чтоб на нём загорать.

Взял он дрова,
Чтоб ему не искать их.

Взял чемодан,
Почему бы не взять?!

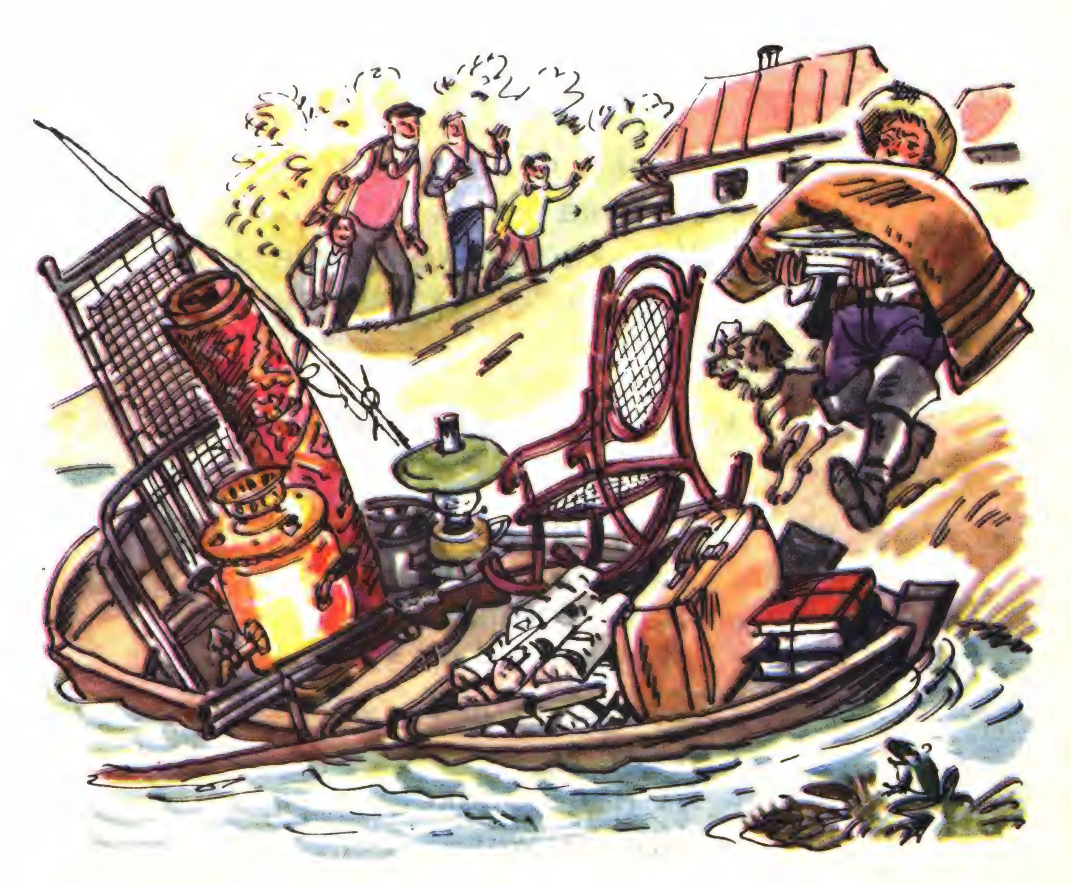
Взял керогаз,
Полотенце,
Мочалку,

Книги,
Журналы,
Кресло-качалку,
Лампу,

Ружьё,
Сапоги,
Одеяло.

Взял он собаку,
Чтоб всё охраняла.

Ровно две тысячи
Нужных вещей
Стал он укладывать
В лодке своей.

Лодка качнулась,
Воды зачерпнула,
Перевернулась
И вмиг утонула.

Ровно неделю потом
Из реки
Вещи вытаскивали
Рыбаки

И говорили:
— Послушай, чудак,
Ты кто угодно,
Но не рыбак.

Ведь для хорошего
Рыбака
Удочка только нужна
И река!

Над нашей квартирой.

Над нашей квартирой
Собака живёт.
Лает собака
И спать не даёт.
Спать не даёт
Нам.
А над собакою
Кошка живёт.

Мяукает кошка
И спать не даёт.

Спать не даёт
Собаке.

Ну, а над кошкою
Мышка живёт.
Мышка вздыхает
И спать не даёт.

Спать не даёт
Кошке.

Ночью по крыше
Дождик стучит.
Вот потому-то
И мышка не спит.

Мышка не спит
Всю ночь.

В небе печальные
Тучи бегут.
Тучи рыдают,
И слёзы текут.

Слёзы текут
Дождём.

А тучи обидел
Маленький гром,
Который по тучам
Стучал кулаком,

Стучал кулаком —
Ба-бах!

ВАЛЕНТИН ДМИТРИЕВИЧ БЕРЕСТОВ.

Знакомый.

Сегодня вышел я из дома.
Пушистый снег лежит кругом.
Смотрю — навстречу мой знакомый
Бежит по снегу босиком.

И вот мы радости не прячем,
Мы — неразлучные друзья.
Визжим, и прыгаем, и скачем,
То я, то он, то он, то я.

Объятья, шутки, разговоры.
— Ну как живёшь? Ну как дела? —
Вдруг видим, кошка вдоль забора,
Как тень, на цыпочках прошла.

— Побудь со мной ещё немного! —
Но я его не удержал.
— Гав! Гав! — сказал знакомый строго.
Махнул хвостом и убежал.

Стук в окно.

Вот и нам узнать дано,
Как зима стучит в окно.
А в окно синица ломится,
Хочет сала поклевать
И мечтает познакомиться,
С кем ей нынче зимовать.

Путешественники.

Возьмём с собой сушёных груш
И двинемся в лесную глушь
Одни — в далёкий путь.
Я у Старкова за спиной,
Спешит Красильников за мной—
Назад не повернуть.
Взлетают палки наши в лад,
И наши лыжи в лад скрипят.
Всё дальше, дальше дом.
Но мы — мужчины, и к тому ж
У нас запас сушёных груш
И мы не пропадём!

Где право, где лево.

Стоял ученик
На развилке дорог,
Где право,
Где лево,
Понять он не мог.

Но вдруг ученик
В голове почесал
Той самой рукою,
Которой писал,
И мячик кидал,
И страницы листал,
И ложку держал,
И полы подметал.
— Победа! — раздался
Ликующий крик:
Где право,
Где лево,
Узнал ученик.

Приятная весть.

Без четверти шесть!
Без пятнадцати шесть!
Хотите услышать
Приятную весть?

— Так что же случилось
Без четверти шесть?
Какая такая
Приятная весть?

— А то, что я сам,
Понимаете? — САМ
Умею часы
Узнавать по часам.

— Ты прав. Так и есть,
Без пятнадцати шесть!
Спасибо тебе
За приятную весть!

ЯКОВ ЛАЗАРЕВИЧ АКИМ.

Неумейка.

Слыхали?
Сегодня
В подъезде
Восьмом
Ходил почтальон
С необычным
Письмом.
Измятый
Конверт,

А на нём
По линейке
Написано чётко:

ВРУЧИТЬ НЕУМЕЙКЕ.

На первый этаж
Письмоносец
Зашёл,
Увидел, как Вову
Сажали
За стол.
Со сказкою
Вове
Вливали бульон.
— Письмо Неумейке! —
Сказал почтальон.
За ложку
Схватился
Испуганный
Вова.
А мама ответила:
— Нету такого!
В квартире
Над ними
Жил мальчик
Андрюшка.
По комнате всей
Раскидал он
Игрушки.
Услышав про адрес,

Смутился
Андрейка:
— Не думайте, дядя,
Что я — неумейка!
Я, дядя,
Ещё не окончил
Игру.
Вот выстрою
Домик —
И всё уберу.
Направилась
Почта
В квартиру направо,
Где только проснулся
Голубчиков
Слава.
Сестрёнка ему
Надевала
Чулок,
А Слава скучал
И глядел
В потолок.
Сказал почтальон:
— Неплохая семейка!
Не здесь ли живёт
Гражданин
Неумейка?
Но Слава,
Услышав
Обидное слово,

Чулок натянул
И воскликнул:
— Да что вы!
Я сам одеваюсь,
Когда захочу,
А это —
Ну... просто
Сестрёнку учу.
Идёт письмоносец
В другую
Квартиру—
И видит
На кухне
Такую картину:
Тарелки
Помыты
И сложены в груду,
А мама и дочь
Вытирают
Посуду.
Сказал почтальон,
Улыбнувшись:
— Беда!
Простите,
Я снова
Попал не туда.
Спустился
Во двор
Письмоносец
И вскоре

Чуть-чуть не упал
На трёхлетнего
Борю —
Цветы
Поливал он
Из маленькой лейки.
И здесь
Не нашёл
Почтальон
Неумейки!
Присел
Почтальон,
Отдохнул
И опять
Отправился в путь
Неумейку искать.
...Письмо
Получателя ищет
По свету.
Но что же в письме?
Рассказать по секрету?
Два слова
В конверте
Письма заказного:

ПОЗОР НЕУМЕЙКЕ! —

Обидных два слова.
И я вас прошу:
Постарайтесь,
Ребята,

Чтоб это письмо
Не нашло
Адресата.

Жадина

Кто держит
Конфету свою
В кулаке,
Чтоб съесть её
Тайно от всех
В уголке,
Кто, выйдя во двор,
Никому из соседей
Не даст
Прокатиться
На велосипеде,
Кто мелом,
Резинкой,
Любою безделицей
В классе
Ни с кем
Ни за что
Не поделится —
Имя тому
Подходящее дадено,
Даже не имя,
А прозвище:

ЖАДИНА!

Жадину
Я ни о чём
Не прошу.
В гости я
Жадину
Не приглашу.
Не выйдет из жадины
Друга хорошего,
Даже приятелем
Не назовёшь его.
Поэтому—
Честно, ребята, скажу—
С жадными
Я никогда
Не дружу!

ЭММА ЭФРАИМОВНА МОШКОВСКАЯ.

Решительное решение.

Я—в горе и в отчаянье.
Никак мне не понять:
ДАЮ я обещание,
и мне же ВЫПОЛНЯТЬ?!
— Но это очень трудно,—
шепчу я очень грустно.—
Но это очень много!—
кричу я очень строго.—
И где же

разделение
труда?
Да?!
Такое
положение
хочу я поменять.
Решаю я
решение
решительно
принять.
Я говорю: — Внимание!
Прошу меня понять:
ДАЮ я обещание.
ИЗВОЛЬТЕ ВЫПОЛНЯТЬ!..

Сказка про Твёрдый и Мягкий Знаки.

Однажды по дороге твёрдой походкой шёл Твёрдый Знак.

— Не сочините ли вы для меня какую-нибудь сказку? — остановил его Вопросительный Знак. — Я подарю её Восклицательному Знаку. Сегодня у него день рождения.

— Нет! — твёрдо ответил Твёрдый Знак.

— Неужели не сочините? — опечалился Вопросительный Знак.

— Нет и только нет! — сказал Твёрдый Знак ещё твёрже.

— Но почему? — удивился Вопросительный Знак.

— Не хочу! Не буду! Не желаю! — Твёрдый Знак стоял на своём очень твёрдо.

Вопросительный Знак вопросительно посмотрел на дорогу. По дороге в мягких тапочках шёл Мягкий Знак.

— Не сочините ли вы для меня какую-нибудь сказку? — обратился к нему Вопросительный Знак.

— Мне, честно говоря, не хочется, — мягко сказал Мягкий Знак. — Но я попытаюсь... так и быть.

И вот вечером Вопросительный Знак прибежал к Мягкому Знаку за сказкой.

— Жаль... мне очень жаль, — промямлил Мягкий Знак, — но, право, я не умею сочинять сказки.

И он заплакал.

— Но почему же вы сразу не сказали? — рассердился Вопросительный Знак.

— Вы были так любезны, — прошептал Мягкий Знак, — и я не смог вам отказать. Я не умею отказывать.

И он заплакал ещё сильнее.

Вопросительный Знак расстроился:

— Извините, но я не могу вас утешить. Я опаздываю. На день рождения.

Он бежал по дороге и думал: «Что же я скажу, если Восклицательный Знак спросит, где подарок???»

Но Восклицательный Знак ничего не спросил. Он воскликнул:

— Ура! Наконец-то! Пришёл мой друг — Вопросительный Знак! Как я рад!!!

ВИКТОР ЮЗЕФОВИЧ ДРАГУНСКИЙ.

Заколдованная буква.

Недавно мы гуляли во дворе: Алёнка, Мишка и я. Вдруг во двор въехал грузовик. А на нём лежит ёлка. Мы побежали за машиной. Вот она подъехала к домоуправлению, остановилась, и шофёр с нашим дворником стали ёлку выгружать. Они кричали друг другу:

— Легче! Давай заноси! Правея! Левея! Становь её на попа! Легче, а то весь шпиль обломаешь.

И когда выгрузили, шофёр сказал:

— Теперь надо эту ёлку заактировать,— и ушёл.

А мы остались возле этой ёлки.

Она лежала большая, мохнатая и так вкусно пахла морозом, что мы стояли как дураки и улыбались. Потом Алёнка взялась за одну веточку и сказала:

— Смотрите, а на ёлке сыски висят.

Сыски! Это она неправильно сказала! Мы с Мишкой так и покатились. Мы смеялись с ним

оба одинаково, но потом Мишка стал смеяться громче, чтоб меня пересмеять.

Ну, я немножко поднажал, чтоб он не думал, что я сдаюсь. Мишка держался руками за живот, как будто ему очень больно, и кричал:

— Ой, умру от смеха! Сыски!

А я, конечно, поддавал жару.

— Пять лет девчонке, а говорит сыски... Ха-ха-ха!

Потом Мишка упал в обморок и застонал:

— Ах, мне плохо! Сыски...

И стал икать:

— Ик!.. Сыски... Ик! Ик! Умру от смеха! Ик!

Тогда я схватил горсть снега и стал прикладывать его себе ко лбу, как будто у меня началось уже воспаление мозга и я сошёл с ума. Я орал:

— Девчонке пять лет, скоро замуж выдавать! А она — сыски.

У Алёнки нижняя губа скривилась так, что полезла за ухо.

— Я правильно сказала! Это у меня зуб вывалился и свистит. Я хочу сказать сыски, а у меня высвистывается сыски...

Мишка сказал:

— Эка невидаль! У неё зуб вывалился! У меня целых три вывалилось да два шатаются, а я всё равно говорю правильно! Вот слушай: хыхки! Что! Правда, здорово — хыхх-ки! Вот как у меня легко выходит: хыхки! Я даже петь могу:

— Ох, хыхечка зелёная,
Боюся уколюся я.

Но Алёнка как закричит. Одна громче нас двоих:

— Неправильно! Ура! Ты говоришь хыхки, а надо — сыски!

А Мишка:

— Именно, что не надо сыски, а надо хыхки.

И оба давай реветь. Только и слышно: Сыски! — Хыхки! — Сыски!

Глядя на них, я так хохотал, что даже проголодался.

Я шёл домой и всё думал: чего они так спорили, раз оба не правы? Ведь это очень простое слово. Я остановился на лестнице и внятно сказал:

— Никакие не сыски. Никакие не хыхки, а коротко и ясно: фыфки!

Вот и всё!

ИРИНА ПЕТРОВНА ТОКМАКОВА.

Плим.

Ложка — это ложка,
Ложкой суп едят.

Кошка — это кошка,
У кошки семь котят.

Тряпка — это тряпка,
Тряпкой вытру стол.

Шапка — это шапка,
Оделся и пошёл.

А я придумал слово,
Смешное слово — плим.

Я повторяю снова:
Плим, плим, плим!

Вот прыгает и скачет
Плим, плим, плим!

И ничего не значит
Плим, плим, плим!

В чудной стране.

В чужой стране,
В чудной стране,
Где не бывать
Тебе и мне,
Ботинок чёрным язычком
С утра лакает молочко.

И целый день в окошко
Глазком глядит картошка.

Бутылка горлышком поёт,
Концерты вечером даёт.

А стул на гнутых ножках
Танцует под гармошку.

В чужой стране,
В чудной стране...

Ты почему не веришь мне?

Весна.

К нам весна шагает
Быстрыми шагами.
И сугробы тают
Под её ногами.

Чёрные проталины
На полях видны.
Верно, очень тёплые
Ноги у весны.

Гном.

К нам по утрам приходит гном.
В Москве приходит, прямо в дом!
И говорит всё об одном:
— Почаще мойте уши!

А мы кричим ему в ответ:
— Мы точно знаем, гномов нет!
Смеётся он: — Ну, нет так нет,
Вы только мойте уши!

Вопросы и задания.

1. Какой рассказ ты считаешь самым весёлым?

2. По какому произведению сделан мультфильм? Знаешь ли ты песенки из него? Нравится ли тебе герой Э. Успенского? Нарисуй его в своей тетради по чтению.

3. Назови произведения, в которых рассказаны забавные истории о буквах и словах. Какое интересное слово придумал герой стихотворения И. Токмаковой? Можешь ли ты сам сочинить смешную историю про слова или букву? (Например, о сбежавших буквах в словах: *крот — кот, смех — мех.)*

4. Сравните два произведения — Э. Успенского «Если был бы я девчонкой» и «Хорошее» В. Осеевой. Похожи ли ребята, изображённые в них писателями? Одинаково ли к ним относятся авторы произведений?

5. Как назван герой стихотворения Я. Акима, которого ищет почтальон? Как ты думаешь, найдёт ли он его? А тебя никогда так не называли?

6. Вспомни стихи В. Берестова. Прислушайся, как они мелодично звучат. Что ты нашёл в них интересного? забавного? Из какого стихотворения эти строки:

Мы — неразлучные друзья.
Визжим, и прыгаем, и скачем,
То я, то он, то он, то я...

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ.

АЛЕКСАНДР СТЕПАНОВИЧ СТАРОСТИН.

Куликовская битва.

«Сойдёмся, братья и друзья, сыновья русские, составим слово к слову и возвеличим землю Русскую, а великому князю Дмитрию Ивановичу воздадим похвалу». Так начал древний русский автор свой рассказ о сражении на поле Куликовом.

Великий князь московский Дмитрий Иванович девяти лет от роду сел на княжеский престол и всю свою жизнь словом и делом стремился к единению всех русских людей. Славный город Москву он украсил многими постройками, огородил её от вражеских набегов крепкой белокаменной стеной. И был он незлобив как дитя, хотя в сражениях страшен бывал, пустошных бесед не вёл, злых людей сторонился, а добрых и мудрых приближал к себе.

А в то время все русские княжества платили Золотой Орде большую дань и кормили прожорливых ханских послов с их челядью. Иные русские, не выдержав ордынского гнёта, убегали в земли дальние, скрывались в пещеры и леса.

И вот спесивый царь Золотой Орды Мамай решил, что ему мало дани.

— Разорю-ка я светлую Русь,— сказал он,— чтоб каждый русский боялся поднять глаза на ордынского воина.

И послал он на Москву своего воеводу Бегича с силой великой и многими князьями ордынскими. Вышел Бегич со своим несметным войском к реке Воже и увидел на противоположном берегу не толпу крестьян с вилами да топорами, а строй русского воинства в сверкающих доспехах и призадумался.

Обычно золотоордынские воины надевали уродливые маски для устрашения противника, трубили в трубы, били в бубны, кричали не своими голосами и пускали тучи стрел. А тут как ударить? Мешает река. Обойти русских сбоку — мешают леса и болота. И всё-таки Бегич решился ударить. Он верил в непобедимость своих воинов. Ведь все они, едва научившись ходить, садились на коней и ещё слабыми детскими руками учились натягивать тетиву лука. Они могли в седле и есть, и пить, и спать, и стрелять на полном скаку.

И Бегич ударил в центр московского войска, где развевалось великокняжеское знамя.

Однако москвичи выдержали первый удар, а потом обратили непобедимую конницу в бегство. Русским достался весь обоз Бегича с награбленным на Руси добром.

И тогда нечестивый Мамай решил сам пойти на Москву. И набрал он войско неисчислимое. И были у него воины монгольские, кавказские, татарские, итальянские. И ещё ожидался литовский князь Ягайло со своей дружиной.

Мамай двинулся на север, но особенно не спешил. Он ждал, когда русские крестьяне соберут урожай, чтоб не только разграбить города, разрушить храмы, но и отнять собранный хлеб. Ордынцы не работали. Они умели только воевать да грабить. И всякий труд у них считался позорным делом.

А в ту пору на том месте, где сейчас стоит Троице-Сергиева лавра в Сергиевом Посаде, жил основатель монастыря — премудрый и почитаемый Сергий из Радонежа. Он своими руками строил кельи для монахов, носил дрова, тачал сапоги, шил одежду, мирил враждовавших князей. Он был славен по всей Руси и особенно среди бедных людей. Мудрые слова старца воспринимались как пророчества. И вот Дмитрий Иванович поехал к нему посоветоваться, как быть. И Сергий предсказал Дмитрию победу над несметным ордынским войском, благословил

его на победу и отправил с ним двух своих монахов — Александра Пересвета и Андрея Ослябю.

Но это были не простые монахи, а могучие богатыри, великие мастера рукопашного боя. И Дмитрий, преисполнившись мужества и веры в победу над супостатом, стал собирать войско. И были в его войске люди и серпуховские, и смоленские, и брянские, и владимирские, и белорусы, и украинцы, и литовские князья Ольгердовичи — Андрей и Дмитрий со своими дружинами. Но не только дружинники были в войске, а ещё и простые люди — крестьяне и ремесленники. Все, кто мог держать оружие в руках, поднялись на Золотую Орду.

Наше войско вышло из Москвы, добралось до Коломны, где был проведён боевой смотр всем полкам, и двинулось на Дон. И, подойдя к светлому Дону, князья стали совещаться: переходить реку или нет. Но в конце концов решили перейти, а мосты после переправы разобрать. Дмитрий Иванович решился перейти Дон не только для того, чтоб каждый воин знал, что отступать некуда — позади Русь: он решил, что Куликово поле — лучшее место для сражения. Он вместе с многоопытным полководцем Боброком Волынским осмотрел поле и решил, что ордынская конница никак не сможет здесь развернуться и ударить всей своей силой: мешают реки, леса и болота.

Рано утром русские войска заняли свои позиции. Рассеялся предутренний туман, и солнце озарило славное русское воинство, его щиты и знамёна. А ордынские полки серые, будто огромная грозовая туча, и сверкают в ней, как синие молнии, острые сабли. И Дмитрий Иванович сказал:

— Положим, братья, головы за землю Русскую, да не завоёваны будут наши города погаными, да не рассеяны будем по лицу всей земли, да не будут наши жёны и дети взяты в плен.

Дмитрий снял великокняжеские доспехи сверкающие и надел на себя одеяние простого ратника, а свои доспехи отдал своему любимцу, боярину Михаилу Бренку, и приказал возить за ним великокняжеское знамя.

Дмитрию советовали занять какое-нибудь безопасное место и наблюдать за ходом сражения со стороны, как это обычно и делают полководцы, но он ответил:

— Умру — с вами; спасусь — с вами.

И выехал из рядов ордынцев богатырь Челубей огромного роста и, посмеиваясь, ждал, когда кто-нибудь выйдет на него с русской стороны. Но охотников вступать в единоборство с этой горой, казалось, не находилось. И тут наши ряды расступились, и выехал на коне Александр Пересвет. Челубей рассмеялся, увидев не воина, но смиренного монаха. Он не знал, что Пересвет,

прежде чем укрыться в монастырь, был великим воином.

Сшиблись богатыри на полном скаку — и вдруг все увидели, что Челубей валится из седла. Русская сторона возликовала. Но и Пересвет был смертельно ранен. Когда его боевой конь вернулся в строй, все увидели: витязь мёртв.

Заиграли боевые и сигнальные трубы, и ордынская конница ударила в центр русского войска, где развевалось великокняжеское знамя. Копьеносцы стояли, положив копья на плечи впереди стоящих, а стрелки из самострелов разили вражескую конницу тяжёлыми стрелами. Дмитрий Иванович сражался как простой ратник, и под ним трижды меняли убитых лошадей.

Мамай, глядя со своего безопасного Красного холма, увидел, что упало великокняжеское знамя. Он решил, что убит Дмитрий и русские сейчас в панике побегут.

Но русские и не думали бежать. Ведь каждый воин знал, что великий князь в доспехах простого ратника.

Ордынская конница ударила в полк Правой руки, но была отброшена. Тогда Мамай решил ударить всеми силами в полк Левой руки и прорвался в тыл центрального Большого полка. И левое крыло было смято, и полегли храбрые князья белозёрские — отец с сыновьями. И полк начал отходить.

Шум боя донёсся и до дубравы, где хоронился Засадный полк с двоюродным братом Дмитрия князем Владимиром Андреевичем Серпуховским и Боброком Волынским.

— Доколе будем ждать? — спросил Владимир Андреевич. — Наше левое крыло уже смято.

— Не настало ещё время, — возразил рассудительный и опытный Боброк.

Тут и простые воины зароптали — больно было видеть, как гибнут братья.

— Не пора ещё, — повторил Боброк.

И когда ордынская конница, втянутая, как в воронку, оказалась перед лицом резервного полка и повернулась к Засадному полку спиной, Боброк надел боевые рукавицы, вытащил из ножен меч и сказал:

— Час настал. Дерзайте!

Мамай увидел, что левое крыло русских смято, и стал радостно потирать руки. И не сразу сообразил, что произошло. Вся его конница оказалась перед лицом пешего строя копьеносцев, а в тыл ей ударили свежие русские силы. Мамаю показалось, что мёртвые русские воины воскресли. И он понял, что его несметное войско разбито.

Разбитое ордынское войско преследовали до реки Красивая Меча.

Вернулись победители на Куликово поле и стали искать Дмитрия Ивановича среди живых и мёртвых. И наконец нашли. Его доспехи были

помяты и порублены, но сам он был жив. Его привели в чувство и помогли сесть на коня.

С той поры князя Дмитрия Ивановича стали называть Донским.

И когда войско победителей возвращалось в родные места, то были в нём люди не брянские, не суздальские, не серпуховские — возвращался с Куликова поля великий русский народ.

ЯКОВ МОИСЕЕВИЧ ТАЙЦ.

Приказ.

Сейчас Света уже большая и ходит в школу. Но во время войны она была маленькой и ходила в детский сад. А по воскресеньям оставалась дома с мамой и всегда ей помогала. Надо принести что-нибудь — принесёт, надо убрать — уберёт, надо конфету съесть — съест!

Ей папа писал с фронта:

«Светик, исполняй все мамины приказы, как на войне всё равно. У нас на войне командир если дал приказ, значит, умри, но сделай. А мама для тебя вроде как командир».

Папа уехал давно, и Света его плохо помнила. Но эти слова запомнила хорошо.

Но вот один раз пришло воскресенье, когда ей с мамой пришлось расстаться.

Утром её разбудили очень рано. Она с тру-

дом открыла глаза и увидела, что возле кровати стоит смешной дядя с мешком и лопатой в руках.

Дядя сказал:

— Вставай, Светик, я ухожу!

И тут только сонная Света догадалась, что никакой это не дядя, а это вовсе её родная мама, которая надела старые папины штаны, и куртку, и даже сапоги.

— Светик, вставай, я ухожу в поле копать картошку, а ты остаёшься одна дома.

Другая девочка пяти лет, наверно, стала бы тут капризничать, хныкать... Но Света не такая!

— Ой, мамочка,— сказала она, зевая,— как ещё спать хочется!

— А ты только закрой за мной дверь,— сказала мама,— и спи! Только помни, Света, без меня никого не впускать!

— Никого не впускать! — повторила Света.

— Вот. А то будет как в сказке: «Козлятушки, ребятушки, отворитеся, отопритеся!» Серый волк заговорил маминым голосом, они его впустили, и он их съел!

— А я его не впущу! — сказала Света.

— Вот и молодец! Поешь, поиграй, а к обеду я вернусь.

Мама постояла за дверью, подождала, пока Света влезала на стул и накидывала крючок, потом подёргала дверь, увидела, что крепко, и ушла.

А Света осталась одна. Спать больше ей не хотелось, и она стала одеваться, напевая:

Ваша мать пришла,
Молочка принесла...

Вдруг в дверь постучали. Света на одной обутой ножке доскакала до двери:

— Кто там?

И тут, совсем как в сказке, из-за двери ответили:

— Это я пришла, молочка принесла.

Но Света знала, что никого впускать нельзя, и сказала:

— Не надо молока!

И молочница ушла.

А Света натянула второй ботинок, платье, умылась и села к столу рисовать козу с козлятами.

Но тут снова постучали.

— Кто там?

— Почта.

Но Света знала, что никого впускать нельзя, и догадалась:

— А вы подсуньте под дверь.

И вот поползло письмо. Света поняла, что от папы, потому что без марки. Она долго смотрела на него, пока незаметно не заснула тут же за столом.

Спала, спала, и вдруг её разбудил громкий стук.

«Ой, это, наверно, уже мама!» — обрадовалась Света и подбежала к двери:

— Мама, ты?

— Здесь живёт Антонина Петровна Кудрявцева? — спросил какой-то дядя за дверью.

«Антонина Петровна? Это, кажется, мама»,— вспомнила Света и сказала:

— Никого нету дома!

— А это кто? — спросил дядя за дверью.

— Это я.

— Кто? Света? — крикнул дядя за дверью.

— А... а вы меня разве знаете? — спросила Света.

— Света, открой быстренько! — закричал дядя за дверью.— Ведь это я приехал, твой папа!

Света растерялась; а может быть, это серый волк прикинулся папой? Она сказала:

— Мой папа на войне!

— Света, доченька, это я приехал... А где же мама?

— Она ушла за картошкой и велела никого не впускать.

— А ты меня помнишь? — спросил дядя за дверью.

— А я не помню, помню или нет,— ответила Света.

— Тогда вот что,— сказал дядя за дверью,— ты подойди к окошку и хорошенько посмотри на меня. А я погляжу на тебя.

— Это можно! — сказала Света.

Она подошла к окошку и увидела военного командира. Ну конечно же, это, скорей всего, её папа! На нём погоны, ремень, наган, спереди медаль на ленточке...

Он протягивал Свете большие руки и что-то ей кричал.

Света крикнула ему:

— Сейчас, сейчас!

Она побежала к двери и влезла на стул, чтобы откинуть крючок, но потом решила ещё раз как следует посмотреть на папу и снова вернулась к окошку.

И тут она увидела, что во двор через калитку входит мама с мешком и лопатой в руках.

Света закричала, показывая пальцем:

— Мама! Мама! Мама идёт!

Военный обернулся. Мама посмотрела на него, остановилась — и вдруг как кинет наземь и мешок и лопату, как подбежит к нему! Он подбежал к ней, они обнялись посреди двора и давай целоваться и как будто совсем забыли про Свету.

Ей даже немножко обидно стало; она тоже выскочила во двор и тоже стала обнимать папины ноги.

А потом все вошли в комнату. Мама всё твердила:

— Света, доченька! Папка вернулся!..

— Ну да, папка! — засмеялся папа. — А этого папку даже в дом не хотели впустить.

— Но раз мама дала такой приказ! — сказала Света.

Тогда папа взял её на руки и сказал:

— Правильно, дочка, приказ есть приказ! И за это я награждаю тебя медалью.

И он даже снял с себя медаль и повесил на Свету. Правда, он сейчас же отнял её, но всё равно Света чуть не целых пять минут носила на груди настоящую серебряную медаль с надписью:

ЗА БОЕВЫЕ ЗАСЛУГИ.

АНАТОЛИЙ ИГНАТЬЕВИЧ ПРИСТАВКИН.

Портрет отца.

Это случилось в войну. В нашей детдомовской библиотеке я случайно наткнулся на маленькую книжку. На обложке её была фотография человека в меховой шапке, полушубке и с автоматом. Этот человек был очень похож на моего отца. Стащив книжку, я забрался в самый тёмный угол, оторвал обложку и засунул под рубаху. И долго там носил её. Только иногда доставал, чтобы посмотреть. Конечно же, это должен быть мой отец. Третий год шла война, а я не получал от него даже писем. Я почти за-

был его. И всё равно я знал: это мой отец. Я поделился открытием с Вовкой Акимцевым, самым сильным парнем нашей спальни. Он вырвал портрет из моих рук и решил:

— Ерунда! Это не твой отец!

— Нет, мой!

— Пойдём спросим воспитательницу...

Ольга Петровна посмотрела на оторванную обложку.

— Нельзя портить книги. И вообще я не думаю, чтобы это был твой отец. Зачем его будут печатать в книжке? Ты сам подумай. Он же не писатель?

— Нет. Но это мой отец!

Володька Акимцев не отдал портрета. Он спрятал его и сказал, что я просто хочу похвастать и он не отдаст мне обложку, чтобы я не занимался ерундой.

Но мне нужен был отец. Я перерыл всю библиотеку, отыскивая вторую такую книжку. А книжки не было. И я плакал по ночам. Однажды Володька подошёл ко мне и заявил усмехаясь:

— Если это твой отец, ты должен за него ничего не пожалеть. Не пожалеешь?

— Нет.

— Нож свой отдашь?

— Отдам.

— И компас?

— Отдам.

— А новый костюм поменяешь на старый?..— И протянул измятую обложку.— Бери. Не нужно мне твоего костюма. Может, и вправду...

В глазах Володьки были зависть и боль. Его родные жили в Новороссийске, занятом фашистами. И у него не было никаких фотографий.

Вопросы и задания.

1. Как ты думаешь, почему до сих пор, спустя более 600 лет, наш народ помнит о героях Куликовской битвы? О каких знаменитых битвах в прошлом ты ещё слышал или читал? Расскажи об одной из них.

2. Знаешь ли ты, когда была Великая Отечественная война? Есть ли в твоей семье участники войны? Что они рассказывали тебе о трудных военных годах?

3. Что общего в судьбах девочки из рассказа Я. Тайца «Приказ» и мальчика из рассказа А. Приставкина «Портрет отца»?

4. Вспомни основное содержание рассказа «Портрет отца» и ответь, почему мальчик был согласен отдать другу всё, что у него было, за портрет своего отца. А как бы ты поступил на его месте?

ИЗ ДЕТСКИХ ЖУРНАЛОВ «ЁЖ» И «ЧИЖ».

ДАНИИЛ ХАРМС
(ДАНИИЛ ИВАНОВИЧ ЮВАЧЁВ).

Игра.

Бегал Петька по дороге,
по дороге,
по панели,
бегал Петька
по панели
и кричал он:
— Га-ра-рар!
Я теперь уже не Петька,
разойдитесь!
Разойдитесь!
Я теперь уже не Петька,
я теперь автомобиль.
А за Петькой бегал Васька
по дороге,
по панели,
бегал Васька

по панели
и кричал он:
— Ду-ду-ду!
Я теперь уже не Васька,
сторонитесь!
Сторонитесь!
Я теперь уже не Васька,
я почтовый пароход.
А за Васькой бегал Мишка
по дороге,
по панели,
бегал Мишка
по панели
и кричал он:
— Жу-жу-жу!
Я теперь уже не Мишка,
берегитесь!
Берегитесь!
Я теперь уже не Мишка,
я советский самолёт.
Шла корова по дороге,
по дороге,
по панели,
шла корова
по панели
и мычала:
— Му-му-му!
Настоящая корова
с настоящими
рогами,

шла навстречу по дороге,
всю дорогу заняла.
— Эй, корова,
ты, корова,
не ходи сюда, корова,
не ходи ты по дороге,
не ходи ты по пути.
— Берегитесь! — крикнул Мишка.
— Сторонитесь! — крикнул Васька.
— Разойдитесь! — крикнул Петька,
и корова отошла.
Добежали,
добежали
до скамейки
у ворот
пароход
с автомобилем
и советский
самолёт,
самолёт
с автомобилем
и почтовый
пароход.
Петька прыгнул на скамейку,
Васька прыгнул на скамейку,
Мишка прыгнул на скамейку,
на скамейку у ворот.
— Я приехал! — крикнул Петька.
— Стал на якорь! — крикнул Васька.
— Сел на землю! — крикнул Мишка.

И уселись отдохнуть.
Посидели,
посидели
на скамейке
у ворот
самолёт
с автомобилем
и почтовый
пароход,
пароход с автомобилем
и советский
самолёт.
— Кроем дальше! — крикнул Петька.
— Поплывём! — ответил Васька.
— Полетим! — воскликнул Мишка.
И поехали опять.
И поехали,
помчались
по дороге,
по панели,
только прыгали, скакали
и кричали:
— Жу-жу-жу!
Только прыгали, скакали
по дороге,
по панели,
только пятками сверкали
и кричали:
— Ду-ду-ду!
Только пятками сверкали

по дороге,
по панели,
только шапками кидали
и кричали:
— Га-ра-рар!

Сейчас вы прочтёте ещё одно стихотворение Д. Хармса. Подумайте, о чём оно. Какое название к нему подходит: «Фантазёр», «Выдумщик», «Врун», «Затейник», «Сочинитель»?

* * *

— Вы знаете?
Вы знаете?
Вы знаете?
Вы знаете?
Ну, конечно, знаете!
Вы всё, конечно, знаете!
Несомненно,
Несомненно,
Несомненно знаете!

— Нет! Нет! Нет! Нет!
Мы не знаем ничего,
Не слыхали ничего,
Не слыхали, не видали
И не знаем
Ничего!

— А вы знаете, что У?
А вы знаете, что Па?
А вы знаете, что Пы?
Что у папы моего
Было сорок сыновей?
Было сорок здоровенных—
И не двадцать,
И не тридцать,
Ровно сорок сыновей!

— Ну! Ну! Ну! Ну!
Врёшь! Врёшь! Врёшь! Врёшь!

Ещё двадцать,
Ещё тридцать,
Ну, ещё туда-сюда,
А уж сорок,
Ровно сорок —
Это просто ерунда!

— А вы знаете, что СО?
А вы знаете, что БА?
А вы знаете, что КИ?
Что собаки-пустолайки
Научилися летать?
Научились, точно птицы,—
Не как звери,
Не как рыбы,—
Точно ястребы летать!

— Ну! Ну! Ну! Ну!
Врёшь! Врёшь! Врёшь! Врёшь!

Ну, как звери,
Ну, как рыбы,
Ну, ещё туда-сюда,
А как ястребы,
Как птицы —
Это просто ерунда!

— А вы знаете, что НА?
А вы знаете, что НЕ?
А вы знаете, что БЕ?
Что на небе
Вместо солнца
Скоро будет колесо?
Скоро будет золотое —
Не тарелка,
Не лепёшка,—
А большое колесо!

— Ну! Ну! Ну! Ну!
Врёшь! Врёшь! Врёшь! Врёшь!

Ну, тарелка,
Ну, лепёшка,
Ну, ещё туда-сюда,
А уж если колесо —
Это просто ерунда!

— А вы знаете, что ПОД?
А вы знаете, что МО?
А вы знаете, что РЕМ?

Что под морем-океаном
Часовой стоит с ружьём?

— Ну! Ну! Ну! Ну!
Врёшь! Врёшь! Врёшь! Врёшь!

Ну, с дубиной,
Ну, с метёлкой,
Ну, ещё туда-сюда,
А с заряженным ружьём —
Это просто ерунда!

— А вы знаете, что ДО?
А вы знаете, что НО?
А вы знаете, что СА?
Что до носа
Ни руками,
Ни ногами
Не достать.
Что до носа
Ни руками,
Ни ногами
Не доехать,
Не допрыгать,
Что до носа
Не достать!

— Ну! Ну! Ну! Ну!
Врёшь! Врёшь! Врёшь! Врёшь!

Ну, доехать,
Ну, допрыгать,
Ну, ещё туда-сюда,
А достать его руками—
Это
Просто
Ерунда!

Что это было?

Я шёл зимою вдоль болота
в галошах, в шляпе и в очках.
Вдруг по реке пронёсся кто-то
на металлических крючках.

Я побежал скорее к речке,
а он бегом пустился в лес,
к ногам приделал две дощечки, присел,
подпрыгнул и исчез.

И долго я стоял у речки,
и долго думал, сняв очки:
«Какие странные
дощечки
и непонятные крючки!»

Очень-очень вкусный пирог.

Я захотел устроить бал,
И я гостей к себе . . . .

Купил муку, купил творóг,
Испёк рассыпчатый . . . .

Пирог, ножи и вилки тут —
Но что-то гости не . . . .

Я ждал, пока хватило сил,
Потом кусочек . . . .

Потом подвинул стул и сел
И весь пирог в минуту . . . .

Когда же гости подошли,
То даже крошек не . . . .

(Н. Гернет, Д. Хармс.)

Весёлые чижи.

Песня.

(Посвящается 6-му ленинградскому детдому.)

Жили в квартире
Сорок четыре,
Сорок четыре весёлых чижа:

Чиж — судомойка,
Чиж — поломойка,
Чиж — огородник,
Чиж — водовоз,
Чиж — за хозяйку,
Чиж — за кухарку,
Чиж — на посылках,
Чиж — трубочист.

Печку топили,
Кашу варили
Сорок четыре
весёлых чижа:

Чиж — с поварёшкой,
Чиж — с кочерёжкой,
Чиж — с коромыслом,
Чиж — с решетом,
Чиж накрывает,
Чиж созывает,
Чиж разливает,
Чиж раздаёт.

Кончив работу,
Шли на охоту
Сорок четыре весёлых чижа:
Чиж — на медведя,
Чиж — на лисицу,
Чиж — на тетёрку,
Чиж — на ежа,
Чиж — на индюшку,
Чиж — на кукушку,
Чиж — на лягушку,
Чиж — на ужа.

После охоты
Брались за ноты
Сорок четыре весёлых чижа.
Дружно играли:
Чиж — на рояле,
Чиж — на цимбале,
Чиж — на трубе,
Чиж — на тромбоне,
Чиж — на гармони,

Чиж — на гребёнке,
Чиж — на губе!

Ездили всем домом
К зябликам знакомым
Сорок четыре весёлых чижа:
Чиж — на трамвае,
Чиж — на моторе,
Чиж — на телеге,
Чиж — на возу,
Чиж — в таратайке,
Чиж — на запятках,
Чиж — на оглобле,
Чиж — на дуге!

Спать захотели,
Стелют постели
Сорок четыре весёлых чижа:
Чиж — на кровати,
Чиж — на диване,
Чиж — на корзине,
Чиж — на скамье,
Чиж — на коробке,
Чиж — на катушке,
Чиж — на бумажке,
Чиж — на полу.

Лёжа в постели,
Дружно свистели
Сорок четыре весёлых чижа:

Чиж — трити-тити,
Чиж — тирли-тирли,
Чиж — дили-дили,
Чиж — ти-ти-ти,
Чиж — тики-тики,
Чиж — тики-рики,
Чиж — тюти-люти,
Чиж — тю-тю-тю.

(Д. Хармс, С. Маршак.)

ЮРИЙ ДМИТРИЕВИЧ ВЛАДИМИРОВ.

Чудаки.

Я послал на базар чудаков,
Дал чудакам пятаков,
Один пятак на кушак,
Другой пятак на колпак,
А третий пятак так.

По пути на базар чудаки
Перепутали все пятаки,
Который пятак на кушак,
Который пятак на колпак,
А который пятак так.

Только ночью пришли чудаки,
Принесли мне назад пятаки.

— Извините, но с нами беда:
Мы забыли — который куда.
Который пятак на кушак,
Который пятак на колпак,
А который пятак так.

АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ ВВЕДЕНСКИЙ.

Учёный Петя.

Вот сидит пред вами Петя,
Он умнее всех на свете,
Всё он знает,
Понимает,
Всё другим он объясняет.

Подходили дети к Пете,
Говорили с Петей дети.
— Петя, Петя, ты учёный,—
Говорят они ему.—
Облетает лист зелёный,
Объясни нам, почему?

И ответил
Петя:
— Дети!
Хорошо,
Я объясню.

Лист зелёный облетает,
По траве сухой шуршит,
Потому что он плохими
К ветке нитками пришит.

Услыхали это дети
И сказали:
— Что ты, Петя,
Неужели в самом деле,
В САМОМ ДЕЛЕ
ЭТО ТАК?

И опять сказали дети:
— Если ты всё знаешь, Петя,
Если ты умнее всех —
Расскажи-ка нам про снег.

Не поймём — зачем зимою
Снег на улице валит
И над белою землёю
Больше зяблик не летит?

И ответил
Петя:
— Дети!
Ладно, ладно,
Расскажу.

Знаю очень хорошо:
Снег — зубной порошок,

Но особый, интересный,
Не земной, а небесный.
Зяблик больше не летает,
Как известно, оттого:
Крылья к туче примерзают,
Примерзают у него.

Услыхали это дети,
Удивились:
— Что ты, Петя,
Неужели
В самом деле,
В САМОМ ДЕЛЕ
ОТТОГО?

И тогда сказали дети:
— Хороши ответы эти,
Но ответить на вопросы
Мы ещё тебя попросим:
Видишь, стали дни короче
И длиннее стали ночи?
Почему, ответь потом,
Вся река покрыта льдом?

И ответил
Петя:
— Дети!
Так и быть уж,
Объясню.

Рыбы в речке строят дом
Для своих детишек
И покрыли речку льдом —
Он им вроде крыши.
Оттого длиннее ночи,
Оттого короче дни,
Что мы стали рано очень
Зажигать в домах огни.

Услыхали это дети,
Засмеялись:
— Что ты, Петя.
Неужели в самом деле,
В САМОМ ДЕЛЕ
ОТТОГО?

Как вы думаете, дети:
А не врёт ли
Этот Петя?

Лошадка.

Жила-была лошадка,
Жила-была лошадка,
Жила-была лошадка,
А у лошадки хвост,
Коричневые ушки,
Коричневые ножки.
Вот вышли две старушки,
Похлопали в ладошки,
Похлопали в ладошки,

Закладывали дрожки,
Закладывали дрожки
И мчались по дорожке.
Бежит, бежит лошадка
По улице по гладкой,
Вдруг перед нею столбик,
На столбике плакат:
СТРОЖАЙШЕ ВОСПРЕЩАЕТСЯ
ПО УЛИЦЕ ПРОХОД.
НА ДНЯХ ПРЕДПОЛАГАЕТСЯ
ЧИНИТЬ ВОДОПРОВОД.
Лошадка увидала,
Подумала и встала
И дальше не бежит,
Стоит и не бежит.
Старушки рассердились,
Старушки говорят:
«Мы что ж остановились?» —
Старушки говорят.
Лошадка повернулась,
Тележка подскочила,
Старушка посмотрела,
Подружке говорит:
«Вот это так лошадка,
Прекрасная лошадка,
Она читать умеет
Плакаты на столбах».
Лошадку похвалили,
Купили ей сухарь,
А после подарили
Тетрадку и букварь.

Вопросы и задания.

1. Знаешь ли ты, почему так названы журналы, которые читали твоя бабушка и дедушка — «Чиж» и «Ёж»? Могли ли эти названия что-нибудь ещё обозначать?

Оказывается, да. «Чиж» — «чрезвычайно интересный журнал». «Ёж» — «ежемесячный журнал». Какие ты сейчас читаешь журналы? За что ты их любишь?

2. Можно ли отнести к небылицам «Путаницу» К. Чуковского и стихотворение Д. Хармса «Вы знаете?»? В какой ряд слов ты включил бы слово «небылица»: *неправда, ложь, обман, враньё; небывальщина, сказка, фантазия, побасенка?*

3. Нашёл ли ты для себя в этом разделе стихи, которые захотелось бы выучить наизусть? Что ты впишешь в свою тетрадь по чтению?

4. Обрати внимание на посвящение (слова, которые стоят после названия, перед текстом к стихотворению «Весёлые чижи»). Как ты думаешь, почему авторы написали это произведение?

5. Кто из поэтов помог тебе в обычном увидеть необычное? Чем именно?

6. Какая из пословиц больше всего подходит к прочитанным в разделе «Из детских журналов «Ёж» и «Чиж» произведениям:

Не хвались сам, а жди, когда люди похвалят.

Умел ошибиться, умей и поправиться.

Ума палата, а ключ от неё потерян.

В пустой бочке звону много.

7. Если бы ты с друзьями решил издать книжку стихов для детей, то какие из прочитанных стихотворений включил бы в неё? Объединил ли бы ты стихи Д. Хармса со стихами С. Есенина и А. Твардовского в одну книгу или сделал бы две книги с разными названиями? Объясни свой выбор.

НАРОДНЫЕ СКАЗКИ

Колосок.

(Украинская сказка.)

Жили-были два мышонка, Круть и Верть, да петушок Голосистое горлышко. Мышата только и знали, что пели да плясали, крутились да вертелись. А петушок чуть свет поднимался, сперва всех песней будил, а потом принимался за работу.

Вот однажды подметал петушок двор и видит на земле пшеничный колосок.

— Круть, Верть,— позвал петушок,— глядите, что я нашёл!

Прибежали мышата и говорят:

— Нужно его обмолотить.

— А кто будет молотить? — спросил петушок.

— Только не я! — закричал один.

— Только не я! — закричал другой.

— Ладно, — сказал петушок, — я обмолочу. И принялся за работу.

А мышата стали играть в лапту. Кончил петушок молотить и крикнул:

— Эй, Круть, эй, Верть, глядите, сколько я зерна намолотил!

Прибежали мышата и запищали в один голос:

— Теперь нужно зерно на мельницу нести, муки намолоть!

— А кто понесёт? — спросил петушок.

— Только не я! — закричал Круть.

— Только не я! — закричал Верть.

— Ладно, — сказал петушок, — я снесу зерно на мельницу.

Взвалил себе на плечи мешок и пошёл.

А мышата тем временем затеяли чехарду. Друг через друга прыгают, веселятся.

Вернулся петушок с мельницы, опять зовёт мышат:

— Сюда, Круть, сюда, Верть. Я муку принёс.

Прибежали мышата, смотрят, не нахвалятся: «Ай да петушок! Ай да молодец! Теперь нужно тесто замесить да пироги печь».

— Кто будет месить? — спросил петушок. А мышата опять своё:

— Только не я! — запищал Круть.

— Только не я! — запищал Верть.

Подумал, подумал петушок и говорит:

— Видно, мне придётся.

Замесил он тесто, натаскал дров, затопил печь. А как печь истопилась, посадил в неё пироги.

Мышата тоже времени не теряют: песни поют, пляшут.

Испеклись пироги, петушок их вынул, выложил на стол, а мышата тут как тут. И звать их не пришлось.

— Ох, и проголодался я! — пищит Круть.

— Ох, и есть хочется! — пищит Верть.

Скорее сели за стол.

А петушок говорит:

— Подождите, подождите! Вы мне сперва скажите: кто нашёл колосок?

— Ты нашёл! — громко закричали мышата.

— А кто колосок обмолотил? — снова спросил петушок.

— Ты обмолотил! — потише сказали оба.

— А кто зерно на мельницу носил?

— Тоже ты, — совсем тихо ответили Круть и Верть.

— А тесто кто месил? Дрова носил? Печь топил? Пироги кто пёк?

— Всё ты. Всё ты, — чуть слышно пропищали мышата.

— А вы что делали?

Что сказать в ответ? И сказать нечего.

Стали Круть и Верть вылезать из-за стола, а петушок их не удерживает.

Не за что таких лодырей и лентяев пирогами угощать!

Доплясались, что без хлеба остались.

Чему было начало, тому будет и конец.

Вы, братцы, помолотите, а мы поедим.

Где щи, тут и нас ищи.

Дело веди, а безделье гони.

Ныне гуляшки, завтра гуляшки —
находишься без рубашки.

Лёгкий хлеб.

(Белорусская сказка.)

Косил мужик траву на лугу. Уморился и сел под кустом отдохнуть. Достал узелок, развязал и принялся за еду.

Выходит из лесу голодный волк. Видит — мужик под кустом сидит и что-то ест.

Подошёл к нему волк, спрашивает:

— Ты что ешь?

— Хлеб, — отвечает мужик.

— А вкусный он?

— Страсть какой вкусный!

— Дай мне попробовать.

— Милости прошу.

Отломил мужик кусок хлеба и дал волку. Понравился волку хлеб. Он и говорит:

— Хотел бы я каждый день есть хлеб, только где его доставать? Посоветуй!

— Ладно,— говорит мужик,— научу тебя, где и как хлеб доставать.

И начал он учить волка:

— Перво-наперво надо землю вспахать...

— Тогда и хлеб будет?

— Нет, брат, погоди. Потом надо землю забороновать...

— И можно хлеб есть?— обрадовался волк и хвостом замахал.

— Ишь ты какой скорый! Сначала надо рожь посеять.

— Тогда будет хлеб?— облизнулся волк.

— Нет ещё! Дождись, покуда рожь взойдёт, холодную зиму перезимует, весной вырастет, потом заколосится, потом начнёт зерном наливаться, потом зреть...

— Ох,— вздохнул волк,— уж больно долго ждать надо! Ну а когда созреет зерно, тогда-то я наемся хлеба вволю?

— Где там наешься!— говорит мужик.— Раненько ещё! Сначала спелую рожь надо сжать, потом в снопы связать, а уж снопы в крестцы поставить. Ветер их провеет, солнышко просушит, вот тогда вези на ток.

— И есть хлеб буду?

— Какой нетерпеливый! Первым делом

надо снопы обмолотить, зерно в мешки собрать, на мельницу отвезти да муки намолоть...

— И всё?

— Нет, не всё. Из муки надо тесто замесить и ждать, покуда тесто взойдёт. Тогда в горячую печь сажать.

— И спечётся хлеб?

— Ага, спечётся. Вот тогда и наешься вволю,— закончил мужик.

Задумался волк, почесал затылок и говорит:

— Нет! Эта работа не по мне — и долго, и хлопотно, и трудно. Ты лучше посоветуй, как лёгкий хлеб добывать.

— Ну что ж,— говорит мужик,— если не хочешь трудный хлеб есть, ешь лёгкий. Иди на выгон, там конь пасётся.

Пошёл волк на выгон. Увидел коня:

— Конь, конь, я тебя съем!

— Что ж,— говорит конь,— ешь. Но сначала сдери с моих ног подковы, чтоб не поломать об них зубы.

— И то правда,— согласился волк.

Пригнулся он подковы сдирать, а конь как лягнёт его копытом!

Перекувырнулся волк — да ходу.

Прибежал к реке. Видит — гуси пасутся. «Не съесть ли мне их?» — думает волк. Потом говорит:

— Гуси, гуси, я вас съем!

— Что ж,— отвечают гуси,— ешь. Только сначала окажи нам услугу.

— Какую? — спрашивает волк.

— Спой нам песню, а мы послушаем.

— Это можно! Песни петь я мастер.

Сел волк на кочку, задрал голову и начал выть. А гуси порх-порх крыльями — с места снялись и улетели.

Слез волк с кочки, поглядел им вслед и пошёл дальше ни с чем.

Идёт, ругает себя: «Ну не дурень ли я, а? И зачем только я взялся петь гусям! Ну уж теперь кого ни встречу — съем!»

Пошёл волк дальше.

Шёл он, шёл, смотрит — овцы на лугу пасутся, а пастух спит. Высмотрел волк самого крупного барашка, схватил его и говорит:

— Баран, баран, я тебя съем!

— Что ж,— говорит баран,— видно, такая моя доля. Становись-ка в ту лощинку да разинь пасть пошире. А я взбегу на пригорок, разгонюсь и сам вскочу тебе в рот.

— Спасибо за совет,— сказал волк,— так и сделаем.

Стал он в лощинку, разинул пасть и ждёт. А баран взбежал на пригорок, разогнался да трах волка рогами! У того аж искры из глаз посыпались. Очухался волк, покрутил головой и говорит:

— Не пойму: съел я его или нет?

А в это время тот самый мужичок с косьбы домой возвращался.

Услышал он волковы слова и говорит:

— Съесть ты его не съел, а лёгкого хлеба отведал.

Горька порой работа, да хлеб сладок.

Не трудиться, так хлеба не добиться.

Айога.

(Нанайская сказка.)

В роду Самар жил один нанаец — Ла. Была у него дочка, Айога. Красивая девочка. Все её любили. И все говорили, что красивее дочки Ла никого нет — ни в этом, ни в каком другом стойбище. Айога загордилась. Стала разглядывать себя. И понравилась сама себе. Смотрит — не может оторваться. Глядит — не наглядится. То в медный таз начищенный смотрится, то на своё отражение в воде.

Совсем ленивая стала Айога. Всё любуется собой.

Вот однажды говорит ей мать:

— Принеси воды, дочка!

Айога отвечает:

— Я в воду упаду.

— А ты за куст держись, — говорит ей мать.

— Куст оборвётся,— говорит Айога.

— А ты за крепкий куст возьмись.

— Руки поцарапаю...

Говорит Айоге мать:

— Рукавицы надень.

— Изорвутся,— говорит Айога. А сама всё в медный таз смотрится — какая она красивая!

— Так зашей рукавицы иголкой.

— Иголка сломается.

— Возьми толстую иголку,— говорит отец.

— Палец уколю,— отвечает дочка.

— Напёрсток возьми...

— Напёрсток прорвётся.

Тут соседская девочка говорит матери Айоги:

— Давай за водой схожу, мать!

Пошла девочка на реку и принесла воды, сколько надо.

Замесила мать тесто. Сделала лепёшки. На раскалённом очаге испекла. Увидела Айога лепёшки, кричит:

— Дай мне лепёшку, мать!

— Горячая она, руки обожжёшь,— отвечает мать.

— А я рукавицы надену,— говорит Айога.

— Рукавицы мокрые...

— Я их на солнце высушу...

— Покоробятся они,— отвечает мать.

— Я их мялкой разомну.

— Руки заболят,— отвечает мать.— Зачем тебе, дочка, трудиться, красоту свою портить?

Лучше я лепёшку той девочке отдам, которая рук своих не жалеет.

Взяла мать лепёшку и отдала соседской девочке.

Рассердилась Айога. Пошла на речку. Смотрит на своё отражение в воде. А соседская девочка сидит на берегу, лепёшку жуёт. Потекли слюнки у Айоги. Стала она на ту девочку оглядываться. Шея у неё вытянулась — длинная стала.

Говорит девочка Айоге:

— Возьми лепёшку, Айога, мне не жалко.

Разозлилась Айога на девочку. Зашипела. Замахала руками, пальцы растопырила, побелела вся от злости. Так замахала руками, что руки в крылья превратились.

— Не надо мне ничего-го-го! — кричит.

Не удержалась на берегу. Бултыхнулась в воду Айога и обратилась в гуся.

Плавает и кричит:

— Ах, какая я красивая! Го-го-го-го! Ах, какая я красивая...

Плавала, плавала, пока по-нанайски говорить не разучилась. Все слова забыла. Только имя своё не забыла, чтобы с кем-нибудь её, красавицу, не спутали.

Кричит, чуть людей завидит:

— Айо-га-га-га! Айо-га-га-га!

Личиком белёнек, да душой чернёнек.

Не тот хорош, кто лицом пригож,
а тот хорош, кто на дело гож.

Не всё то золото, что блестит.

Три дочери.

(Татарская сказка.)

Жила-была женщина. День и ночь работала, чтобы накормить и одеть трёх своих дочерей. И выросли три дочери, быстрые, как ласточки, лицом похожие на светлую луну.

Одна за одной вышли замуж и уехали.

Прошло несколько лет. Тяжело заболела старуха мать, и посылает она к своим дочерям рыжую белочку.

— Скажи им, дружок, чтобы ко мне поспешили.

— Ой,— вздохнула старшая, услышав от белочки печальную весть.— Ой! Я бы рада пойти, да мне надо сначала почистить эти два таза.

— Почистить два таза?— рассердилась белочка.— Так будь же ты с ними вовек неразлучна!

И тазы вдруг вскочили со стола и обхватили старшую дочь сверху и снизу. Она упала на пол и уползла из дома большой черепахой.

Постучалась белочка ко второй дочери.

— Ой,— отвечала та.— Я сейчас побежала бы к матери, да очень занята: надо мне к ярмарке холста наткать.

— Ну и тки теперь всю жизнь, никогда не останавливаясь!— сказала белочка.

И вторая дочь превратилась в паука.

А младшая месила тесто, когда белочка постучала к ней. Дочь не сказала ни слова, даже не обтёрла рук, побежала к своей матери.

— Приноси же ты всегда людям радость, моё дорогое дитя,— сказала ей белочка,— и люди будут беречь и любить тебя, и детей твоих, и внуков, и правнуков.

И правда, третья дочь жила много лет, и все её любили. А когда пришла пора ей умереть, она превратилась в золотую пчёлку.

Всё лето день-деньской собирает пчёлка мёд людям... А зимою, когда всё вокруг гибнет от холода, пчёлка спит в тёплом улье, а проснётся — ест только мёд и сахар.

Всем хороша, да душа коротенькая.

Худое худым и кончается.

Сгубить легко, да душе каково.

В ком стыд, в том и совесть.

Совесть без зубов, а загрызёт.

Как ни мудри, а совести
не перемудришь.

С совестью не разминуться.

Белый медведь и бурый медведь.

(Ненецкая сказка.)

Однажды лесной бурый медведь пошёл на север, к морю. В это время морской белый медведь пошёл по льду на юг, к земле. У самого бе-

рега моря они встретились. У белого медведя шерсть стала дыбом. Он сказал:

— Ты что это, бурый, по моей земле ходишь?

Бурый ответил:

— Когда она у тебя была, земля-то? Твоё место в море! Твоя земля — льдина!

Они схватились, и началась борьба. Но не одолели один другого. Первым заговорил бурый:

— Ты, белый, оказывается, сильнее. Но я — ловчее, увертливее. Поэтому никто из нас верха не возьмёт. Да и что нам делить? Ведь мы с тобой братья.

Белый медведь сказал:

— Верно, мы братья. И делить нам нéчего.

Лесной медведь сказал:

— Да, мои леса огромны. Мне нечего делать в твоих льдах.

Морской медведь сказал:

— А мне нечего делать в твоих лесах.

С тех пор хозяин леса живёт в лесу, хозяин моря живёт в море. И никто друг другу не мешает.

Вопросы и задания.

1. Какая из пословиц больше всего подходит к прочитанным сказкам:

За дело не мы, за работу не мы, а поесть, поплясать против нас не сыскать.

Снаружи ягодка красива, да внутри слишком кисла.

Добрый скорее дело делает, чем сердитый.

В ком добра нет, в том и правды мало.

Сей добро, посылай добро, жни добро, оделяй добром.

2. Помнишь присказку: «Сказка — ложь, да в ней намёк, добрым молодцам урок»? Над чем тебя заставили задуматься прочитанные сказки?

3. Что больше всего ценит в человеке народ? Можно ли найти ответ на этот вопрос в прочитанных сказках?

4. Как ты понял сказку «Лёгкий хлеб»? В чём заключается её основная мысль?

Мы часто говорим: *вкусный хлеб, мягкий хлеб, сладкий хлеб.*

А когда можно сказать — *трудный хлеб?* Может быть, ты знаешь стихи, рассказы о хлебе? Запиши их в свою тетрадь по чтению.

Литература
народов
мира

Храбрецы.

(Английская народная песенка.)

Наши-то портные
Храбрые какие:

Не боимся мы зверей,—
Ни волков, ни медведей!

А как вышли за калитку
Да увидели улитку —

Испугалися,
Разбежалися!

Вот они какие,
Храбрые портные!

(Перевёл К. И. Чуковский.)

Перчатки.

Потеряли котятки
На дороге перчатки
И в слезах прибежали домой.

— Мама, мама, прости,
Мы не можем найти,
Мы не можем найти
Перчатки!

— Потеряли перчатки?
Вот дурные котятки!
Я вам нынче не дам пирога.

Мяу-мяу, не дам,
Мяу-мяу, не дам,
Я вам нынче не дам пирога!

Побежали котятки,
Отыскали перчатки
И, смеясь, прибежали домой.

— Мама, мама, не злись,
Потому что нашлись,

Потому что нашлись
Перчатки!

— Отыскали перчатки?
Вот спасибо, котятки!
Я за это вам дам пирога,

Мур-мур-мур, пирога,
Мур-мур-мур, пирога,
Я за это вам дам пирога!

(Перевёл С. Я. Маршак.)

Знают мамы, знают дети.

(Немецкая народная песенка.)

Знают мамы,
Знают дети,
Знают взрослый и малыш:
На безногом табурете
Ни за что не усидишь,
Без колёс не сдвинешь воза,
Хоть впряги в него коня,
Не спасёшься от мороза,
Если в печке нет огня,
От иголки мало толка,
Если без ушка иголка.
Так и руки без труда
Не годятся никуда.

(Перевёл В. Викторов.)

Сюзон и мотылёк.

(Французская народная песенка.)

Сюзон шагала в школу,
А путь был недалёк.

Над нею закружился
Красивый мотылёк.

Над нею закружился
Красивый мотылёк.

Она ему сказала:
— Дай лапку, мой дружок! —

Она ему сказала:
— Дай лапку, мой дружок!

Храбрецы.

(Английская
народная песенка.)

Наши-то портные
Храбрые какие:

Не боимся мы зверей,—
Ни волков, ни медведей!

А как вышли за калитку
Да увидели улитку —

Кот в сапогах.

Было у мельника три сына, и оставил он им, умирая, всего мельницу, осла и кота.

Братья поделили между собой отцовское добро без нотариуса и судьи, которые бы живо проглотили всё их небогатое наследство. Стар-

шему досталась мельница. Среднему — осёл. Ну, а уж младшему пришлось взять себе кота.

Бедняга долго не мог утешиться, получив такую жалкую долю наследства.

— Братья могут честно заработать себе на хлеб,— говорил он.— А что станется со мной после того, как я съем своего кота и сделаю из его шкурки муфту? Прямо хоть помирай с голоду.

Кот услышал эти слова, но виду не подал, а сказал спокойно и рассудительно:

— Не печальтесь, хозяин. Дайте-ка мне мешок да закажите пару сапог, чтобы легче было бродить по лесу, и вы увидите, что вас не так уж обделили, как вам это сейчас кажется.

Хозяин кота и сам не знал, верить этому или нет, но он хорошо помнил, на какие хитрости пускался этот плут, когда охотился на крыс и мышей, как ловко он прикидывался мёртвым, то повиснув на задних лапках, то зарывшись чуть ли не с головой в муку. Кто его знает, а вдруг и в самом деле он чем-нибудь поможет в беде!

Едва только кот получил всё, что ему было надобно, он живо обулся, молодецки притопнул, перекинул через плечо мешок и, придерживая его за шнурки передними лапами, зашагал в заповедный лес, где водилось множество кроликов. А в мешке у него были отруби и заячья капуста.

Растянувшись на траве и притворившись мёртвым, он стал поджидать, когда какой-нибудь глупый кролик, ещё не успевший испытать на собственной шкуре, как зол и коварен свет, заберётся в мешок, чтобы полакомиться припасённым для него угощением.

Долго ждать ему не пришлось: какой-то молоденький, доверчивый простачок-кролик сразу же прыгнул в мешок.

Недолго думая, кот затянул шнурки и покончил с кроликом безо всякого милосердия.

После этого, гордый своей добычей, он отправился прямо во дворец и попросил приёма у короля.

Его ввели в королевские покои.

Кот отвесил его величеству почтительный поклон и сказал:

— Государь, вот кролик из лесов маркиза де Карабаса (такое имя выдумал он для своего хозяина). Мой господин приказал мне преподнести вам этот скромный подарок.

— Поблагодари своего господина,— ответил король,— и скажи ему, что он доставил мне большое удовольствие.

Несколько дней спустя кот пошёл на поле и там, спрятавшись среди колосьев, опять открыл свой мешок.

На этот раз к нему в ловушку попались две куропатки. Он живо затянул шнурки на мешке и понёс обеих к королю.

Король охотно принял и этот подарок и приказал наградить кота.

Так прошло два или три месяца. Кот то и дело приносил королю дичь, будто бы убитую на охоте его хозяином, маркизом де Карабасом.

И вот как-то раз кот узнал, что король вместе со своей дочкой, самой прекрасной принцессой на свете, собирается совершить прогулку в карете по берегу реки.

— Согласны вы послушаться моего совета? — спросил он своего хозяина.— В таком случае счастье у вас в руках. Всё, что от вас требуется,— это пойти купаться на реку, туда, куда я вам укажу. Остальное предоставьте мне.

Маркиз де Карабас послушно исполнил всё, что посоветовал ему кот, хоть он вовсе и не догадывался, для чего это нужно.

В то время как он купался, королевская карета выехала на берег реки.

Кот со всех ног бросился к ней и закричал что было мочи:

— Сюда, сюда! Помогите! Маркиз де Карабас тонет!

Король услыхал этот крик, приоткрыл дверцу кареты и, узнав кота, который столько раз приносил ему в подарок дичь, сейчас же послал своих слуг выручать маркиза де Карабаса.

Пока бедного маркиза вытаскивали из воды, кот успел рассказать королю, что у его господина во время купания воры украли всё до нитки.

(А на самом деле хитрец собственными лапами припрятал хозяйское платье под большим камнем.)

Король немедленно приказал своим придворным доставить для маркиза де Карабаса один из лучших нарядов королевского гардероба.

Наряд оказался и впору и к лицу, а так как маркиз и без того был малый хоть куда — красивый и статный, то, приодевшись, он, конечно, стал ещё лучше, и принцесса, поглядев на него, нашла, что он как раз в её вкусе.

Когда же маркиз де Карабас бросил в сторону королевской дочки два-три взгляда, весьма почтительных, но в то же время очень нежных, она влюбилась в него без памяти.

Отцу её молодой маркиз тоже пришёлся по сердцу. Король был с ним очень ласков и даже пригласил сесть в карету и принять участие в прогулке.

Кот был в восторге от того, что всё идёт как по маслу, и весело побежал перед каретой. По пути он увидел крестьян, косивших на лугу сено.

— Эй, люди добрые,— крикнул он на бегу,— если вы не скажете королю, что этот луг принадлежит маркизу де Карабасу, вас всех изрубят на куски, словно начинку для пирога! Так и знайте.

Тут как раз подъехала королевская карета, и король спросил, выглянув из окна:

— Чей это луг вы косите?

— Маркиза де Карабаса! — в один голос отвечали косцы, потому что кот до смерти напугал их своими угрозами.

— Однако, маркиз, у вас тут славное именье! — сказал король.

— Да, государь, этот луг каждый год даёт отличное сено, — скромно ответил маркиз.

А между тем кот бежал всё вперёд и вперёд, пока не увидел жнецов, работающих на поле.

— Эй, добрые люди, — крикнул он, — если вы не скажете королю, что все эти хлеба принадлежат маркизу де Карабасу, так и знайте: всех вас изрубят на куски, словно начинку для пирога!

Через минуту к жнецам подъехал король и захотел узнать, чьи это поля они жнут.

— Поля маркиза де Карабаса, — был ответ.

И король опять порадовался за господина маркиза.

А кот всё бежал и бежал впереди кареты и всем, кто попадался ему навстречу, приказывал говорить одно и то же: это дом маркиза де Карабаса, это мельница маркиза де Карабаса, это сад маркиза де Карабаса.

Король не мог надивиться богатствам молодого маркиза.

И вот наконец кот прибежал к воротам прекрасного замка. Тут жил один очень богатый великан людоед. Никто на свете не видал великана богаче этого. Все земли, по которым проехала королевская карета, были в его владении.

Кот заранее разузнал, что это был за великан, в чём его сила, и попросил допустить его к хозяину. Он, дескать, не может и не хочет пройти мимо, не засвидетельствовав своего почтения.

Людоед принял его со всей учтивостью, на какую способен людоед, и предложил отдохнуть.

— Меня уверяли,— сказал кот,— что вы умеете превращаться в любого зверя. Ну, например, вы будто бы можете превратиться в льва или слона...

— Могу! — рявкнул великан.— И, чтобы доказать это, сейчас же сделаюсь львом. Смотри!

Кот до того испугался, увидев перед собой льва, что в одно мгновение взобрался по водосточной трубе на крышу, хоть это было трудно и даже опасно, потому что в сапогах не так-то просто ходить по гладкой черепице. Только когда великан опять принял свой прежний облик, кот спустился с крыши и признался хозяину, что едва не умер со страху.

— А ещё меня уверяли,— сказал он,— но уж этому-то я никак не могу поверить, что вы будто бы умеете превращаться даже в самых мелких животных. Ну, например, сделаться крысой или мышкой. Должен сказать по правде, что считаю это совершенно невозможным.

— Ах вот как! Невозможным? — переспросил великан.— А ну-ка, погляди!

И в то же мгновение великан превратился в мышь. Мышка проворно забегала по полу, но кот — на то ведь он и кот! — погнался за ней, разом поймал и проглотил.

Тем временем король, проезжая мимо, заметил прекрасный замок и пожелал туда войти.

Кот услыхал, как гремят на подъёмном мосту колёса королевской кареты, и, выбежав навстречу, сказал королю:

— Добро пожаловать в замок маркиза де Карабаса, ваше величество! Милости просим!

— Как, господин маркиз? — воскликнул король. — Этот замок тоже ваш? Нельзя себе представить ничего красивее, чем этот двор и постройки вокруг. Да это прямо дворец! Давайте посмотрим, каков он внутри, если вы не возражаете.

Маркиз подал руку прекрасной принцессе и повёл её вслед за королём, который, как полагается, шёл впереди.

Все втроём они вошли в большую залу, где был приготовлен великолепный ужин. Как раз в этот день людоед пригласил к себе приятелей, но они не посмели явиться, узнав, что в замке гостит король.

Король был очарован достоинствами господина де Карабаса почти так же, как его дочка. А та была от маркиза без ума. Кроме того, его величество не мог, конечно, не оценить прекрас-

ных владений маркиза и, осушив пять-шесть кубков, сказал:

— Если хотите стать моим зятем, господин маркиз, это зависит только от вас. А я — согласен.

Маркиз почтительным поклоном поблагодарил короля за честь, оказанную ему, и в тот же день женился на принцессе.

А кот в сапогах стал знатным вельможей и с тех пор охотится на мышей только изредка — для собственного удовольствия.

(Пересказ с французского Т. Габбе.)

Бременские музыканты.

Много лет тому назад жил на свете мельник. И был у мельника осёл, хороший осёл, умный и сильный.

Долго работал осёл на мельнице, таскал на спине кули с мукой и вот наконец состарился.

Видит хозяин: ослабел осёл, не годится больше для работы,— и выгнал его из дому.

Испугался осёл: «Куда я пойду, куда денусь? Стар я стал и слаб».

А потом подумал: «Пойду-ка я в немецкий город Бремен и стану там городским музыкантом».

Так и сделал. Пошёл в немецкий город Бремен.

Идёт осёл по дороге и кричит по-ослиному. И вдруг видит он: лежит на дороге собака и тяжело дышит.

— Отчего ты так запыхалась, собака? — спрашивает осёл.— Что с тобой?

— Устала,— говорит собака.— Бежала долго, вот и запыхалась.

— Что ж ты так бежала, собака? — спрашивает осёл.

— Ах, осёл,— говорит собака,— пожалей меня. Жила я у охотника, долго жила. По полям и болотам за дичью для него бегала, а теперь стара стала, и задумал мой хозяин меня убить. Вот я и убежала от него, а что дальше делать — не знаю.

— Пойдём со мной в город Бремен,— отвечает ей осёл,— сделаемся там музыкантами. Лаешь ты громко, голос у тебя хороший — ты будешь петь и в барабан бить. А я буду на гитаре играть.

— Что же,— говорит собака,— пойдём.

Пошли они вместе.

Осёл идёт, кричит по-ослиному, собака идёт, лает по-собачьи.

Шли они, шли и вдруг видят: сидит на дороге кот, печальный сидит кот, невесёлый.

— Что ты такой печальный? — спрашивает его осёл.

— Что ты такой невесёлый? — спрашивает собака.

— Ах,— говорит кот,— пожалейте меня, осёл и собака. Жил я у своей хозяйки, долго жил — ловил крыс и мышей. А теперь стар стал, зубы у меня притупились, и захотела моя хозяйка меня в речке утопить. Я и убежал из дому. А что дальше делать — не знаю.

Осёл ему отвечает:

— Пойдём с нами, кот, в город Бремен, станем там уличными музыкантами. Голос у тебя хороший, ты будешь петь и на скрипке играть, собака — петь и на барабане играть, а я — петь и на гитаре играть.

— Что ж,— говорит кот,— пойдём.

Пошли они вместе.

Осёл идёт, кричит по-ослиному, собака идёт, лает по-собачьи, кот идёт, мяукает по-кошачьи.

Шли они, шли. Проходят мимо одного двора и видят: сидит на воротах петух и кричит во всё горло: «Ку-ка-ре-ку!»

— Ты что, петушок, кричишь? — спрашивает его осёл.

— Что с тобой случилось? — спрашивает его собака.

— Может, тебя кто обидел? — спрашивает кот.

— Ах, — говорит петух, — пожалейте вы меня, осёл, собака и кот. Завтра к моим хозяевам гости приедут, и вот собираются мои хозяева зарезать меня и сварить из меня суп. Что мне делать?

Отвечает ему осёл:

— Пойдём с нами, петух, в город Бремен и станем там уличными музыкантами. Голос у тебя хороший, ты будешь петь и на балалайке играть, кот будет петь и на скрипке играть, собака — петь и на барабане играть, а я буду петь и на гитаре играть.

— Что ж, — говорит петух, — пойдём.

Пошли они вместе.

Осёл идёт, кричит по-ослиному, собака идёт, лает по-собачьи, кот идёт, мяукает по-кошачьи, петух идёт, кукарекает.

Шли они, шли, и вот настала ночь. Осёл и собака легли под большим дубом, кот сел на ветку, а петух взлетел на самую верхушку дерева и стал оттуда смотреть по сторонам.

Смотрел, смотрел и увидел: светится невдалеке огонёк.

— Огонёк светится! — кричит петух.

Осёл говорит:

— Надо узнать, что это за огонёк. Может быть, поблизости дом стоит.

Собака говорит:

— Может, в этом доме мясо есть. Я бы поела.

Кот говорит:

— Может, в этом доме молоко есть. Я бы попил.

А петух говорит:

— Может, в этом доме пшено есть. Я бы поклевал.

Встали они и пошли на огонёк.

Вышли на поляну, а на поляне дом стоит, и окошко в нём светится.

Осёл подошёл к дому и заглянул в окошко.

— Что ты там видишь, осёл? — спрашивает его петух.

— Вижу я, — отвечает осёл, — сидят за столом разбойники, едят и пьют.

— Ох, как хочется есть! — сказала собака.

— Ох, как хочется пить! — сказал кот.

— Как бы нам разбойников из дома выгнать? — сказал петух.

Думали они, думали и придумали.

Осёл тихонько поставил передние ноги на подоконник, собака взобралась на спину ослу, кот вскочил на спину собаке, а петух взлетел на голову коту.

И тут они все разом закричали: осёл —

по-ослиному, собака — по-собачьи, кот — по-кошачьи, а петух — закукарекал.

Закричали они и ввалились через окно в комнату.

Испугались разбойники и убежали в лес.

А осёл, собака, кот и петух сели вокруг стола и принялись за еду.

Ели-ели, пили-пили — наелись, напились и спать легли.

Осёл растянулся во дворе на сене, собака улеглась перед дверью, кот свернулся клубком на печи, а петух взобрался на ворота.

Потушили они огонь в доме и заснули.

А разбойники сидят в лесу и смотрят из чащи на свой дом.

Видят: огонь в окошке погас, темно стало.

И послали они одного разбойника посмотреть, что в доме делается. Может, зря они так испугались.

Подошёл разбойник к дому, отворил дверь, зашёл на кухню. Глядь, а на печке два огонька горят.

«Наверно, это угли,— подумал разбойник,— вот я сейчас лучину разожгу».

Ткнул он в огонёк лучинкой, а это был кошачий глаз.

Рассердился кот, вскочил, зафыркал, да как цапнет разбойника лапой, да как зашипит.

Разбойник — в дверь.

А тут его собака за ногу схватила.

Разбойник — во двор.

А тут его осёл копытом лягнул.

Разбойник — в ворота.

А с ворот петух как закричит:

— Кукареку!

Кинулся разбойник со всех ног в лес. Прибежал к своим товарищам и говорит:

— Беда! В нашем доме поселились страшные великаны. Один мне всё лицо копьём исцарапал, другой мне ножом ногу порезал, третий меня по спине дубиной стукнул, а четвёртый закричал мне вслед: «Держи вора!»

— Ох, — сказали разбойники, — надо нам отсюда поскорее уходить.

И ушли разбойники из этого леса навсегда.

А бременские музыканты — осёл, собака, кот и петух — остались жить у них в доме да поживать.

(Пересказ с немецкого А. Введенского.)

Дюймовочка.

Жила одна женщина, и не было у неё детей. А ей очень хотелось маленького ребёночка. Вот пошла она к старой колдунье и сказала:

— Мне очень хочется, чтобы у меня была дочка. Не скажешь ли ты, где мне её взять?

— Почему не сказать? — ответила колдунья. — Вот тебе ячменное зерно. Это зерно не простое, не такое, какие растут на крестьянских полях и которыми кормят кур. Посади ты это зёрнышко в цветочный горшок, а потом увидишь, что будет.

— Спасибо тебе! — сказала женщина и дала колдунье двенадцать грошей.

Потом она пошла домой и посадила ячменное зёрнышко в цветочный горшок. Только она его посадила, зёрнышко сразу дало росток, а из ростка вырос большой чудесный цветок, совсем как тюльпан. Но лепестки цветка были плотно сжаты, точно у нераспустившегося бутона.

— Какой прелестный цветок! — сказала женщина и поцеловала красивые пёстрые лепестки.

И как только она поцеловала лепестки, там внутри, в бутоне, что-то щёлкнуло и цветок распустился. Это был точь-в-точь тюльпан, но в самой чашечке на зелёном пестике цветка сидела девочка. Она была маленькая-маленькая, всего в дюйм ростом. Её так и прозвали Дюймовочка.

Скорлупка грецкого ореха была её колыбелькой, голубые фиалки — периной, а лепесток розы — одеялом. В скорлупке она спала ночью, а днём играла на столе. Женщина поставила на стол тарелку с водой, а на края тарелки положила цветы, и длинные стебельки цветов купались в воде. Для маленькой Дюймовочки тарелка

с водой была целым озером, и Дюймовочка плавала по этому озеру на лепестке тюльпана, как на лодочке. Вместо вёсел у неё были два белых конских волоса. Дюймовочка целые дни каталась на своей чудесной лодочке, переплывала с одной стороны тарелки на другую и распевала песни. Такого нежного голоса, как у неё, никто никогда не слышал.

Однажды ночью, когда Дюймовочка спала в своей колыбельке, через открытое окно в комнату влезла большущая жаба, мокрая и безобразная.

Она вспрыгнула прямо на стол и заглянула в скорлупку, где спала под лепестком розы Дюймовочка.

— Вот славная жена будет моему сынку! — сказала жаба.

Она схватила ореховую скорлупку с девочкой и выпрыгнула через окно в сад.

В саду протекала речка, а у самого её берега было топкое болото. Здесь-то, в болотной тине, и жила старая жаба со своим сыном. Сын был тоже мокрый и безобразный — точь-в-точь как и его мать, старая жаба.

— Коакс, коакс, брекке-ке-кекс! — только и мог он сказать, когда увидел маленькую девочку в ореховой скорлупке.

— Тише ты! Разбудишь её, и она убежит от нас, — сказала старая жаба. — Она ведь легче лебединого пуха. Посадим-ка её на самую сере-

дину реки, на широкий лист кувшинки,— это целый остров для такой крошки. Оттуда уж ей ни за что не убежать. А я тем временем устрою для вас в тине уютное гнёздышко.

В реке росло много кувшинок, их широкие зелёные листья плавали по воде. Самый большой лист был дальше всех от берега. Жаба подплыла к этому листу и поставила на него ореховую скорлупку, в которой спокойно спала девочка.

Рано утром проснулась Дюймовочка и вдруг увидела, что она оказалась на листе кувшинки; кругом, куда ни посмотришь, вода, а берег чуть виднеется вдали. Дюймовочка очень испугалась и заплакала.

А старая жаба сидела в тине и украшала свой дом камышом и жёлтыми кувшинками — она хотела угодить молодой невестке. Когда всё было готово, жаба поплыла со своим гадким сынком к листу, на котором сидела Дюймовочка, чтобы взять её кроватку и поставить в спальне. Старая жаба низко присела в воде перед девочкой и сказала:

— Вот мой сынок! Он будет твоим мужем. Вы славно заживёте с ним у нас в тине.

— Коакс, коакс, брекке-ке-кекс! — только и мог сказать сынок.

Жабы взяли скорлупку и уплыли с ней, а Дюймовочка осталась одна на зелёном листе и горько-горько плакала — ей вовсе не хотелось

жить у гадкой жабы и выходить замуж за её противного сына.

Маленькие рыбки, которые плавали под водой, видели жабу и её сына и слышали, что она говорила Дюймовочке.

Они высунули из воды свои головы, чтобы поглядеть на крошку невесту. Как только рыбы увидели Дюймовочку, им стало ужасно жалко, что такой прелестной девочке придётся жить с жабами. Не бывать же этому! Рыбки подплыли к листу кувшинки, на котором сидела Дюймовочка, и перегрызли стебелёк листа.

И вот лист кувшинки поплыл по течению. Течение было сильное, и лист с девочкой плыл очень быстро. Теперь жаба никак не могла бы догнать Дюймовочку.

Дюймовочка плыла всё дальше и дальше. Птички, сидевшие в кустах, смотрели на неё и пели: «Какая прелестная маленькая девочка!» А лист всё плыл да плыл, и, наконец, Дюймовочка очутилась в чужих краях.

Вокруг Дюймовочки всё время порхал красивый белый мотылёк и, наконец, опустился на её лист — уж очень она ему понравилась. А Дюймовочка радовалась, что гадкая жаба не может её догнать, что всё вокруг так красиво, а вода сверкает на солнце, как червонное золото. Дюймовочка сняла с себя пояс, один его конец набросила на мотылька, а другой прикрепила к листу — и лист поплыл ещё быстрее.

Мимо летел майский жук. Увидев девочку, он обхватил её лапкой за тонкую талию и унёс на дерево, а лист кувшинки поплыл дальше, и с ним мотылёк,— он ведь был привязан и не мог освободиться.

Как испугалась бедная Дюймовочка, когда майский жук схватил её и посадил на дерево! Но не так она боялась за себя, как за красивого белого мотылька, которого привязала к листу,— она знала, что, если ему не удастся освободиться, он умрёт с голоду. Майский жук об этом и не помышлял. Он уселся с Дюймовочкой на самый большой лист, угостил её сладким цветочным соком и сказал, что она очаровательна, хоть и ничуть не похожа на майского жука. Потом к ним прилетели гости — другие майские жуки, которые жили на том же дереве. Они разглядывали Дюймовочку с головы до ног, и барышни шевелили усиками и говорили:

— У неё только две ножки! Какое убожество!

— У неё даже нет усиков!

— Какая у неё тонкая талия! Фи, она похожа на человека! Как она некрасива! — твердили в один голос все дамы.

На самом деле Дюймовочка была прелестна. Это находил и майский жук, который принёс её на дерево; но когда все остальные сказали, что она безобразна, он под конец сам поверил этому и не стал держать её у себя: пусть идёт, куда

знает, решил он. И вот он слетел с Дюймовочкой на землю и посадил её на ромашку. Дюймовочка горько заплакала: ей было обидно, что она такая некрасивая,— даже майские жуки не захотели принять её к себе. А ведь она была самой очаровательной девочкой, какую только можно себе представить: нежная и ясная, как прекрасный розовый лепесток.

Всё лето прожила бедная Дюймовочка одна-одинёшенька в большом лесу. Она сплела себе из травинок кроватку и подвесила её под лист лопуха, чтобы её не замочил дождик; она ела сладкую цветочную пыльцу и пила росу, которую каждое утро находила на листьях. Так прошло лето, прошла и осень; приближалась длинная, холодная зима. Все птички, которые так радовали Дюймовочку своим пением, улетели в тёплые края, цветы завяли, листья осыпались, а большой лопух, под которым она жила, пожелтел, высох и свернулся в трубочку. Платьице Дюймовочки изорвалось, и она всё время зябла; а ведь она была такая нежная и маленькая, долго ли ей было замёрзнуть. Пошёл снег, и каждая снежинка была для Дюймовочки словно целая лопата снега для нас: мы-то ведь большие, а она была всего в дюйм ростом...

Однажды Дюймовочка выбралась из леса на большое поле; хлеб давно уже был убран, и только голые сухие соломинки торчали из мёрзлой земли. Дюймовочка шла между ними, как

в густом лесу, и холод пронизывал её. Наконец, она подошла к норке, прикрытой сухими былинками. Тут, в тепле и довольстве, жила полевая мышь; амбары её были битком набиты зерном, кухня и кладовая ломились от припасов. Бедная Дюймовочка стояла у порога, как нищенка, и попросила подать ей хоть кусочек ячменного зёрнышка,— вот уже два дня, как у неё крошки во рту не было.

— Ах ты, бедняжка! — сказала полевая мышь, она была добрая старуха.— Ну, иди сюда скорей, погрейся да поешь со мной.

И так понравилась Дюймовочка старой мыши, что та предложила:

— Оставайся у меня на зиму. Только смотри, хорошенько убирай мои комнаты и рассказывай мне сказки,— я до них большая охотница.

Дюймовочка осталась; она всё делала так, как приказывала добрая старая мышь, и жилось ей хорошо.

— Скоро у нас будут гости,— сказала однажды полевая мышь,— раз в неделю ко мне приходит мой сосед. Он живёт ещё лучше меня, в просторном доме, и носит роскошную шубку из чёрного бархата. Вот если б тебе посчастливилось выйти за него замуж, ты бы жила без забот. Но только он слепой. Ты должна будешь рассказывать ему самые красивые сказки, какие только знаешь!..

(Перевод с датского А. Ганзен.)

Вопросы и задания.

1. Какая из прочитанных в учебнике сказок зарубежных писателей тебе запомнилась и полюбилась больше всего? Вспомни волшебные сказки, которые ты читал или слышал раньше.

2. Ты, наверное, знаешь много других сказок Г. Х. Андерсена, Ш. Перро, братьев Гримм. Рассмотри рисунки, на которых изображены сказочные герои. Из каких они сказок?

3. Мультфильм «Бременские музыканты» хорошо известен всем ребятам. Помогает ли песенка «Ничего на свете лучше нету, чем бродить, друзья, по белу свету...» представить героев сказки? Чему учит нас эта сказка?

4. На русский язык сказки народов мира переводят люди, которых так и называют — *переводчики.*

Сравни два текста:

* * *

1. Смотрел, смотрел и увидел: светится невдалеке огонёк.

— Огонёк светится! — кричит петух.

Осёл говорит:

— Надо узнать, что это за огонёк. Может быть, поблизости дом стоит.

Собака говорит:

— Может, в этом доме мясо есть. Я бы поела.

Кот говорит:

— Может, в этом доме молоко есть. Я бы попил.

А петух говорит:

— Может, в этом доме пшено есть. Я бы поклевал.

Встали они и пошли на огонёк.

Вышли на поляну, а на поляне дом стоит, и окошко в нём светится.

Осёл подошёл к дому и заглянул в окошко.

— Что ты там видишь, осёл? — спрашивает его петух.

— Вижу я, — отвечает осёл, — сидят за столом разбойники, едят и пьют.

— Ох, как хочется есть! — сказала собака.

— Ох, как хочется пить! — сказал кот.

— Как бы нам разбойников из дома выгнать? — сказал петух.

(Пересказ с немецкого А. Введенского.)

* * *

2. ...Они попали вечером в лес и порешили там заночевать. Осёл и собака улеглись под большим деревом, а кот и петух забрались на сук; петух взлетел на самую макушку дерева, где было ему всего надёжней. Но прежде чем уснуть, он

осмотрелся по сторонам, и показалось ему, что вдали огонёк мерцает, и он крикнул своим товарищам, что тут, пожалуй, и дом недалече, потому что виден свет. И сказал осёл:

— Раз так, то нам надо подыматься и идти дальше, ведь ночлег-то здесь неважный.

А собака подумала, что некоторая толика костей и мяса была бы как раз кстати. И вот они двинулись в путь-дорогу, навстречу огоньку, и вскоре заметили, что он светит всё ярче и светлей и стал совсем уже большой; и пришли они к ярко освещённому разбойничьему притону. Осёл, как самый большой из них, подошёл к окошку и стал в него заглядывать.

— Ну, осёл, что тебе видно? — спросил петух.

— Да что,— ответил осёл,— вижу накрытый стол, а на нём всякие вкусные кушанья и напитки поставлены, и сидят за столом разбойники и едят в свое удовольствие.

— Там, пожалуй, кое-что и для нас бы нашлось,— сказал петух.

— Да, да, если бы только нам туда попасть! — сказал осёл.

(Перевод с немецкого Г. Петникова.)

Какой перевод тебе показался более интересным? Объясни, почему. Найди этот эпизод в сказке, которая помещена в учебнике. Есть ли какая-нибудь разница?

5. Как тебе кажется: каким был кот из сказки «Кот в сапогах»: *честным, правдивым, обманщиком?*

6. Сказочники всего мира любят рассказывать о крошечных человечках, малюсеньких мальчиках и девочках. Ты прочитал уже несколько таких сказок. Может быть, ты знаешь ещё какие-нибудь? Расскажи.

Содержание.

УСТНОЕ ТВОРЧЕСТВО РУССКОГО НАРОДА.

РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ.

ПИСАТЕЛИ — ДЕТЯМ.

НАРОДНЫЕ СКАЗКИ.

ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ МИРА.

Учебное издание

РОДНАЯ РЕЧЬ

Учебник по чтению для учащихся начальной школы

В ТРЁХ КНИГАХ

КНИГА 1

Составители:

Голованова Мария Владимировна,
Горецкий Всеслав Гаврилович,
Климанова Людмила Фёдоровна

Зав. редакцией **Л. А. Виноградская**
Редакторы **Л. А. Виноградская, А. В. Рассказова**
Младший редактор **Н. Г. Полякова**
Художники:
В. В. Перцов, В. Н. Лосин, Н. А. Устинов, Е. Г. Монин, Е. В. Викторов, В. В. Кульков, Б. Л. Рытман, В. Д. Овчининский, И. В. Пчелко, В. П. Рассохин, Р. Ж. Авотин, М. Ф. Петров, И. М. Наумова, Н. В. Беляева

Художественные редакторы **Г. Студеникина, В. Г. Ежков**
Технический редактор **Т. Е. Молозева**
Корректор **М. М. Крючкова**

ИБ 15151

Подписано к печати с диапозитивов 01.04.93. Формат $70 \times 90^{1}/_{16}$. Бум. офс. № 1. Гарнит. Букв. Печать офсетная. Усл. печ. л. 25,74+0,29 форз. Усл. кр.-отт. 104,49. Уч.-изд. л. 14,23+0,34 форз. Тираж 412 000 экз. Заказ № 2279. С 114.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Просвещение» Министерства печати и информации Российской Федерации. 129521, Москва, 3-й проезд Марьиной рощи, 41.

Тверской ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Министерства печати и информации Российской Федерации. 170040, Тверь, проспект 50-летия Октября, 46.

Птица сильна крыльями, а человек дружбой

Крепкую дружбу

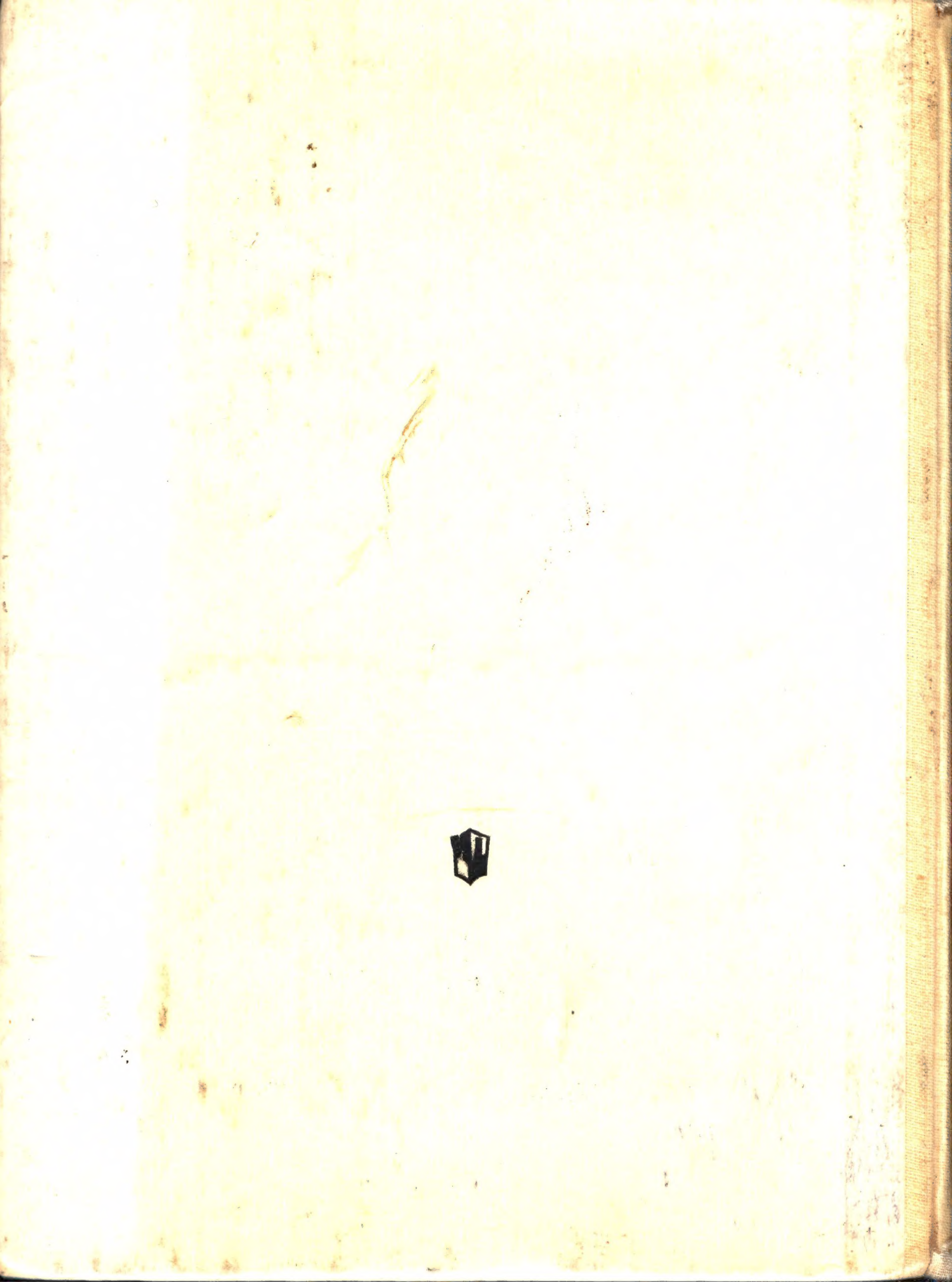
и водой не разольёшь

Земля освещается солнцем,

а человек знанием

Не одежда красит человека,
а его добрые
дела!
Где труд,
там и
радость

1 кн. РОДНАЯ РЕЧЬ (1994)